

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на ее основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает в себя следующие основные рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 15.02.2023 года):

- 5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
- 5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
- 5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
- 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
- 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

Журнал печатается во множительном участке ВВГУ. Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Вышло в свет 21.09.2023 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна — доктор социологических наук, ведущий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Бурлаков Виктор Алексеевич — кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Винокурова Анна Викторовна — кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Волыничук Андрей Борисович — доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Григоричев Константин Вадимович — доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (*г. Иркутск, Россия*).

Демьяненко Александр Николаевич — доктор географических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск, Россия*).

Дударёнок Светлана Михайловна — доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток, Россия*).

Золотухин Иван Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Караман Вадим Николаевич — кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева (*г. Владивосток, Россия*).

Киреев Антон Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Кожевников Владимир Васильевич — кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Кристоферсен Гайе — Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*).

Кузнецов Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Латушко Юрий Викторович — кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток, Россия*).

Лебедева Марина Михайловна — доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва, Россия*).

Лексютин Яна Валерьевна — доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (*г. Санкт-Петербург, Россия*).

Литошенко Денис Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (*г. Владивосток, Россия*).

Лукин Артем Леонидович — кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института — Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Наумов Юрий Анатольевич — кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета в г. Находка (*г. Находка, Россия*).

Римская Татьяна Григорьевна — кандидат исторических наук (*г. Находка, Россия*).

Рыжова Наталья Петровна — доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, (*г. Хабаровск, Россия*).

Севастьянов Сергей Витальевич — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (*г. Санкт-Петербург, Россия*).

Хисамутдинова Наталья Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Шестак Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического университета (*г. Владивосток, Россия*).

Шин Беом-Шик — Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеулского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*).

Широ Сасаки — Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*).

Ячин Сергей Евгеньевич — доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № F577–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998-6785.

Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

- monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);
- initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;
- presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;
- advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;
- development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ◆ Theory and Methodology of Regional Studies
- ◆ Historical Regional Studies
- ◆ Economy and Nature
- ◆ Social and Demographic structures
- ◆ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ◆ Political Relations and Management of the Region
- ◆ World System and International Regions
- ◆ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ◆ Region in the Documents and Testimonies
- ◆ Study of Science
- ◆ Discussion
- ◆ Reviews
- ◆ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published (as of 15.02.2023):

- 5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
- 5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
- 5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
- 5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
- 5.5.4. – International relations (political sciences)
- 5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

Editorial address: 692900, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

The journal is printed in the copying section of VVSU. Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

Published 21.09.2023. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (*Khabarovsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, leading methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Yana V. Leksyutina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University (*St. Petersburg, Russia*).

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy (*Vladivostok, Russia*).

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij A. Naumov – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Corresponding member of the International Academy of Ecology and Life Safety, Associate Professor, Vladivostok State University (*Nakhodka branch*) (*Nakhodka, Russia*).

Tatyana G. Rimsкая – Candidate of Historical Sciences (*Nakhodka, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Primorsky Laboratory for Economic Development and Cooperation, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (*Khabarovsk, Russia*).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2023

№ 3 (66)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ISSN 1998-6785

**ТЕМА НОМЕРА: ИСКУССТВО БЫТЬ (НЕ)ПОДВЛАСТНЫМ.
КИТАЙЦЫ И КОРЕЙЦЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ НА ВОСТОКЕ
РОССИИ ЗА 160 ЛЕТ**

От редакторов рубрики 9

Позняк Т. З. Китайские мигранты и региональная администрация на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. в свете исследований Джеймса Скотта 12

Рыжова Н. П. Корейские земледельцы в России: 100 лет повседневного сопротивления 25

Иванов С. А. Китайские овощеводы в советских селах: работники или арендаторы? 36

Корешкова Ю. О. "Материальный поворот" в неформальной экономике: китайское присутствие в сельском хозяйстве Сибири 51

Авдашкин А. А., Фаткулина И. И. "Они сажали алюминиевые огурцы на брезентовых полях": мигранты из Средней Азии и КНР в сельских районах Урала 63

Круглый стол

Барбенко Я. А., Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Леонтьева Э. О., Мишина Н. В., Украинский В. Н., Ярулин И. Ф. Трансграничные регионы Дальнего Востока 73

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кузнецов А. М. Концепция этничности Ф. Барта, ее истоки и реальная значимость 85

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Петров А. С. Влияние китайской организованной преступности на криминальную обстановку Восточной Сибири в начале XX века 98

Караман В. Н. Историография темы русского зарубежья на основе публикаций в журналах "Россия и АТР", "Ойкумена. Регионоведческие исследования" и "Известия Восточного института". Часть 2 108

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Будаев Б. С. Столичные муниципалитеты в субъектах ДФО (в условиях проведения малой муниципальной реформы) 119

Ся Линь. Конструирование имиджа России в газете "Жэньминь жибао" 130

Владивосток
2023

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Войтов С. А., Журбей Е. В. Институционализация аналитических центров Вьетнама и их роль в публичной политике. Часть 2 **141**

НАУКОВЕДЕНИЕ

Дударенок С. М. Научные направления, школы и ведущие ученые Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ ДВО РАН) ... **155**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шабельникова Н. А., Усов А. В. "Любовь моя – экспедиция": к юбилею академика Анатолия Пантелеевича Деревянко **167**

Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю., Яковлев А. И. XV Конгресс антропологов и этнологов России в Санкт-Петербурге: заметки участников **173**

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

Электронная почта редакции: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман

Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.

Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях.

Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

OJKUMENA

Regional researches

2023

№ 3 (66)

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

THE THEME: "THE ART OF BEING (UN) GOVERNED. THE CHINESE AND KOREANS IN AGRICULTURE OF THE EASTERN RUSSIA OVER 160 YEARS"

- From the editors of the heading 9
- Poznyak T. Z.** Chinese Migrants and Regional Administration in the Russian Far East in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries in the light of James Scott's research 12
- Ryzhova N.P.** Koryo Saram in Agriculture: 100 Years of Everyday Resistance 25
- Ivanov S. A.** Chinese vegetable farmers in Soviet villages: workers or tenants? 36
- Koreshkova I. O.** The "material turn" in the informal economy: China's Presence in Siberian Agriculture 51
- Avdashkin A. A., Fatkulina I. I.** "They Planted Aluminum Cucumbers in Tarpaulin Fields": Migrants from Central Asia and China in Rural Urals 63

ROUND TABLE

- Barbenko Ya. A., Blyakher L. E., Demyanenko A. N., Kireev A. A., Leontieva E. O., Mishina N. V., Ukrainskiy V. N., Yarulin I. F.** Transborder regions of the Far East 73

THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL STUDIES

- Kuznetsov A. M.** The concept of ethnicity by F. Barth, its origins and real significance 85

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

- Petrov A. S.** The influence of Chinese organized crime on the criminal situation in Eastern Siberia at the beginning of the XX century 98
- Karaman V. N.** Historiography of the theme of Russian abroad (Based on publications in the magazines "Russia and the Asia-Pacific region", "Ojkumena. Regional researches" and "Oriental Institute Journal"). Part 2 108

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF THE REGION

- Budaev B. S.** Metropolitan municipalities in the subjects of the Far Eastern Federal District (in the context of a small municipal reform) 119
- Xia Lin.** The construction of Russian image by People's Daily 130

WORLD SYSTEM AND INTERNATIONAL REGIONS

- Voitov S. A., Zhurbey E. V.** Institutionalization of think tanks in Vietnam and their role in public policy. Part 2 141

Vladivostok
2023

STUDY OF SCIENCE

Dudarenok S. M. Scientific directions, schools and leading scientists of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IAE FEB RAS) **155**

SCIENTIFIC LIFE

Shabelnikova N. A., Usov A. V. "My love – expedition": to the anniversary of Academician Anatoly Panteleevich Derevyanko **167**

Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu., Yakovlev A. I. XV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia in St. Petersburg: participants' notes **173**

Editorial address: 692900, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman

Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.

Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices.
The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

От редакторов рубрики

Предлагаемая рубрика посвящена теме китайского и корейского присутствия в сельском хозяйстве России на протяжении полутора столетий. Китайцы и корейцы как иностранные или российские подданные/граждане обрабатывали земли Приамурья и Приморья с момента их присоединения в 1858 и 1860 годах. Отчуждение земель на рубеже XIX – XX веков сократили, а депортация и принудительное переселение в 1930-х годах ликвидировали иностранное участие в аграрном секторе российского и советского Дальнего Востока на пять десятилетий. Однако, как только на рубеже 1980-х – 1990-х годов вместо плана пришел рынок, китайцы и корейцы вернулись, заняв сначала трудоемкие ниши, а затем став ключевыми производителями товарных капиталоемких культур, таких как соя. Более того, их присутствие перестало ограничиваться Дальним Востоком: тепличные хозяйства распространились по всей России через этнические деловые сети.

Дискуссия о китайских и корейских подданных/гражданах в российском сельском хозяйстве – это не просто обсуждение вопросов иностранного участия (их труда, капитала или знаний) в отдельном секторе экономики. Рассматриваемая проблематика связана с землей как территорией и как ресурсом, требующимся в больших масштабах для аграрного производства. Земля, помимо социально значимых вопросов владения и пользования, неразрывно связана с вопросом суверенитета, способностью государства подчинять и регулировать тех, кто "живет" на земле, наделять их политической субъектностью¹. Земля жестко зафиксирована в пространстве, ее невозможно переместить и тем самым изъять, поэтому государство и капитал должны изобретать различные режимы ее отчуждения. Сама полезность земли, ее способность удовлетворять человеческие потребности и соответственно выбор производимой продукции, зависит от этих режимов². Эту особенность сельского хозяйства хорошо описывает недавно появившийся термин "продовольственного суверенитета" как права наций и народов управлять своими продовольственными системами³. Этим термином осмысливается история развития сельского хозяйства в эпоху глобализации, однако он актуален и для более длительного периода, если в центр ставится вопрос: кто решает, что такое нация и каков ее состав, и как нация должна питаться.

Принимая во внимание сложность взаимоотношений тех, кто наделен государственной властью или представляет государство, и крестьян или фермеров, которые обычно остаются вне политики и не имеют к ней прямого доступа, мы решили собрать статьи под общей концепцией "искусство быть (не) подвластным". Это несколько модифицированная фраза из названия книги известного антрополога Дж. Скотта⁴, которая позволяет хорошо ухватить суть нашего стремления увидеть в китайских и корейских крестьянах, фермерах и аграрных предпринимателях не серую массу и объект с четко заданными этническими и социальными ролями, а субъектов, которым пытаются определить их роль и полезность в российском обществе, но которые, в свою очередь, агенты и способны реагировать на действия государства, пусть и с использова-

¹ Lund C. Fragmented sovereignty: land reform and dispossession in Laos // *The Journal of Peasant Studies*. 2011. № 4 (38). P. 886.

² Li T. M. What is land? Assembling a resource for global investment // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2014. № 4 (39). P. 591.

³ McMichael P. Historicizing food sovereignty // *The Journal of Peasant Studies*. 2014. № 6 (41). P. 933–957.

⁴ Scott J.C. *The art of not being governed: an anarchist history of upland Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press, 2009. 442 p.

нием "оружия слабых". "Голос" корейских и китайских аграриев нельзя "услышать" в архивных материалах, которые в основном произведены в интересах государства. Для российского исследователя он малодоступен и сейчас, через методы этнографии и социологии. Однако даже сухие бюрократические отчеты в архивах дают косвенные указания на различные формы сопротивления иностранных аграриев российской власти и сотрудничества между ними.

Рубрика собрала пять статей. Они затрагивают разные периоды истории корейского и китайского присутствия в сельском хозяйстве России, но ухватили важные и интересные феномены в каждом из них: взаимодействие иностранных земледельцев и российской власти на этапе ее утверждения в Приморье и Приамурье во второй половине XIX – начале XX века; встраивание корейских земледельцев в формирующееся командно-распределительное хозяйство в раннесоветский период; приглашение совхозами первых китайских аграриев на этапе перестройки; развитие и трансформация китайских тепличных хозяйств в Сибири и на Урале в постсоветский период. В силу специфики изучаемых исторических периодов, источников, личных теоретических и методологических пристрастий статьи имеют разный исследовательский фокус, но одновременно обнажают противоречия, которые могут стать отправной точкой для последующих исследований.

Статья Т.З. Позняк открывает рубрику и посвящена представлениям чиновников Российской Империи о маньчжурском и китайском присутствии в сельском хозяйстве Приамурья и Приморья, практиках его регулирования и попытках иностранных крестьян отстоять свои права на владение и использование земельных и других ресурсов на территориях проживания. Через концепции "неподвластности" и "моральной экономики" Т.З. Позняк удалось показать разнообразные практики сопротивления иностранных крестьян – от физического насилия до ухода в неформальную экономику – нарастающему процессу установления и укрепления российского суверенитета в Приморье и Приамурье.

Несколько другой фокус для исследований практик сопротивления корейских земледельцев в раннесоветский период выбрала Н.П. Рыжова. В своей статье она задается следующим вопросом: если корейские крестьяне не проявляли публичного протеста в отношении насильственных практик советской власти по их переселению, то можно ли говорить в данном случае об отсутствии сопротивления и полном подчинении. Ее анализ дает отрицательный ответ – корейцы применяли практики рутинного сопротивления при организации своей сельскохозяйственной деятельности в Центральной Азии. Причем успешность этих практик зиждилась на фрагментарности и непоследовательности российского/советского государства, его неспособности предоставить надежную и устойчивую альтернативу традиционным практикам хозяйствования корейцев.

С.А. Иванов раскрывает другую сторону взаимодействия представителей государства с иностранными земледельцами на Дальнем Востоке. На примере сельского хозяйства Пограничного района Приморья в период перестройки он показывает, как формировалось низовое взаимодействие советской власти и китайских овощеводческих бригад, которые не связывали свою жизнь с российской территорией и занимались исключительно товарным производством. Используя идеи М. Фуко о связи власти и знания, исследователь фокусируется на управленческих и дискурсивных практиках локальной элиты в СССР, которые позволяли скрыть автономность и капиталистический характер китайских овощеводов, и представить их работниками совхозов.

Постсоветский период открывает статья Ю.О. Корешковой о китайских теплицах в Восточной Сибири. Следуя идеям Деланды об ассамбляжах и важности в них материальных объектов, она отказывается от бинарной логики "государство – иностранный аграрий" и раскрывает, насколько старая советская инфраструктура была важна для производственных и социальных отношений "китайской теплицы".

Рубрику закрывает работа А.А. Авдашкина и И.И. Фаткулиной. В ней авторы обращаются к живучести дискурсов о китайском присутствии, даже об отторжении земли и образовании анклавов в сельской местности мигрантами из Китая и Средней Азии. Авторы показывают, что несмотря на то, что в теплицах уже практически не встречаются китайцы, представления об их

"китайскости" наполняются все новым содержанием. "Китайская теплица" воображается как квинтэссенция мигрантскости, чуждых принимающей стороне архаичных практик, направленных на "захват" пространства "другими", нанесение ущерба "нам".

Н.П. Рыжова, С.А. Иванов

Научная статья
УДК 947.083(571.6):314.74(510)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/12-24>

Китайские мигранты и региональная администрация на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. в свете исследований Джеймса Скотта

Татьяна Зиновьевна Позняк
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, tzpoznyak@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется дискурс и практики взаимодействия китайских мигрантов и представителей российского государства в приграничном регионе в рамках концепций Дж. Скотта. Автор останавливается на нескольких сюжетах из истории этого взаимодействия на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. Автор приходит к выводу, что возможны различные толкования фактического материала: в одних случаях мы можем интерпретировать неподвластность китайцев российским властям как подвластность маньчжурским, в других – как разнообразные формы сопротивления любому государству. В текстах российской власти сквозит озабоченность неподконтрольностью и неполяльностью китайцев, но уже наличие этого дискурса и усилий региональной администрации по установлению контроля над азиатскими мигрантами свидетельствует о начавшемся процессе установления подвластности "Зомии" государству.

Ключевые слова: "Моральная экономика", "зазейские маньчжуры", китайские мигранты, российский Дальний Восток, государство, власть, региональная администрация, маньчжурская война, хунхузы

Для цитирования: Позняк Т. З. Китайские мигранты и региональная администрация на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. в свете исследований Джеймса Скотта // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 12–24. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/12-24>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/12-24>

Chinese Migrants and Regional Administration in the Russian Far East in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries in the light of James Scott's research

Tatiana Z. Poznyak
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, tzpoznyak@mail.ru

Abstract. The article analyzes the discourse and practices of interaction between Chinese migrants and representatives of the Russian state in the border region within the framework of the concepts of J. Scott. The author dwells on several cases from the history of this interaction in the Russian Far East in the second half of the XIX and early XX centuries. The author comes to the conclusion that various interpretations of the factual material are possible: in some cases, we can interpret the Chinese's insubordination to the Russian authorities as subordination to the Manchu authorities, in others – as various manifestations of the resistance to any state – "the Art of Not Being Governed". In the texts of the authorities, there is a concern about the lack of subordination of the Chinese, but the presence of this discourse and the efforts of the regional administration to establish control over Asian migrants testify to the process of establishing the subordination of "Zomia" to the state.

Key words: "Moral economy", Zaiji Manchus, Chinese migrants, Russian Far East, state, authorities, regional administration, Manzhou war, Honghuzi

For citation: Poznyak T. Z. Chinese Migrants and Regional Administration in the Russian Far East in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries in the light of James Scott's research // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 12–24. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/12-24>

В последние годы среди отечественных ученых стали популярными труды известного американского антрополога и политолога Джеймса Скотта, опубликованные в 1970-е – 2000-е гг. [32–36]. В 2000-х – 2020-х гг. некоторые из них переведены на русский язык [23; 24]. Разработанный им понятийный аппарат историко-социологического исследования власти применяется "широко и эффективно антропологами, социологами, политологами, историками, причём не только при изучении традиционных сельских сообществ, но и в исследовании вполне современных социальных институтов Запада" [12, с. 148]. Актуальным и небезынтересным представляется предложение редколлегии журнала "Ойкумена" осмыслить в этих парадигмах китайское и корейское земледельческое население на российском Дальнем Востоке в разные исторические эпохи. Концепты и понятийный аппарат Дж. Скотта вполне применимы к определенным периодам истории российского Дальнего Востока. Приамурье и Приморье в начальный период освоения русскими можно рассматривать как своеобразную "Зомию" – трудно- и недоступные государственной власти территории на периферии двух империй – Российской и Цинской, – где формировались самоуправляющиеся сообщества беглецов и

бродяг, сознательно выбиравших для жизни необитаемые местности и устанавливавших симбиотические отношения с этими государствами. Однако, вероятно, это относится к довольно короткому периоду – пока эти империи не начали устанавливать контроль над этой территорией. Дж. Скотт признает, что существованию Зомии положен конец после Второй мировой войны, когда государство получает новые возможности установления контроля, поглощая прежде неконтролируемые районы [24, с. 13].

Для исследования повседневных практик взаимодействия с властью как российских крестьян, казаков, так и китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке в период с 1880-х гг. продуктивным представляется также концепт "моральной экономики". В книге "Моральная экономика крестьянина: восстание и выживание в Юго-Восточной Азии" Дж. Скотт формулирует главный социальный идеал традиционного сообщества - моральная экономика, понимаемая как безопасное существование, предотвращающее голод: земледелец в первую очередь стремится избежать неудач, которые являются причиной его разорения, а не пытается сорвать большой куш от рискованных мероприятий. Поведение крестьянина можно охарактеризовать как нежелание риска и минимизация вероятности максимальной потери. Исходя из главного принципа – безопасность и гарантии выживания, – крестьянство вырабатывает этическую систему и целый ряд приспособительных приемов и практик взаимопомощи. Обеспечение гарантий выживания структурировало также этику отношений с внешним миром – "элитами" / государством, главным принципом в которых было требование равенства, справедливости и обеспечение минимума земельных ресурсов для базовых потребностей. Крестьянская идея справедливости и законности обеспечивается нормой взаимности и вытекающей из нее обязанности элиты (и, соответственно, права крестьянина) гарантировать или, по крайней мере, не нарушать требования на выживание и условия, в которых для крестьянина это возможно. Отказываясь признавать базовые права крестьянина в качестве своих обязанностей, элита утрачивает право на продукт крестьянина и в результате разрушает нормативный базис для дальнейшего почтения к себе. Неповиновение становится нормативно оправданным [32, р. 4–7, 32–33, 188–189].

В книге Дж. Скотта "Оружие слабых" идеи "моральной экономики" получили дальнейшее развитие. Поговорка крестьян Центральной Америки — "подчиняюсь, но не повинуюсь" является ключевой для понимания моделей поведения "слабых" перед лицом "власти". Непрерывное сопротивление крестьян эксплуатации принимает различные формы в зависимости от ситуации, и только в крайнем случае оно выливается в открытый бунт, за который приходится платить необыкновенно высокую человеческую цену. Предпочтительным является рутинное сопротивление: "Повседневные формы крестьянского сопротивления - прозаическая, но постоянная борьба между крестьянством и теми, кто стремится извлечь из него рабочую силу, продовольствие, налоги, арендную плату и проценты. Большинство форм, которые принимает эта борьба, не доходят до коллективного открытого неповиновения" [33, р. 29–30]. Формы пассивного неподчинения бывают весьма разнообразными: притворство, уклонение, обман, ложная уступчивость, воровство, притворное невежество, клевета, поджоги, саботаж, затягивание сроков исполнения, потаенные послания и пр. Слабые не бессильны, они находятся в конфронтации с властью, те, кто правят, одерживают победу, но редко когда полную [29, с. 12].

Цель статьи рассмотреть дискурс власти и практики взаимодействия китайских мигрантов и представителей российского государства в приграничном регионе во второй половине XIX - начала XX в. в рамках концепций Дж. Скотта. Используемый автором термин "китайские мигранты" обозначает выходцев из Китая (подданных Цинской империи / граждан Китайской республики) любой этнической принадлежности (ханьцы, маньчжуры, дауры и др.), оказавшихся в силу тех или иных причин на российской территории – приехавших на заработки или живших на данной территории до ее присоединения к Российской империи и оставшихся здесь проживать после. Автор осознает дискуссионность и неточность этого, как, впрочем, и многих других – манзы, китайцы, китайское население – терминов.

Необходимо предварительно оговорить несколько моментов. Во-первых, автор не ставит перед собой задачи создания последовательного нарратива о взаимодействиях российских региональных властей и выходцев из Цинской империи / Китайской республики, поскольку история иммиграции и правовые основы пребывания иностранных подданных на российском Дальнем Востоке, включая подданных Цинской империи, довольно обстоятельно изложены в исторической литературе [8; 10; 11; 13; 14; 15; 17; 22; 25; 26], и в виду обширности темы создание цельного нарратива на новом концептуальном основании требует объема не статьи, а монографии.

Во-вторых, концепты выбраны автором исходя из установки редколлегии журнала и названия рубрики – на исследование китайцев и корейцев – земледельцев и их "неподвластности". Автор попытался показать, что концепт "неподвластности" не всегда применим, и в каких-то случаях взаимодействие региональной администрации и выходцев из Цинской империи можно интерпретировать, скорее, в рамках концепта "моральной экономики крестьянина" и "оружия слабых".

В-третьих, земледельцы составляли лишь небольшую часть китайского населения на российской территории. Преобладающими занятиями среди китайцев были торговля, морской каботаж, извоз, морские и лесные промыслы, наемный труд в добывающей и обрабатывающей промышленности, на транспорте и пр. [14; 17; 19; 31]. Это большинство невозможно полностью оставить в стороне, поскольку, с одной стороны, все они были вчерашние земледельцы, с другой – хотя основные примеры взаимодействия и сопротивления китайцев властям представлены не земледельцами, в силу установки редколлегии китайское население городов не рассматривается автором.

Четвертая оговорка касается возможности "дать слово" китайцам – земледельцам применительно ко второй половине XIX – началу XX в. Мы можем исследовать проблему, опираясь лишь на тексты российских чиновников, транслировавших позицию китайцев и, вероятно, искажавших ее. Немного лучше обстоит дело, например, с китайцами, проживавшими в городах, они часто обращались к представителям российской власти, но большинство этих прошений написаны "культурными брокерами" – посредниками на стыке двух культур – русскими присяжными поверенными, переводчиками – русскими и китайцами, возможно, также привнесшими свое видение в эти "письма во власть" [16]. Исходя из этого, именно тексты представителей власти являются источниками исследования, и именно дискурс власти высвечивает проблему (не)подвластности китайских мигрантов.

Исследуемые случаи взаимодействия региональной администрации и выходцев из Китая выбраны как наиболее яркие, по мнению автора, примеры российского имперского дискурса о неподвластности последних.

Правовое положение подданных Цинской империи, оказавшихся на территории Приамурья в момент присоединения к Российской империи, было определено Айгунским договором 1858 г., согласно которому "зазейские маньчжуры", оставшиеся проживать на левом берегу Амура от Зеи на юг до деревни Хормолдзин, не только могли оставаться "вечно на прежних местах их жительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали", но и получили фактически право экстерриториальности, так как находились под юрисдикцией китайского правительства [8, с. 96; 20, с. 29]. Участники переговоров с маньчжурскими чиновниками осознавали возможные негативные последствия этой уступки, однако Н.Н. Муравьев считал более важным получить документ о праве России на левый берег Амура и надеялся, что с укреплением российского присутствия можно будет изменить статус этого населения или переселить его на китайскую сторону реки [10, с. 129].

После присоединения к Российской империи Уссурийского края, по условиям Пекинского договора 1860 г., китайские подданные, находившиеся там, могли оставаться на прежних местах и заниматься "рыбными и звериными промыслами" [20, с. 35]. В Уложении о наказаниях издания 1866 г. в примечании к ст. 172 также было прописано особое положение китайцев среди иностранцев: "...китайцы, учинившие преступление на российской стороне границы, высылаются их правительству" [11, с. 43]. Этот пункт учитывал положение об экстерриториальности "зазейских маньчжур". Тем самым были заложены "мины замедленного действия", приведшие к неопределённости

статуса китайских подданных на российской территории и впоследствии, с изменением миграционной ситуации в регионе побудившие власти к активной законотворческой работе по исправлению сложившегося положения [15, с. 56, 59, 82].

Договоры зафиксировали существование на российской территории двух категорий подданных Цинской империи с разным правовым статусом: "зазейские маньчжуры" – земледельцы, подчиненные маньчжурским властям, и промысловики в Южно-Уссурийском крае. Среди представителей имперской региональной администрации и исследователей края было распространено представление о том, что последние представляли собой бедных работников, бессемейных бродяг и преступников, скрывавшихся от надзора Цинской империи и не подконтрольных её властям [2, с. 49–51; 37, с. 69].

Китайцев, заселявших Приморье до присоединения к российскому государству, можно интерпретировать как население, избегавшее государственного контроля. На момент присоединения края к Российской империи точных сведений об их численности, территории проживания и занятиях не было ни у российских, ни у маньчжурских властей. Судя по обследованиям 1870-х – 1890-х годов, китайское население Южно-Уссурийского края занималось не только промыслами (охотой, добычей морской капусты, женьшеня, золота, древесных грибов, пантов и пр.), но также земледелием и неэквивалентным обменом с аборигенным населением региона. Продукты промыслов – древесный гриб, панты, морскую капусту, женьшень и пр. – вывозились в Китай [13, с. 425–426; 18, с. 84–93]. По свидетельству пионеров освоения региона, столкнувшихся с китайцами в Приморье в 1860-х годах, последние управлялись старшинами [10, с. 74–75]. Некоторые авторы не исключают того, что последние назначались и контролировались Цинскими властями [3; 13, с. 215].

В условиях, когда большая часть края оставалась малонаселённой, контакты китайцев с российским населением были эпизодическими, региональные власти относились к китайцам индифферентно, факт их присутствия на российской территории не рассматривался как проблема, требовавшая неотложного решения [15, с. 56].

Первым сигналом существования проблемы неподвластности китайцев и необходимости определить позицию по отношению к ним для администрации Восточной Сибири явились события 1868 г., вошедшие в историю как "манзовская война". Военные действия и меры, предпринятые региональной администрацией, описаны в как в дореволюционной [3; 9, с. 187–188], так и постсоветской литературе [1, с. 112–115; 6, с.47–56; 7; 10, с. 72–73; 15, с. 57; 22, с. 110–111].

Что стало причиной вооруженного сопротивления китайцев российским войскам? Попытка команды под руководством лейтенанта А.А. Этолина, командира военной шхуны "Алеут", прекратить незаконную добычу золота китайцами на острове Аскольд вызвала недовольство последних, вплоть до решимости отстаивать свое право на золотой промысел вооруженной силой. Восставшими были выжжены пост Стрелок, села Шкотово, Суйфунское и Никольское, большинству жителей удалось спастись бегством, но не обошлось и без человеческих жертв. Выступление было подавлено военной силой. Эти события высветили для правительства и региональной администрации проблему проживания китайских мигрантов на российской территории как фактора, который может угрожать здесь позициям России [15, с. 57].

В большинстве дореволюционных работ и в официальных документах восставших часто называли хунхузами [3; 18, с. 97–98], и только некоторые авторы – вооружённой шайкой бродяг, лишенных привычных для них занятий [9, с. 187].

Можно ли объяснить вооруженное сопротивление китайцев с точки зрения концепций Дж.Скотта? Вероятно, да. Причина бунта лежала, видимо, в различных взглядах на принадлежность территории – российская власть рассматривала её как принадлежавшую Российской империи, где она имела законное право устанавливать свои правила игры, а китайские промысловики – как неподконтрольную никакому государству – зону их кормления и убежища. Они воспринимали российских военных как мешавших их законному праву на добычу золота.

С конца 1870-х – начала 1880-х гг. представители региональной администрации регулярно стали обращаться в вышестоящие инстанции, указывая на неподконтрольность китайского населения, и с просьбами прояснить его права и обязанности. Особенную озабоченность российской власти вызывал зазейский анклав в Приамурье. Изменение политики в отношении этой категории иностранных подданных также неоднократно была в центре внимания исследователей [10, с. 129–141; 15, с. 81–86].

С конца 1870-х гг. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин во всеподданнейших отчетах начал ставить вопрос о необходимости упорядочения отношений с данной категорией китайских подданных на нашей территории [21, с. 60]. В 1880 г. он распорядился провести первое размежевание земель, заселенных "зайскими маньчжурами", предъявил маньчжурским властям требование не проникать в русские владения, не захватывать на нашей территории земли и не рубить лес. Маньчжурские власти, в свою очередь, стали распространять среди своих подданных на правой стороне Амура манифесты о временном характере пребывания русских на Амуре, а также обвиняли русские власти в нарушении трактатов.

Записка, посвященная "китайскому вопросу" и приложенная к всеподданнейшему отчету генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина за 1880–1881 гг., демонстрирует дискурс российской власти о неподконтрольности ей "зайского анклава": "Проживая в наших пределах на государственной земле, китайцы Амурской области не отбывают для нашего правительства никаких повинностей, не платят податей, не подчиняются нашим властям и не судятся по нашим законам в случае совершения преступления, а выдаются для наказания китайским чиновникам в Айгунь" [21, с. 89]. Анучин предложил ряд мер для подчинения китайского населения российской власти [21, с. 91–92].

Как только российские власти попытались установить контроль над территорией, его население оказало сопротивление. Например, осенью 1883 г. проведение телеграфной линии от ст. Поярковой до г. Благовещенск встретило сопротивление "со стороны местного маньчжурского населения, действовавшего по приказанию китайских чиновников, присланных из Айгуна. Порядок был восстановлен 28 сентября по прибытии на место происшествий командированного губернатором Амурской области чиновника Павлицева с взводом казаков; при чем были арестованы и привлечены к ответственности двое старшин и два крестьянина, но, к сожалению, главные виновники – чиновники – успели скрыться и тем только избегли заслуженного ими наказания" (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 42. Л. 1об.)¹.

Для предотвращения подобных эксцессов генерал-губернатор Восточной Сибири 28 сентября 1883 г. телеграммой приказал военному губернатору Амурской области "...объявить маньчжурскому населению, сидящему на нашей территории, о принадлежности земли по левому берегу р. Амура Российскому государству, которое по ближайшему своему усмотрению может проводить телеграфы, дороги и возводить другие сооружения, с ответственностью за сохранение этих сооружений местных старшин и их обществников". Чиновник Павлицев до 13 октября обошел большую часть маньчжурских селений. 14 октября предполагалось сделать объявление в селение Дончифа, вперед для сбора населения был выслан подхорунжий Кычагов с переводчиком и тремя казаками. Они подверглись нападению местных жителей. После прибытия основного отряда порядок был восстановлен, были арестованы старшина селения Иктафа и трое крестьян – дауров. Согласно показаниям казаков, дауры отказались показывать дом старшины и стали наносить казакам побои. Дауры отрицали свою вину, настаивая, что они не поняли, чего от них хотят и испугались, что их пришли убивать, поэтому защищались, поскольку казаки их били шашками и нагайками (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 42. Л. 2, 5–16). Дальнейшее разбирательство пришлось вести уже после образования Приамурского генерал-губернаторства, назначенный на эту должность барон Корф постановил крестьян – дауров подвергнуть заключению на 6 месяцев, а старшину - за бездействие на 8 месяцев (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 42. Л. 17–18).

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Сопротивление российской власти выражалось в различных формах: препятствованию размежеванию земли и проведению телеграфной линии, дорог, срыв столбов, незаконной вырубке леса, воровстве сена у крестьян, уничтожении межевых знаков, расползании территории и увеличении численности поселенцев за счет переселения с левого берега Амура.

Именно тексты представителей российской власти транслируют точку зрения "засейских маньчжур" о принадлежности им заселенной ими территории и факты подогревания этих представлений Цинскими властями, регулярно посещавшими засейский анклав. Жалобы китайской стороны на незаконность действий русских властей также демонстрируют их убежденность в подвластности им "засейских маньчжур". Засейский анклав вряд ли можно рассматривать как "Зомию", ведь наблюдался явный контроль над ним со стороны маньчжурских властей: сбор налогов, воинская обязанность населения, регулярное посещение чиновниками, управляемое переселение и пр.

Опасения нелояльности китайцев, страх перед "желтой опасностью" и бытовой расизм среди населения, обостренные в период восстания ихэтуаней, паника, охватившая население области после бомбардировки Благовещенска и русских пароходов на Амуре с китайской стороны, а также и материальная заинтересованность, включая подспудное желание крестьян и казаков получить обработанную засейскими маньчжурами землю, привели к трагическому исходу – китайскому погрому в Амурской области и прекращению существования "засейского анклава" [5, с. 38–60].

Следующий кейс - история китайских земледельцев и промысловиков Сучанской долины и старшины Лигуя, детально описанная рядом авторов [10, с. 117–128; 22, с. 113–116], – иллюстрирует трансформацию отношений "Зомии" с государством.

Численность китайцев в Сучанской долине во второй половине 1860-х гг. оценивалась приблизительно в 500–1000 чел. Основным занятием оседлых китайцев было земледелие, они выращивали просо, сорго, бобы, фасоль, кукурузу, ячмень и другие культуры. Кроме земледельцев здесь в определённые сезоны появлялись охотники и промысловики [13, с. 425–426]. У китайцев на Сучане существовало самоуправление, в каждом поселении на определенный срок выбирался старшина, который разбирал мелкие споры и наказывал за преступления. Над старшинами поселений стоял главный старшина. Вероятно, одним из таких главных старшин был Лигуй, обосновавшийся на Сучане около 1845 г., и к 1868 г. ставший уже зажиточным землевладельцем. Во время манзовской войны он не поддержал вооружённое сопротивление китайцев российской власти, создал для самообороны отряды китайской милиции [14, с. 118–128]. Весной 1880 г. Лигуй отказался переправить через Сучан отряд штабс-капитана Наперсткова, за что был арестован. Сохранилось "нижайшее прошение доверенного китайских манз, живущих по рекам Сучану, Цемухэ и Шидохэ манзы Суньджаулинь" от 20 июня 1880 г.: "В виду преклонных лет заслуженного старика, тем более безвинно томящегося в тюрьме, нижайше просит Вас манзовское население приказать освободить его (старшину Лиугуя²) из под ареста под поручительство оседлых манз и торгового манзовского населения города Владивостока. Следствие о беспорядках, допущенных г. Наперстковым в Сучане, как неправильно произведенное, для раскрытия истины, приказать перерасследовать в строжайшем порядке, назначив для сего опытного следователя" (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 101. Л. 3–3об.). Военный губернатор Владивостока А.Ф. Фельдгаузен запросил пограничного комиссара Н.Г. Матюнина, может ли Лигуй быть освобождён на поруки под поручительство манз (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 101. Л. 5), и тот ответил, что этого сделать нельзя, так как по поручению губернатора Приморской области его следует отослать в Николаевск (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 101. Л. 5об.–6). Суд, рассмотрев дело Лигуя, постановил подвергнуть его административной высылке в отдалённые от границы местности Российской империи. Однако военный губернатор Приморской области нашел действия штабс-капитана Наперсткова неясными и отменил решение суда [22, с. 114].

18 марта 1882 г. на сходе 300 китайцев был зачитан указ китайского правительства о назначении Лигуя правителем Сучана. Этот статус и белый

² В этой переписке Лигуй везде фигурирует как Лиугуй или Лиу-гуй.

хрустальный шарик чиновника 5 степени он получил во время посещения Хунчуня, вероятно, в период с конца 1880-го по март 1882 г. Лугуй собрал отряд численностью 240 чел., укрепил свою фанзу рвом и валом, стал собирать дань с подвластного населения, преследовать хунхузов. Он имел постоянную связь с Китаем, получая приказы, распоряжения и другие документы. Такая ситуация обеспокоила региональную администрацию, и в апреле 1882 г. на Сучан послали военный отряд для поимки Лигуя. Китайская почта предупредила его, и ему удалось скрыться. На Сучане был размещен воинский отряд численностью в 150 чел. [10, с. 126–128; 22, с. 114–115]. В 1880-х гг. началась колонизация Сучанской долины, китайцам приказано было выселиться, однако полностью выселить их не удалось. Даже после русско-японской войны российские переселенцы сталкивались здесь с сопротивлением китайских земледельцев, которые не всегда уходили и оставляли свои пашни, а иногда угрозами и расправами заставляли покинуть эти места крестьян. В других же случаях китайцы переходили к иной тактике – аренде у крестьян своих земель [13, с. 435–436].

Этот кейс можно интерпретировать как начало в 1880-х гг. наступления государства на неподвластное китайское население Сучана. Военные губернаторы Приморской области и Владивостока активизировали попытки установить контроль над китайцами в городах и вне их [15, с. 59–62]. Активизировались и маньчжурские власти: они протестовали против якобы нарушения российской стороной договоров, посылали чиновников, назначали старшин, стремясь наладить управление китайцами на российской территории. Этот пример иллюстрирует как сопротивление китайских земледельцев российской региональной администрации, так и попытки взаимодействия с ней. Но мы видим здесь попытки Цинской империи установить контроль над своими подданными на российской территории.

Кроме этих примеров, иллюстрирующих попытки двух государств установить контроль над населением, скрывавшимся на их периферии, можно привести случаи сопротивления китайцев и китайским, и российским властям.

С конца 1870-х гг. российская региональная администрация начала ставить вопрос о посевах мака и употреблении опиума китайцами. В 1890-х гг. обсуждение проблемы вышло на уровень правительства, и было связано с озабоченностью китайского правительства контрабандой опиума с российской территории. Региональные власти начали сбор сведений об аренде земель китайцами у крестьян и казаков под выращивание мака и масштабах производства опиума в крае. Данная проблема освещалась как в имперское, так и в постсоветское время [2, с. 138–149; 4; 14; 17; 25].

В рамках данного исследования нас интересует лишь один из аспектов - взаимодействие азиатского и русского населения Южно-Уссурийского края в выращивании мака и сопротивление ограничениям, накладываемым государством. Источником послужили несколько рапортов и докладов на имя разных должностных лиц, которые были препровождены приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти.

19 августа 1912 г. пристав 2-й части г. Никольска-Уссурийского Н.К. Рейхардт доложил начальнику Никольск-Уссурийского уезда о результатах экспедиции в долину р. Суйфун для розыска хунхузов с 15 июля по 13 августа 1912 г. Экспедиция прошла по территории уезда около 600 вёрст, выявила множество земельных участков с посевами мака, многочисленные фанзы в тайге около маковых плантаций, во всех населённых пунктах обнаружила опиокурильни и банковки, незарегистрированное оружие. Рейхардт обратил внимание на пособничество местного крестьянского и казачьего населения, и даже крестьянских начальников, хунхузам. Последние заранее предупреждались о приближении экспедиционного отряда. Крестьяне и казаки принимали участие в выращивании мака и транспортировке опиума, сдавали земли в аренду китайцам под посадку мака, что приводило к сокращению посевов злаковых культур. Об огромных масштабах посевов свидетельствовало то, что уничтоженный китайцами при бегстве от экспедиционного отряда мак, сброшенный в реку, плыл по ней ещё несколько дней. Корейцы — жители местных сёл — были вовлечены в контрабанду товаров и опиума из Китая и обратно, а казаки, жившие в пос. Корфовский, вместе с китайцами охраняли

маковые плантации для одного из арендаторов (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 193—195 об.).

Подобной же озабоченностью пронизан рапорт и.д. военного губернатора Приморской области от 26 июля 1912 г. на имя генерал-губернатора. В нем говорилось о самовольных действиях местных приставов разных станов в Южно-Уссурийском крае по пресечению макосеяния русским и корейским населением, а также указывалось на то, что "китайцы владельцы маковых плантаций, в силу необходимости, являются ближайшим друзьями хунхузов, которые через них достают и провизию, а также необходимые сведения и помощь в деле приобретения нужных для их разбойничьего промысла средств и оружия, а в минуты опасности находят у них приют" (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 187—191).

Рапорт заведующего Побережным переселенческим подрайоном "Применение желтого труда в 1912 году на надельных землях Побережного переселенческого подрайона", полученный генерал-губернатором 2 октября 1912 г., свидетельствовал об усиленной сдаче крестьянами своих надельных земель в аренду китайцам и корейцам. Крестьяне наладили взаимовыгодные связи с арендаторами по доставке овощей и опия в города. На маковых плантациях крестьяне собирали маковые семена для себя, для питания и выработки масла, не встречая препятствий со стороны китайцев. Особое опасение заведующего вызывало то, что крестьяне отвыкали от земледелия, посевные площади под злаками уменьшались, что увеличивало зависимость края от Маньчжурии; в районе активизировались шайки хунхузов, привлекаемые посевами мака (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 222—224 об.). По мнению заведующего, важную роль в увеличении производства опиума и вовлечения в него китайского, корейского и русского населения сыграло введение закона об ограничении желтого труда 1910 г. Не находившие себе занятия в городах на казенных работах китайцы занялись макосеянием как наиболее выгодным сельскохозяйственным промыслом [17, с. 123—125].

Озабоченность российских властей вызывало не выращивание опийного мака, до 1915 г. оно не было запрещено российским законодательством, а сдача крестьянами и казаками земель в аренду и уменьшение посевов зерновых культур. Производство же опиума и его контрабанда вызывала большее недовольство китайских властей. В 1915 г. в ответ на просьбы китайского правительства и в обмен на запрет контрабанды ханшина с китайской стороны был принят закон, запретивший посевы мака, изготовление, приобретение, хранение и сбыт курительного опия и приспособлений для курения (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 206—206 об., 235). [17, с. 123—125; 25, с. 235—251].

Этот вид заработка можно рассматривать с точки зрения "моральной экономики" как способ крестьян, казаков, корейцев и китайцев обеспечить себе выживание, и восприятие ими запрета как несправедливое требование власти и потому нарушение его являлось нормативно оправданным. В архивных документах сохранилось немало свидетельств о продолжавшемся макосеянии, задержания контрабанды опиума и ханшина и после принятия закона 1915 г.

Деятельность хунхузов и на российской, и на китайской территории — тема многочисленных публикаций и в имперское, и в постсоветское время [2; 3; 6; 9; 13, с. 351—372; 19; 22, с. 110—132; 27; 28; 30, с. 222—251]. Хунхузы как явление по-разному трактовалось авторами в имперское время: одни ассоциировали их с любыми преступниками — бродягами, грабителями и убийцами, другие — с беглецами, скрывавшимися от китайских властей на неподконтрольной им территории, третьи считали их политическим сообществом, не примирившимся с российским владычеством в крае и ведущим с ним упорную партизанскую войну, четвертые — что они представляют собой наследственную касту преступников, из поколения в поколение занимавшихся грабежами и убийствами [30, с. 233].

Можно ли рассматривать хунхузничество как социальный или политический бандитизм, вооруженный отпор "Зомии" государству или проявлением "моральной экономики"?

В.Н. Рудокопов, например, утверждает, что главный смысл хунхузничества в Северной Маньчжурии — это вооруженный политический протест против существующего в Цинской империи порядка [19, с. 942].

По словам Ф.Ф. Буссе, китайское население в Уссурийском крае было недовольно приходом русских: "Ближайшими своими врагами хунхузы по справедливости считают русских, от которых исходят стеснения их деятельности. Эта ненависть распространяется на всякого европейца, и нет ему пощады, если обстоятельства позволяют совершить убийство". Местные же китайцы под "страхом поджогов, истязаний и убийств" полностью подчиняются хунхузам и боятся оказать хоть какое-нибудь сопротивление: "За донос русским властям, за извещение соседей для отражения нападения хунхузов, следует неминуемая смерть, часто сопровождаемая самым зверским истязанием. Если хунхузы не встречают гостеприимного приема и достаточного угощения со стороны манзы, то побои и разграбление всего хозяйства составляют обыкновенное возмездие" [3].

Эти слова вполне вписываются в трактовку Южно-Уссурийского края в качестве "Зомии": хунхузы считали его своей территорией обитания, зоной кормления, а существующее здесь население подвластным и обязанным платить своеобразную дань, неповиновение строго каралось, а русские воспринимались как завоеватели, устанавливавшие свои порядки, а потому вооруженный протест являлся законным и нормативно оправданным.

Однако некоторые из дореволюционных авторов настаивали, что основным объектом нападений были китайцы и корейцы, а на русских переселенцев и охотников, села и станицы хунхузы нападали редко, в столкновение же с воинскими и казачьими отрядами вступали лишь при острой необходимости [30, с. 234–239]. Тем не менее материалы расследований и судебных дел свидетельствуют о том, что нападения хунхузов на русские села и грабежи русских купцов-мещан были нередким явлением, но в действиях хунхузов почти всегда прослеживался корыстный интерес, а не политический подтекст.

С точки зрения "моральной экономики крестьянина" не слишком ли экстремальна была подобная борьба за выживание? В отличие от преобладающих видов преступлений и незаконных способов наживы китайских мигрантов – мелкие кражи, мошенничество, содержание притонов, уклонение от выборки билетов и торговых документов, и пр., – бандитизм представлял собой экстремальные варианты "экономики выживания" и предусматривал экстремальные наказания. Нападения хунхузов на китайских, корейских и на российских переселенцев отличались жестокостью. Можно привести примеры убийств семей российских крестьян, пустивших для ночлега китайцев к себе в избу. И столь же жестким был ответ российской власти на подобные нападения – в большинстве дел о нападениях хунхузов виновные были подвергнуты военному суду и высшей мере наказания – смерти через повешение, и лишь в редких случаях приговор Приамурским генерал-губернатором был смягчен до каторжных работ - бессрочных или на 20 лет. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 38. 18 л.; Д. 49. 22 л.; Д. 725. 266 л.; Д. 747. 235 л.; Д. 779. 173 л.)

Таким образом, наличный фактический материал предоставляет исследователям возможность различных толкований: в одних случаях мы можем интерпретировать сопротивление китайцев российским властям как подвластность китайским, в других – как разнообразные формы неподвластности любому государству. Сопротивление выходцев из Китая избыточному или незаконному (по их мнению) давлению государства проявлялось в различных формах: самоуправление китайцев в крае, которое, вероятно, представляло собой косвенное управление китайскими властями; препятствование проведению дорог и телеграфных линий; невыборки билетов и неуплаты налогов; занятие незаконными промыслами, включая посадки опиумного мака и производство опиума; хунхузничество и пр. В дискурсе власти сквозит озабоченность неподвластностью китайцев, но уже наличие этого дискурса и усилий региональной администрации по установлению контроля над азиатскими мигрантами свидетельствует о начавшемся процессе установления подвластности "Зомии". Выводы большинства исследований политики российской власти в отношении китайских мигрантов на Дальнем Востоке говорят о том, что региональная администрация с 1880-х годов проводила курс на установление контроля над азиатскими мигрантами на российской территории. Ряд факторов мешал этому процессу: огромные пространства и слабая заселенность, медленное развитие инфраструктуры, "слабость власти" (малая численность бюрократического аппарата, его недостаточная осведомленность о ментали-

тете и особенностях образа жизни китайцев, недостаточное число чиновников со знанием китайского языка, медленное принятие политических решений и пр.). Тем не менее говорить о полной неподвластности китайских мигрантов российским властям (и/или китайским) и, следовательно, о том, что Приамурье и Приморье в конце XIX – начале XX в. представляло собой "Зомию", нельзя, скорее, речь идет об "экономике выживания". Проблема неподвластности китайцев имперской / советской властью была решена весьма экстремально: трагическим выселением "зайских маньчжур" в 1900 г. и депортацией китайцев на родину в конце 1930-х гг.

Литература

1. Авилов Р.С. Влияние маньчжурской войны 1868 г. на развитие сухопутных сил России на Дальнем Востоке // История и культура дальневосточной России и стран АТР. Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2010. С. 112–115.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историческо-этнографический // Записки Приамурского отдела ИРГО. 1914. Т.10. Вып.1. 203 с.
3. Буссе Ф.Ф. Значение хунхузов для Южно-Уссурийского края // Голос. 1880. № 35.
4. Браиловский С.Н. Опиум, его культура и потребление в Уссурийском крае. Отд. оттиск из "Приамурских ведомостей". Хабаровск: Типография канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1901. 77 с.
5. Дятлов В.И., Гузей Я.С., Сорокина Т.Н. Китайский погром. Благовещенская "Утопия" 1900 года в оценке современников и потомков. СПб.: Нестор-История, 2020. 208 с.
6. Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М.: ЗАО "Центрполиграф", 2010. 254 с.
7. Кондратенко Р.В. Маньчжурская война. Дальний Восток 1868 г. СПб.: "Издательство Остров", 2004. 143 с.
8. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М.: Мысль, 1973. 324 с.
9. Надаров И.П. Хунхузы в Южно-Уссурийском крае // Военный сборник. 1896. № 9. С. 183–204.
10. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. 372 с.
11. Нестерова Е.И. Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1897 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2000. № 2. С. 40–50.
12. Никулин А.С. Власть, подчинение и сопротивление в концепции "моральной экономики" Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Серия Социология. 2003. № 4-5 (1). С. 148–158.
13. Петров А.И. История китайцев в России. 1856–1917 годы. СПб.: ООО "Береста", 2003. 960 с.
14. Позняк Т.З. Борьба региональной администрации с опекуренением на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. и изучение опыта стран Восточной и Юго-Восточной Азии // Актуальные проблемы изучения истории стран АТР в XIX – XXI вв. Вып.III. Сб.науч. ст. Хабаровск, 2019. С. 249–269.
15. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
16. Позняк Т.З. "Культурные брокеры" и межкультурное взаимодействие в пространстве трансграничья во второй половине XIX– начале XX в. // Известия Восточного института. 2016. № 2 (30). С. 21–33.
17. Позняк Т.З. Повседневные практики российско-китайского трансграничного взаимодействия во второй половине XIX – начале XX в. // Труды Института истории археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 27. С. 117–130.
18. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. Владивосток, 1949. 346 с.
19. Рудокопов В.Н. Хунхузы // Исторический вестник. 1910. Июнь. С. 925–947.
20. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 138 с.
21. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Изд. по распоряжению ген.-губернатора Вост.Сибири Д.Г.Анучина. Т.1. Вып.1. Всеподданнейшие отчеты генерал-губернатора за время с 1879 по 1882 г. и бумаги по общим вопросам управления гражданского. Иркутск, 1884. 384 с.
22. Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003. 192 с.
23. Скотт Дж. С. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. Москва: Университетская книга, 2005. 566 с.

24. Скотт Дж. С. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство, 2017. 586 с.
25. Сорокина Т.Н. "Взаимное соглашение о спирте и опиуме": опыт совместной борьбы России и Китая с контрабандой в начале в. // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX – XX и XX–XXI веков. Сб. науч. ст. Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 229–251.
26. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 1999. 262 с.
27. Сухачева Г.А. Дореволюционная литература о хунхузах в России // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.4. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 42–46.
28. Сухачева Г.А. Хунхузы в России. Отечественная историография последней трети XIX в. о проблеме хунхузничества на российском Дальнем Востоке // Россия и АТР. 1996. № 4. С. 90–96.
29. Шанин Т. Об этнографической социологии Джеймса Скотта // Социология власти. 2012. № 4-5. С. 9–16.
30. Шрейдер Л.И. Наш Дальний Востоке. Три года в Уссурийском крае. СПб.: Изд-во А.Ф.Девриена, 1897. 468 с.
31. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб, 1883. Т. 1. 323 с.
32. Scott J.C. The Moral Economy of the Peasant. Rebellion and Subsistence in South Asia. New Haven; L.: Yale University Press, 1976. 246 p.
33. Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1984. 389 p.
34. Scott J.C. Domination and the Art of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993. 269 p.
35. Scott J.C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998. 445 p.
36. Scott J.C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009. 462 p.

References

1. Avilov R.S. Influence of the Manzhou War of 1868 on the development of the Russian ground forces in the Far East // History and culture of Far Eastern Russia and the Asia-Pacific countries. Materials of the All-Russian scientific conference of young scientists. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2010. P. 112–115. (In Russ.).
2. Arseniev V.K. The Chinese in the Ussuri region. Historical and ethnographic essay // Notes of the Amur Department of the IRGO. 1914. T. 10. Issue 1. 203 p. (In Russ.).
3. Busse F.F. Significance of the Honghuz for the South Ussuri Territory // Voice. 1880. № 35. (In Russ.).
4. Brailovsky S.N. Opium, its culture and consumption in the Ussuri region. Dep. print from "Primurskiye Vedomosti". Khabarovsk: Printing house of the office of the Amur Governor-General, 1901. 77 p. (In Russ.).
5. Dyatlov V.I., Guzey Ya.S., Sorokina T.N. Chinese massacre. Annunciation "Utopia" of 1900 as assessed by contemporaries and descendants. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 208 p. (In Russ.).
6. Ershov D.V. Honghuzi: undeclared war. Ethnic banditry in the Far East. M.: CJSC "Tsentrpoligraf", 2010. 254 p.
7. Kondratenko R.V. Manzhou war. Far East 1868 St. Petersburg: Ostrov Publishing House, 2004. 143 p.
8. International relations in the Far East. Book. 1. M.: Thought, 1973. 324 p. (In Russ.).
9. Nadarov I.P. Honghuzi in the South Ussuri Territory // Military collection. 1896. № 9. P. 183–204. (In Russ.).
10. Nesterova E.I. Russian administration and Chinese migrants in the south of the Russian Far East (second half of the 19th - early 20th centuries). Vladivostok: FEGU Publ., 2004. 372 p. (In Russ.).
11. Nesterova E.I. Management of the Chinese population in the Amur Governor-General (1884–1897) // Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2000. № 2. P. 40–50. (In Russ.).
12. Nikulin A.S. Power, subordination and resistance in the concept of "moral economy" by James Scott // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Sociology series. 2003. № 4 5 (1). P. 148–158. (In Russ.).
13. Petrov A.I. History of the Chinese in Russia. 1856–1917 St. Petersburg: Beresta LLC, 2003. 960 p. (In Russ.).
14. Poznyak T.Z. The struggle of the regional administration against opium smoking in the Russian Far East in the late 19th – early 20th centuries. and studying the experience of the countries of East and

Southeast Asia // Actual problems of studying the history of the Asia-Pacific countries in the XIX – XXI centuries. Issue III. Sat. scientific Art. Khabarovsk, 2019. P. 249–269. (In Russ.).

15. Poznyak T.Z. Foreign nationals in the cities of the Russian Far East (second half of the 19th – early 20th centuries). Vladivostok: Dalnauka, 2004. 316 p. (In Russ.).

16. Poznyak T.Z. "Cultural brokers" and intercultural interaction in the cross-border space in the second half of the 19th – early 20th centuries. // Proceedings of the Oriental Institute. 2016. № 2 (30). P. 21–33. (In Russ.).

17. Poznyak T.Z. Everyday practices of Russian-Chinese cross-border interaction in the second half of the 19th – early 20th centuries. // Proceedings of the Institute of the History of Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2020. V. 27. P. 117–130. (In Russ.).

18. Przhhevskiy N.M. Journey in the Ussuri region. 1867–1869 Vladivostok, 1949. 346 p. (In Russ.).

19. Rudokopov V.N. Honghuzy // Historical Bulletin. 1910. June. P. 925–947. (In Russ.).

20. Russian-Chinese relations. 1689–1916. Official documents. Moscow: Publishing House of Eastern Literature, 1958. 138 p. (In Russ.).

21. Collection of the most important official documents on the management of Eastern Siberia. Ed. by order of the Governor-General of East Siberia D.G. Anuchin. T. 1. Issue 1. The Most Submissive Reports of the Governor-General for the Period from 1879 to 1882 and Papers on General Questions of Civil Administration. Irkutsk, 1884. 384 p. (In Russ.).

22. Sinichenko V.V. Offenses of foreigners in the east of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 192 p. (In Russ.).

23. Scott J.S. Good intentions of the state. Why and how projects to improve human conditions have failed. Moscow: Universitetskaya kniga, 2005. 566 p. (In Russ.).

24. Scott J.S. The art of being invincible. Anarchist History of the Highlands of Southeast Asia. M.: New publishing house, 2017. 586 p. (In Russ.).

25. Sorokina T.N. "Mutual agreement on alcohol and opium": the experience of the joint struggle between Russia and China against smuggling at the beginning of the century. // Migrations and diasporas in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. Frontiers of the 19th – 20th and 20th – 21st centuries. Sat. scientific Art. Scientific ed. V.I. Dyatlov. – Irkutsk: Impression, 2010. P. 229–251. (In Russ.).

26. Sorokina T.N. Economic activity of Chinese subjects in the Far East of Russia and the policy of the administration of the Amur region (late XIX – early XX centuries). Omsk, 1999. 262 p. (In Russ.).

27. Sukhacheva G.A. Pre-revolutionary literature about hunghuz in Russia // Historical experience of the development of the Far East. Issue 4. Blagoveshchensk: Publishing house of AmGU, 2001. P. 42–46. (In Russ.).

28. Sukhacheva G.A. Honghuzi in Russia. Domestic historiography of the last third of the XIX century. on the problem of hunghuzism in the Russian Far East // Russia and the Asia-Pacific Region. 1996. № 4. P. 90–96. (In Russ.).

29. Shanin T. On the ethnographic sociology of James Scott // Sociology of power. 2012. № 4-5. P. 9–16. (In Russ.).

30. Schreider L.I. Our Far East. Three years in the Ussuri region. St. Petersburg: Publishing House of A.F. Devrien, 1897. 468 p. (In Russ.).

31. Shrenk L.I. About foreigners of the Amur region. St. Petersburg, 1883. Vol. 1. 323 p. (In Russ.).

32. Scott J.C. The Moral Economy of the Peasant. Rebellion and Subsistence in South Asia. New Haven; L.: Yale University Press, 1976. 246 p.

33. Scott J.C. Weapons of the Week: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1984. 389 p.

34. Scott J.C. Domination and the Art of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993. 269 p.

35. Scott J.C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998. 445 p.

36. Scott J.C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009. 462 p.

Информация об авторе

Татьяна Зиновьевна Позняк, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: tzpoznyak@mail.ru

Information about the author

Tatiana Z. Poznyak, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of History of the Russian Far East, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: tzpoznyak@mail.ru

Поступила в редакцию 03.07.2023

Received 03.07.2023

Одобрена после рецензирования 20.08.2023

Approved 20.08.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Accepted 24.08.2023

Корейские земледельцы в России: 100 лет повседневного сопротивления

Наталья Петровна Рыжова
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия;
Университет Палацкого, Оломоуц, Чехия, n.p.ryzhova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена практикам рутинного (ненаправленного на смену власти) сопротивления российских корейцев в имперской России, раннем и позднем СССР. Автор следует научной программе, заложенной Дж. Скоттом, но при этом отказывается от его идеи о последовательности государства. Работа демонстрирует, как неформальные экономические практики корё сарам (кобонди, базарная торговля, производство "корейских салатов") были связаны с другими формами ненаправленного сопротивления. Парадоксальной "другой формой", в советское время стал ударный труд, который удивительным образом сочетался с неизменным использованием традиционных корейских практик обработки земли (бюрократы для его обозначения часто использовали термин "азиатский способ (техники)"). Статья разделена на две части, в первой части обсуждается как российские имперские чиновники, военные, агрономы относились к азиатским аграрным техникам, а также предпринята попытка ответить на вопрос, был ли имперский российский Дальний Восток скоттовской "Зомией" для корейцев. Работа опирается на архивные источники, публикации о корё сарам, собственные полевые материалы автора.

Ключевые слова: *российские корейцы (корё сарам), рутинное сопротивление, неформальная экономика (кобонди, базары), традиционные знания (Nongsa chiksól, ферментация), советская соевая революция, соевые бобы*

Для цитирования: Рыжова Н. П. Корейские земледельцы в России: 100 лет повседневного сопротивления // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 25–35. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/25-35>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/25-35>

Koryo Saram in Agriculture: 100 Years of Everyday Resistance

Natalia P. Ryzhova
Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia;
Palacký University, Olomouc, Czech Republic, n.p.ryzhova@gmail.com

Abstract. The article examines the routine/everyday resistance practices of Koryo Saram in imperial Russia, early and late Soviet Union. The author follows the paradigm proposed by J. Scott while rejecting his idea of the coherence of the state. In so doing, the author demonstrates how informal economic practices of Koryo Saram (gobonji, bazaar trade, production of "Korean salads") were linked to other forms of everyday resistance. The paradoxical "other form," in Soviet times, was shock labor, which was surprisingly combined with the persistent use of traditional Korean land cultivation practices (bureaucrats used the term "Asian mode of production"). The article is divided into two parts; the first one discusses how Russian imperial officials, military officers, and agronomists treated Asian agrarian techniques, and attempts to answer the question of whether the imperial Russian Far East was Scott's "Zomia" for Koreans. The paper is based on archival data, academic and journalist publications on Koryo Saram, and the author's field data.

Key words: *Russian Koreans (Koryo Saram), routine/everyday resistance, informal economy (gobonji, bazaars), traditional knowledge (Nongsa chiksól, fermentation), soviet soybean revolution, soybeans*

For citation: Ryzhova N.P. Koryo Saram in Agriculture: 100 Years of Everyday Resistance // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 12–35. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/25-35>

В 2019 г, проводя очередное исследование неформальных экономических практик в сельском хозяйстве Амурской области [40], я задалась вопросом, как соя появилась на левом берегу Амура. Этот интерес привел к "советской соевой революции" 1930-х гг. По своему масштабу она была сопоставима с Хрущевской кампанией по интродукции гибридной кукурузы. Эксперименты с соей проводились от Владивостока до Мариуполя, от Пишкеека до Ленинграда; в Москве был учрежден Институт сои и спецкультур. Более тридцати институтов занимались соевой тематикой. Заводы в Москве и Ленинграде выпускали соевый сыр, молоко, йогурт, колбасу и еще десятки наименований соевых или сое-содержащих продуктов. Л. Кассиль участвовал в пропаганде "яичницы без яиц", а Ильф и Петров иронизировали над соевой модой [41].

Эта забытая кампания была парадоксально связана с российскими корейцами. И не потому, что соевые соус и паста являются важными ингредиентами корейской кухни, и не потому, что корейцы (китайцы и маньчжуры)¹

¹ Употребляя термины "китайцы", "русские", "корейцы", "маньчжуры", я следую скорее бюрократическому языку описания разных групп, что определяется источниками данных (архивы и научные статьи), на материалах которых подготовлена эта статья.

познакомили с этой культурой дальневосточных переселенцев. А потому, что в 1930-х гг. приморские корейские колхозы были единственными заметными производителями сои. Устойчивое наращивание объемов и почти индустриальные масштабы производства не предотвратили депортацию корейцев. Депортация и провал "соевой революции" (провал здесь означает реализацию в виде столь далеком от изначального плана, что узнать этот план невозможно) почти совпали по времени. Конечно, у провала было много причин, но все же действия советских властей в отношении корейцев выглядят нелогичными. Инвестируя огромные ресурсы в интродукцию новой культуры, в создание технологий и мощностей по ее переработке, тратя валюту на закупку семян, власти легко пожертвовали реальным производством (и производителями) сырья. *В поисках логики этой загадки можно допустить, что государственное насилие было обосновано желанием создать условия для интродукции сои в Центральной Азии. Иначе говоря, можно предположить, что соя, как и рис, внесла вклад в решение о депортации.*

Изучая, что произошло с производителями сои на новой родине, я выявила еще один "пазл": корейцы вернулись к ее производству *не столько в рамках государственных планов, сколько за их пределами*. А со временем соя стала неотъемлемым и специфическим ингредиентом особой – *параллельной/ неформальной – экономической деятельности*: речь о торговле "корейскими салатами". Помимо этой торговли, *корейцы сформировали и другие неформальные, этнические специфичные, но связанные с сельским хозяйством практики и ниши*.

Эти загадки отделены друг от друга как минимум парой десятилетий, поэтому гипотеза о том, что планы по интродукции сои привели к депортации корейцев, а депортация породила неформальные экономические практики и даже привела к закреплению этнических ниш в параллельной советской экономике, хоть и возможна, но ее проверка требует реконструкции и объяснения серии событий.

Вообще для экономических социологов является уже трюизмом понимание того, что *неформально-экономические практики как часть рутинного* (т.е. не направленного на смену власти) сопротивления часто возникают в ответ на государственное насилие (чрезмерные налоги, барьеры, запреты и прочие попытки повлиять на экономическую активность) [19, с. 45]. Что не столь очевидно – как это происходит. К какому конкретно сопротивлению ведет насильственное действие, как разные сопротивления накладываются и переписывают друг друга, как формируются устойчивые институциональные цепочки, закрепляются неформальные практики, выделяются отдельные этнические ниши, и являются ли они на самом деле этническими. Иначе говоря, не очевидно, как неформальные экономические практики связаны – если вообще – с прочими видами рутинного сопротивления?

Таким образом, цель данной статьи двояка – проверить гипотезу и рассмотреть связь неформальных практик с прочими видами рутинного сопротивления государственному насилию.

Структурно статья состоит из четырех разделов (два представлены в этом номере и два – в следующем). В первом я объясняю используемые теоретические рамки. Во втором – рассматриваю разнообразие рутинного сопротивления корейцев в имперской России и отвечаю на вопрос, был ли российский имперский Дальний Восток Зомией для корейцев. В третьем, рассматривая государственную машину как совокупность агентств, организаций и разных повесток, я показываю репертуар рутинного сопротивления корейцам в ранний советский период. В четвертом, анализируя перепутанность поведения властвующих и подвластных, я объясняю, как сформировалась устойчивая корейская ниша в параллельной экономике позднего советского периода.

В качестве эмпирической базы в работе использованы научные публикации, архивные данные, публицистика, полевые материалы автора (транскрипты глубинных интервью с корейцами, записанные в Хабаровске, Владивостоке, Санкт-Петербурге и Алматы), а также материалы сети интернет (включая материалы медиа-группы "Российские корейцы", и др.).

Сопrotивление (корейских) крестьян: возможности объяснения по Скотту

В литературе не раз обсуждалось, как корейцы появились в Российской империи – люди убегали от малоземелья и голода [3; 12; 17 и др.]. Начав переселяться – а не спорадически выходить – за реку Туманган в 1860-х, корейцы получали землю, но не права на нее и попадали под "защиту" [17; 20], а фактически надзор военных, прибывших защищать новые имперские владения [38]. В корейцах увидели полезных крестьян, которые будут снабжать (прежде всего) армию продовольствием [3]. Спустя десять лет, руководствуясь представлениями о безопасности, российские чиновники начали перемещать корейские семьи подальше от границы [16; 31]. Так появилось Благословенное – одно из наиболее описанных в литературе корейских сел [12; 27; 37]. Ему посвящено едва ли меньше работ, чем корейскому земельному вопросу и коллективизации в раннем СССР [10; 14; 16 и др.]. О последующей за постреволюционными реформами депортации 1937 г опубликовано, кажется больше всего работ [9; 16; 25 и др.]. Гипотеза о роли риса в депортации обсуждается часто [10; 36 и др.], о роли сои никогда; "рисовая гипотеза" не является основной. В советское время историки относительно часто писали о быстрой адаптации к новым условиям в Центральной Азии, точнее – о "социалистических успехах" в деле колхозного строительства, конкретно рисоводства [2; 7]. К сожалению, опубликовано очень мало работ о повседневной жизни корейцев в центральноазиатских селах в 1950–1980 гг. [5; 6, с. 312–335]. Опубликованные после распада СССР работы о присутствии корейцев в сельском хозяйстве Центральной Азии лишь отчасти закрывают этот пробел [8; 9 и др.].

Значительное количество процитированных выше и других работ посвящено тому, как и почему *действовало государство*, ограничивая корейцев в правах на землю, лишая их свободы перемещения за пределы совхозов/колхозов, отбирая все имущество или насильственно переселяя с освоенной земли. *Сопrotивление корейцев этому насилью*, напротив, крайне редко обсуждалось в литературе [15, с. 231–232; 29]. Но означает ли такое умолчание, что данный вопрос плохо освещен в литературе или что люди не пытались сопротивляться? Если советское государство действительно решило отправить их на освоение казахстанских степей для производства там, в частности, сои, почему корейцы не сопротивлялись или, возможно, как раз сопротивлялись, и с этом связан провал соевой революции?

Наиболее последовательно тема сопротивления крестьян разработана в работах Дж. Скотта [42; 43; 44; 45]. Антрополог показал, что в отличие от марксистских ожиданий, в реальности крестьяне выбирают ненаправленное на смену власти, т.н. рутинное или повседневное сопротивление. По Скотту, наиболее яркое отличие повседневного сопротивления от других форм "заключается в неявном отказе от публичных и символических целей... повседневное сопротивление неформально, часто скрыто и нацелено в основном на сиюминутные достижения" [45, с. 29].

Оно предполагает мелкий саботаж, кражи, порчу имущества, распространение сплетен [44; 45]. Такое сопротивление "не имеет ни формальной организации, ни формальных лидеров, ни манифестов, ни взносов, ни названия, ни знамени" [45, с. 35]. Согласно Скотту, люди вообще, а крестьяне особенно склонны к применению метисных повседневных практик, которые не преследуют цель отменить государственную инициативу, но изменяют ее до неузнаваемости [42]. Наконец, он показал, что горные жители и вовсе избирают вариант физического побега от государства [43]. В книге о Зомии Скотт утверждает, что горные жители стремились "держать государство на расстоянии", их эгалитарные институциональные и культурные формы рассматриваются им не как маргинализацию, но "как политический выбор" [43, с. 7–9, 157, 179, 183, 187]. Книга вызвала жесткую критику оппонентов: они увидели в работе популизм, воспевающий терпеливую адаптацию к давлению колониализма, капитализма и государства [48].

Моя критика Зомии Скотта лежит в иной плоскости. Применяя концепт Зомии, Скотт и другие авторы [34; 46] конструируют последнее как последовательную и согласованную "машину насилия". Мне же представляется обоснованным призыв П. Абрамса [26] "демистифицировать государство" и убедительными усилия ряда антропологов увидеть вместо государства как "онтологической реальности" запутанную комбинацию практик, агентств, идей и

фантазий. А. Гупта [32], изучая практики низшего уровня бюрократического аппарата в Индии и способы репрезентации государства в СМИ, пришел к заключению, что вместо того, чтобы взять понятие государства за отправную точку, "мы должны оставить открытым вопрос по поводу условий, при которых государство функционирует как единое и связанное целое" [32, с. 376]. Проведенный Гуптой анализ показывает, насколько несостоятельна централизованная – европейская – концептуализация, противопоставляющая государство и гражданское общество. Дихотомия сотрудничества и сопротивления также не имеет смысла: реальные взаимодействия всегда сложнее, ибо агентства, организации, повестки и центры не находятся ни строго за пределами, ни строго внутри государства – они запутанны.

Таким образом, изучая поведение корейцев в ответ на постоянное насилие государства, я принимаю идеи Скотта, но при этом следую призыву Абрамса демистифицировать государство. Иначе говоря, в таком прочтении подчиненные и господствующие не противопоставлены друг другу в бинарной логике, но существуют в беспшовной, разнообразной паутине и не создают "сплошной фаланги жертв" [45, с. 265]. Забегая вперед, такое прочтение позволяет понять, что деревенский староста или председатель колхоза одновременно и господствует, и подчиняется. Благодаря этому не происходит организованного сопротивления, неизменно меняются наиболее отторгаемые государственные инициативы и формируются масштабные распределенные феномены, такие как неформальная/ параллельная советская экономика.

Имперский Дальний Восток² – "Зомия" для корейских крестьян?

Из-за изоляционистской политики государства Чосон, запрещающей переселение корейцев за реку Туманган [38] и запрета Цинских императоров на переселение ханьцев [28], северо-восточная часть Маньчжурии оказалась к середине XIX в. относительно "пустым", буферным пространством. Можно ли это пространство осмыслить в духе Зомии, а побег корейцев как тактики сопротивления? Такая гипотеза может возникнуть, если вспомнить, что некоторые корейские семьи совершали такие "побеги" по несколько раз между царской Россией и Маньчжурией [38, с. 2]. Однако горцы в Зомии Скотта не просто убежали, а находили способы, как удерживать государство на "растоптанной вытянутой руке" (не пересекаться с ним). Могли ли корейцы также избегать подобных пересечений?

В российской литературе попытка интерпретировать Дальний Восток как Зомию уже была предпринята. Ее авторы увидели в этом концепте "метафору особого типа повседневности" [1, с. 150]. Л. Бляхер и М. Бляхер описывают поведение крестьян (почти, впрочем, не обращая внимания на корейцев) в терминах неповиновения бюрократическому надзору. Они утверждают, что крестьяне сопротивлялись формальным законам и положениям, нормам по уплате налогов, владения землей и т.п. Представляется, что такое прочтение отражает разделяемый авторами мистический образ государства, "Левиафана" (многократно используемая в работе метафора), который стремится всё контролировать.

Я утверждаю, что Бляхеры в этой работе не отвечают на два критически важных вопроса, что снижает значимость их выводов. Во-первых, действительно ли имперское государство было последовательной и слаженной "машиной", которая видела контроль над людьми и/или налогами как единую/ главную цель? И, во-вторых, существовала ли у корейских крестьян одна – в смысле последовательная, но не одна на всех – логика, когда они соотносили свою повседневную жизнь с государством, да и какое государство они воображали в условиях удаленности от политических центров и прозрачных границ?

На первый вопрос историки давали ответ неоднократно. Так, Б. Пак и Н. Бугай, ссылаясь на сохранившуюся в архивах переписку, указывают, что фактические решения о поселении корейцев в 1860-х на вновь приобретенных российских землях, были децентрализованными и могли зависеть от мелких военных чиновников [16, с. 19]. Военный губернатор Приморской области

² Этот регион, приобретенный Россией после подписания Айгуньского и Пекинского договоров, в документах обозначался как Восточная Сибирь, позднее – Приамурье, и наконец с началом XX в. Дальним Востоком.

Казакевич, будучи проинформированным о решении, принятым поручиком Резановым, с задержкой в полгода, не высказал озабоченности и лишь рекомендовал "внушить туземцам, что живя в наших пределах, они пользуются покровительством и защитой русских законов наравне со всеми русскими..." [16, с. 21]. Следует ли даже упоминать, что и этот совет опирался на представления самого Казакевича, а не на сложившиеся формальные государственные институты?

О том, что агенты и организации вместе с меняющимися повестками и личными пристрастиями подменяли такие институты, так или иначе упоминали многие авторы [18; 31]. Т. Позняк обсуждает, что только смерть не дала Приамурскому генерал-губернатору барону Корфу закончить начатую им политику сселения корейцев "второй категории" с обустроенных ими участков земли. Сразу после его смерти политика либерализовалась – сменивший его "генерал-лейтенант Духовской положительно отзывался о корейцах как земледельцах", а следующий генерал-губернатор Гродеков пересмотрел решения Корфа [18, с. 67–68].

С. Глебов, распутывая историю подданства (а значит и прав) корейских крестьян на землю, выделяет четыре фактора, которые несколько раз в промежутке между 1860-ми и 1917 гг. переопределяли политику и практики в отношении корейцев: 1) пространственная концентрация в стратегическом пограничном районе; 2) аннексия Корейского полуострова Японией, которая превратила российских корейцев в население с внешней и воспринимаемой как опасная родиной; 3) рационализация имперской администрацией человеческого разнообразия в терминах расы при наличии конкурирующих репертуаров (сословие и вероисповедание); 4) путаные планы по заселению российского Дальнего Востока и процессу его русификации [31]. Эти четыре фактора, конечно, отвергают идею о (налоговой) подконтрольности как единственной/главной цели империи на Дальнем Востоке в начальный период его заселения. И, наоборот, демонстрируют, что никакого единого Левиафана, от которого могли бы прятаться крестьяне, на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. не было.

Ответ на второй вопрос – по отношению к какому государству позиционировали себя корейские крестьяне – дать, конечно, сложнее. Логика корейских (любых других) крестьян могла быть направлена не на избегание российского государства, а на выстраивание сетей обхода проникающей, русифицирующей политической и коммерческой власти нескольких государств. Такую – одновременно дополняющую и оспаривающую Скотта оптику – предложил Ч. Гирш: "я утверждаю, что члены таких групп... вовлечены в непрерывный процесс одновременного позиционирования себя ... по отношению к множеству национальных государств... даже когда они принимали статус данников или меняли свои культурные обычаи, чтобы подражать группам равнинных жителей" [30].

Торговля опиумом на рубеже XIX – XX вв. является очевидным кейсом, который может выявить работу трансграничных сетей и избегание включенных в них акторов нескольких государств. Напомню, что эта торговля расценивалась как опасная по разным причинам и российскими, и китайскими властями – и те, и другие пытались с ней бороться [47]. Корейские крестьяне, которые производили и продавали опиумный мак [39], были включены в сети, связывающие вместе людей и места и создающие Зомию как трансграничное пространство, подобное тому, которое описывает Гирш.

Впрочем, производство опиумного мака может расцениваться как прибежище единиц, и тогда справедлив вопрос – при чем тут повседневное поведение/сопротивление корейских крестьян как группы. Из имеющихся данных сложно оценить, насколько опиумный мак был распространенной агрокультурой у корейцев. Благословенное, видимо, переключилось на опиум к 1914 г. [27]; на это указывают и отсутствие мака в статистических данных 1910 г. [23]. Но утверждать, что опиум (не) выращивался ранее, в других локальностях, (не) прятался от глаз переписчиков на лесных заимках, (не) был повседневностью многих корейских крестьян, невозможно – для этого нет данных.

Поэтому вместо практик, формировавшихся вокруг производства и продажи опиума, я обращаю внимание на менее очевидные, но более значимые типы сопротивлений, а именно: на практики неформальной аренды земли,

производство традиционных корейских агрокультур и использованные традиционные техник земледелия. Именно этот "набор" оставался устойчивым вне зависимости от представлений российской администрации о более правильных, русских, выгодных способах ведения хозяйства.

Начну с общеизвестного факта, что корейцы были основными *неформальными арендаторами* земли [11; 14]. Причина корейской экономической активности вне (меняющихся) легальных норм кроется в действиях непоследовательного государственного аппарата (см. статью Цихаус в этом номере). В работе А. Киреева подробно описана динамика этого процесса – категоризация корейцев с требованием ко второй и третьей категории покинуть страну была в основном проигнорирована. Все последующие запреты приводили только к расширению неформальной аренды: "при попустительстве многих станичных и поселковых атаманов казачье население саботировало борьбу с "желтым трудом" [11, с. 82], я добавлю, что корейское население саботировало предписание покинуть Россию.

Не только неформальная аренда была частью рутинного сопротивления, но и *выбор культур для производства*. Корейцы буквально с первого дня воспринимались представителями имперской администрации как "полезные крестьяне", которые будут успешно заниматься садоводством и сельским хозяйством и своим трудолюбием вносить вклад в дело колонизации края [3]. При этом ожидалось, что они будут производить те культуры (рожь, ярицу и овес), которые знакомы и востребованы российскими поселенцами, а вероятно, более всего военным интендантством [13, док. 1]. Корейцы действительно производили такие культуры, но они, видимо, никогда не занимали в структуре 100%. Оставляя традиционные культуры, они, полагаю, имели в виду необходимость защиты своих семей от голода. Подтверждением этой гипотезы является динамика нерыночных/ традиционных культур в производстве.

Только в самые первые годы пребывания корейцы возделывали культуры исключительно для собственного потребления – буду, сою, овощи незнакомые русскому крестьянину [3], впоследствии ситуация менялась. К 1900 г., а тем более к 1910 г. в структуре производства доминировали рыночные культуры. В 1910 г. в с. Благодословенное было проведено подробное статистическое описание: на торгуемые культуры – овес, пшеницу и т.п. – приходилось более 70% всех выращиваемых культур, а на "ненужные" рынку культуры, составляющие основу культурно специфичного питания, приходилось около 30% [23]. Но всего через 4 года и далее вплоть до 1920 г корейцы отказались от производства рыночных культур в пользу традиционных. Впервые на переключение на анти-рыночное производство обратили внимание Демьяненко и Фролов [27], позднее с ними согласился Кинг [37], указав, впрочем, что авторы не объяснили этот факт. Полагаю, что объяснением возврата к производству нерыночных культур может быть скрытое сопротивление: вначале государственным, а затем и прочим изъятиям.

Вне зависимости от реальной структуры корейского агропроизводства чиновники выражали недовольство ею. Есть основания полагать, что оно было инструментальным и связанным с подозрениями в их недостаточной ассимиляции. В "Журнале особого совещания по проверке семейных списков корейцев, принявших русское подданство и переписке Приамурского генерал-губернатора и Войскового правления Амурского Казачьего войска" содержится доклад, в котором чиновники констатируют наличие изб на русский манер, использование русской одежды и русской утвари (см. также [17]), хороший уход за растениями (прополку и очистку от сорных трав), хорошие урожаи, дающие возможность "сплавлять овес на продажу в Хабаровск" (РГИА ДВ Ф. 704. Оп. 4. Д. 1991. Л. 956)³. И там же они огорчаются по поводу того, что "занимаясь земледелием с успехом, корейцы тем не менее возделывают более те растения, которые высевали на родине и не особенно стараются вводить в севооборот растения, могущие принести большой доход" (РГИА ДВ Ф. 704. Оп. 4. Д. 1991. Л. 956). Доход у чиновников, очевидно, ассоциировался с интендантскими закупками, а корейцы, вероятно, больше ориентировались на ликвидные рынки, но не забывали производить продукты, которые нужны не рынку (и интендантству), а дому.

³ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Самым устойчивым в корейском хозяйстве были не культуры, а *техники обработки земли*. Они же оставались, кажется, самым неприемлемым для чиновников отличием корейских крестьян. В 1875 г. Вагин пишет, что корейские фермерские техники вообще не похожи на наши – они используют коров вместо лошадей, выращивают бобы, из которых делают масло, а также буду, которая русскому крестьянину не знакома. В "Журнале особого совещания..." содержится записка есаула Волькенау, в которой он сообщает, что корейские крестьяне ведут "свое хозяйство по приемам мало похожим на соседей казаков", предпочитают рядовую и огородную культуру (вместо пропашной) (РГИА ДВ Ф. 704. Оп. 4. Д. 1991. Л. 726).

Все описываемые российскими чиновниками техники четко согласуются с "Кратким руководством по земледелию (Nongsa chiksöl)" [35]. Руководство использовалось в государстве Чосон в качестве практического наставления крестьянам в течение 500 лет: тут и коровы вместо коней, и соевые бобы в качестве сидерата, и грядковая культура на сухом поле. Наставления были введены для улучшения практического земледелия и через это – собираемости налогов. Они использовались корейскими крестьянами на протяжении 500 лет вплоть до того, как японские власти начали насаждать монокультурное рисоводство [33].

Следование традиционному опыту, даже если он находится в согласии с административными наставлениями страны исхода, едва ли можно трактовать как подчинение или лояльность правительству покинутой родины, или прямое сопротивление правительству страны вселения. Скорее это – инструментальный выбор важнейших практик, обеспечивающих привычную реальность, включая практики питания, а значит, выживания. Следование этим традиционным практикам, однако часто раздражало российских чиновников или как минимум оценивалось ими негативно. Они отмечали, что корейцы меняют свои культурные обычаи, используя русскую утварь, даже строя русские избы и формально соглашаясь на переход в христианство (РГИА ДВ Ф. 704. Оп. 4. Д. 1991. Л. 966), однако не изменяют способам возделывания земли.

Даже когда агрономы обращались за корейским опытом – как это сделал, например, Рубинский после провала своего массового соевого эксперимента в Амурской области – и получали подробные инструкции, они указывали на отсталость и бессмысленность грядкового способа земледелия для русских крестьян: "нелепо, конечно, вводить описанную выше знаменитую грядковую культуру... имеющую, по моему крайнему разумению, оправдание своего здесь существования в необычайной косности населения, его полной нищете и вытекающей отсюда убогости инвентаря" [21, с. 31]. В корейском земледелии Рубинский увидел "полное рабство у земли: там незаметно признаков желания покорять природу теми средствами, которые дает современная наука, знание, техника, преклоняться перед такой культурой нам, имеющим в Амурской области 25 млн целинных земель не приходится" [21, с. 31].

Агрономы и чиновники постоянно стремились доказать превосходство "современных" (русских) над "отсталыми" (корейскими) способами возделывания земли [22]. Уже в 1900 г. на экспериментальном поле под Хабаровском агрономы хотели провести сравнительную оценку разных систем земледелия – в опыте участвовали клинья с "посевом осенью под зиму", "обыкновенным переселенческим хозяйством", "корейским хозяйством" и "рациональным хозяйством с севооборотом". Судя по отчету, корейский клин едва ли возделывался в соответствии с Nongsa chiksöl, на нем были получены одни из самых неудачных результатов как по всходам, так и по вызреванию семян [4].

Эта предвзятость и высокомерие приобретет особый размах в советское время и, как я покажу далее, станет одной из причин легкого отказа советского руководства от "отсталого" способа производства сои. Иначе говоря, я далее покажу, что переселение корейцев в Казахстан не было сопряжено с централизованными и продуманными попытками использовать их опыт для реализации соевой революции.

Подводя итог и возвращаясь к поставленному в начале раздела вопросу, отмечу, что российский имперский Дальний Восток не был Зомией по Скотту; точно не для корейцев. Во-первых, их экономическая деятельность, как и неопределенный статус подданства/гражданства приводили к постоянному

взаимодействию с представителями государства, что исключено в концепции Зомии. И во-вторых, государство при этом не было похожим на последовательную – как у Скотта – машину насилия и контроля. Это, впрочем, не отменяет того факта, что корейцы были включены в производство товаров или в торговлю товарами трансграничного спроса, а трансграничная торговля и не только опиумом, но и соей была организована так, чтобы избежать проникающей и распространяющейся, но все еще слабой политической и коммерческой государственной власти. То есть я признаю существование на имперском Дальнем Востоке Зомии по Гиршу, но не на всей территории, а в пространстве формирующихся границ, где все участники торговли вынуждены были позиционировать себя по отношению не к одному, но как минимум двум государствам и по возможности их избегать. Наконец, рутинное сопротивление характерно отнюдь не только для горцев и/или торговцев Зомии, но и для "равнинных" крестьян. Важнейший инструментальный выбор (чему сопротивляться почти любой ценой, от чего отказаться, как притвориться), который сопровождает повседневное сопротивление, видимо, состоял для корейского крестьянства не в том, какую одежду носить или какой дом построить, а в том, что и как производить в поле. Как я покажу далее, эта приверженность к использованию традиционных агротехник была очень устойчивой и существовала на протяжении большей части советского периода. Именно ее я отношу к рутинному сопротивлению. Конечно, это сопротивление не было направлено против Российского государства, но определенно реализовывалось *вопреки пожеланиям, представлениям и фантазиям российских чиновников, военных и агрономов.*

(окончание следует)

Литература

1. Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л. Зомия на Амуре, или Государственный порядок против порядка вне государства // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2018. № 1 (88). С. 148–171.
2. Брезинский В. Колхоз на подъеме (Из опыта работы колхоза "18 лет Казахстана", где председателем Кан Де Хан). Алма-Ата. 1969, 54 с.
3. Вагин В.И. Корейцы на Амуре // *Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах.* 1875. № 1. С. 1–29.
4. Гагин С. Отчет по Хабаровскому опытному полю за 1900 год, Хабаровск, 1901.
5. Джарылгасинова Р.Ш. Новое в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана // *Советская этнография.* 1977. № 6. С. 59–70.
6. Ионова Ю.В. Этнография Кореи. Российское корееведение в прошлом и настоящем. М.: Первое марта, 2011.
7. Исаков Ф., Ким М. Люди счастливой судьбы (О тружениках колхоза "Полярная звезда"). Ташкент, 1972.
8. Кан Г.В. История корейцев Казахстана. Алматы, 1996.
9. Ким Г.Н. Избранные труды по корееведению. Алматы, 2013. 775 с.
10. Ким Г.Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана: Научно-аналитический обзор. Алма-Ата, 1989.
11. Киреев А.А. Корейские иммигранты и казачество на российском Дальнем Востоке: факторы и динамика взаимодействия (вторая половина XIX – первая треть XX в.) // *Вестник ДВО РАН.* 2008. № 5. С. 78–86.
12. Кириллов А. Корейцы села Благословенного. Историко-этнографический очерк. Приамурские ведомости. 1895. № 58–59.
13. Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Документы и материалы Владивосток: Росархив, РГИА ДВ, 2004.
14. Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня Дальнего Востока в 20–30-е гг. XX века: Коллективизация и ее последствия. Вл-к: Дальнаука, 2004.
15. Пак Б.Д. Корейцы в Советской России. Ирк-кий гос. пед. ин-т, 1995.
16. Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России: очерк истории российских корейцев. ИВ РАН, 2004. 462 с.
17. Песоцкий В. Корейский вопрос в Приамурье. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Т.ХI, Хабаровск, 1913, 188 с.
18. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX-начало XX в.). Влад-к: Дальнаука, 2004. 316 с.
19. Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // *Экономическая социология.* 2003. № 5. С. 34–54.

20. Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1889. СПб., 1870.
21. Рубинский В.А. Отчет о произведенных в 1915 г. Амурской агрономической организацией опытах по культуре маслиничной сои в условиях Амурской обл. Благовещенск: Тип. Хворова, 1916.
22. Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в гор. Хабаровске. Хабаровск, 1899.
23. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 2, т. 1. (Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области). СПб., 1912–1913.
24. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 5: (Колонизационное значение земледелия в Приамурье). СПб, 1911. 142 с.
25. Хан В.С. Корё сарам: Кто мы? Очерки истории корейцев. Бишкек, 2009.
26. Abrams P. Notes on the Difficulty of Studying the State (1977) // *Journal of Historical Sociology*. 1988. № 1 (1). P. 58–89.
27. Dem'yanenko A.N., Frolov I.V. The experience of Korean colonization in the present Jewish Autonomous Oblast, 1871–1927 // *Post-Soviet Geography*. 1992. № 33 (3). P. 180–188.
28. Elliott M.C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // *The Journal of Asian Studies*. 2000. № 3 (59). P. 603–646.
29. Gelb M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // *The Russian Review*. 1995. № 3 (54). P. 389–412.
30. Giersch C.P. Across Zomia with merchants, monks, and musk: process geographies, trade networks, and the Inner-East–Southeast Asian borderlands // *Journal of Global History*. 2010. № 2 (5). P. 215–239.
31. Glebov S. Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917 // *Nationalities Papers*. 2021. № 6 (49). P. 1065–1081.
32. Gupta A. Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State // *American Ethnologist*. 1995. № 2 (22). P. 375–402.
33. Ho J.S., Gamarra E.R. A Story of Globally Important Agricultural Wisdom in the 15th Century Chosŏn Korea // *Anthropol*. 2018. № 202 (6).
34. Jonsson H. Above and Beyond: Zomia and the Ethnographic Challenge off/for Regional History // *History and Anthropology*. 2010. № 2 (21). P. 191–212.
35. Jun S.H. *Agriculture and Korean Economic History: Concise Farming Talk (Nongsa chikso)*. Springer Singapore; Palgrave Macmillan, 2019. 236 p.
36. Kho S. *Koreans in Soviet Central Asia*. Helsinki, 1987. 262 p.
37. King R. Blagoslovennoe: Korean Village on the Amur, 1897–1937 // *Review of Korean Studies*. 2001. № 4(2), P. 133–176.
38. Park A.M. *Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945*. Ithaca, New York: Cornell Un-ty Press, 2019. 306 p.
39. Pianciola N. Opium Regimes of Imperial Collapse: The Russian Far East during the Civil War (1917–1922) // *Ab Imperio*. 2021. № 3. P. 111–135.
40. Ryzhova N. Cows, Moonshine, Pheasants... versus Soybeans // *Inner Asia*. 2022. № 1 (24). P. 53–73.
41. Ryzhova N. The Failure of the "Soybean Revolution" in the USSR // *Ab Imperio*. 2022. № 1. P. 191–222.
42. Scott J.C. *Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, Conn.: Yale Un-ty Press, 1999. 464 p.
43. Scott J.C. *The art of not being governed: an anarchist history of upland Southeast Asia*. New Haven: Yale Un-ty Press, 2009. 442 p.
44. Scott J.C. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale Un-ty Press, 1977. 254 p.
45. Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale Un-ty Press, 1987. 392 p.
46. Shneiderman S. Are the Central Himalayas in Zomia? Some scholarly and political considerations across time and space // *Journal of Global History*. 2010. № 2 (5). P. 289–312.
47. Sorokina T. Liquor and Opium: Joint Efforts to Control Contraband Along the Russia–China Border at the Beginning of the Twentieth Century // *Inner Asia*. 2014. № 1 (16). P. 139–151.
48. Subrahmanyam S. The View from the Top // *London Review of Books*. 2010. № 32 (23). URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v32/n23/sanjay-subrahmanyam/the-view-from-the-top>. (дата обращения: 04.07.2-23.).

References

1. Blyakher L.E., Blyakher M.L. Zomia on the Amur, or State order against the order outside the state // *Politiya: Analyses. Chronicle. Prognosis*. 2018. № 1 (88). P. 148–171.
2. Brezinsky V. Kolkhoz on the rise (From the experience of the collective farm "18 Years of Kazakhstan", where Kang De Han is the chairman). Alma-Ata. 1969, 54 p.
3. Vagin V.I. Koreans on the Amur // *Collection of historical and statistical information about Siberia and neighbouring countries*. 1875. № 1. C. 1–29.
4. Gagin S. Report on Khabarovsk experimental field for 1900, Khabarovsk, 1901.
5. Jarylgasinoва R.Sh. New in the culture and life of Koreans of Central Asia and Kazakhstan // *Soviet Ethnography*. 1977. № 6. C. 59–70.
6. Ionova Y.V. *Ethnography of Korea. Russian Korean studies in the past and present*. Moscow: First March, 2011.
7. Iskhakov F., Kim M. People of happy fate (About the workers of the collective farm "Polar Star"). Tashkent, 1972.
8. Kan G.V. *History of Koreans of Kazakhstan*. Almaty, 1996.
9. Kim G.N. *Selected works on Korean studies*. Almaty, 2013. 775 c.
10. Kim G.N. Socio-cultural development of Koreans in Kazakhstan: Scientific and analytical review. Alma-Ata, 1989.
11. Kireev, A.A. Korean immigrants and Cossacks in the Russian Far East: factors and dynamics of interaction (the second half of the XIX – the first third of the XX century) // *Vestnik DVO RAN*. 2008. № 5. C. 78–86.
12. Kirillov A. Koreans of the village Blagoslovennoy. Historical and ethnographic sketch // *Amur Affairs*. 1895. № 58-59.
13. Koreans in the Russian Far East (the second half of the 19th – early 20th centuries). Documents and Materials Vladivostok: Rosarkhiv, RGIA DV, 2004.
14. Lykova E.A., Proskurina L.I. Village of the Far East in the 20–30-ies of the XX century: Collectivisation and its consequences. VI-k: Dalnauka, 2004.
15. Pak B.D. Koreans in Soviet Russia. Irk State Pedagogical Institute, 1995.
16. Pak B.D., Bugai N.F. 140 Years in Russia: Sketch of the History of Russian Koreans. IV RAS, 2004. 462 c.
17. Pesotsky V. The Korean Question in Priamurye. Proceedings of the Amur expedition sent by the highest command. V.XI, Khabarovsk, 1913, 188 p.
18. Portes A. Informal economy and its paradoxes // *Economic Sociology*. 2003. № 5. C. 34–54.
19. Poznyak T.Z. Foreign subjects in the cities of the Russian Far East (the second half of the XIX-beginning of the XX century). VI-k: Dalnauka, 2004. 316 c.
20. Przhevalsky N. The journey to Ussuriyskiy kraj. 1867–1889. SPb: 1870.
21. Rubinsky V.A. Report on the 1915 experiments of the Amur agronomic organisation on the culture of oilseed soybean in the conditions of the Amur region. Blagoveshchensk: Tip. Khvorov, 1916.
22. Smirnov E.T. Priamursky Krai at the Amur-Primorsky exhibition of 1899 in Khabarovsk. Khabarovsk. Khabarovsk, 1899.
23. Proceedings of the Amur expedition sent by the highest command. Vol. 2, vol. 1. (Materials of statistical and economic survey of the Cossack and peasant economy of the Amur region). St. Petersburg, 1912–1913.
24. Proceedings of the Amur expedition sent by the highest command. Vol. 5: (Colonisation significance of agriculture in the Amur region). SPb, 1911. 142 c.
25. Khan V.S. Koryo Saram: Who are we? Essays on the History of Koreans. Bishkek, 2009.
26. Abrams P. Notes on the Difficulty of Studying the State (1977) // *Journal of Historical Sociology*. 1988. № 1 (1). P. 58–89.
27. Dem'yanenko A.N., Frolov I.V. The experience of Korean colonization in the present Jewish Autonomous Oblast, 1871–1927 // *Post-Soviet Geography*. 1992. №33 (3). P. 180–188.
28. Elliott M.C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // *The Journal of Asian Studies*. 2000. № 3 (59). P. 603–646.
29. Gelb M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // *The Russian Review*. 1995. № 3 (54). P. 389–412.
30. Giersch C.P. Across Zomia with merchants, monks, and musk: process geographies, trade networks, and the Inner-East–Southeast Asian borderlands // *Journal of Global History*. 2010. № 2 (5). P. 215–239.
31. Glebov S. Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917 // *Nationalities Papers*. 2021. № 6 (49). P. 1065–1081.
32. Gupta A. Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State // *American Ethnologist*. 1995. № 2 (22). P. 375–402.
33. Ho J.S., Gamarra E.R. A Story of Globally Important Agricultural Wisdom in the 15th Century Chosŏn Korea // *Anthropol*. 2018. № 202 (6).

34. Jonsson H. Above and Beyond: Zomia and the Ethnographic Challenge of/for Regional History // *History and Anthropology*. 2010. № 2 (21). P. 191–212.
35. Jun S.H. *Agriculture and Korean Economic History: Concise Farming Talk (Nongsa chikso)*. Springer Singapore; Palgrave Macmillan, 2019. 236 p.
36. Kho S. Koreans in Soviet Central Asia. Helsinki, 1987. 262 p..
37. King R. Blagoslovennoe: Korean Village on the Amur, 1897–1937 // *Review of Korean Studies*. 2001. № 4(2), P. 133–176.
38. Park A.M. *Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945*. Ithaca, New York: Cornell Un-ty Press, 2019. 306 p.
39. Pianciola N. Opium Regimes of Imperial Collapse: The Russian Far East during the Civil War (1917–1922) // *Ab Imperio*. 2021. № 3. P. 111–135.
40. Ryzhova N. Cows, Moonshine, Pheasants... versus Soybeans // *Inner Asia*. 2022. № 1 (24). P. 53–73.
41. Ryzhova N. The Failure of the "Soybean Revolution" in the USSR // *Ab Imperio*. 2022. № 1. P. 191–222.
42. Scott J.C. *Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, Conn.: Yale Un-ty Press, 1999. 464 p.
43. Scott J.C. *The art of not being governed: an anarchist history of upland Southeast Asia*. New Haven: Yale Un-ty Press, 2009. 442 p.
44. Scott J.C. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale Un-ty Press, 1977. 254 p.
45. Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale Un-ty Press, 1987. 392 p.
46. Shneiderman S. Are the Central Himalayas in Zomia? Some scholarly and political considerations across time and space // *Journal of Global History*. 2010. № 2 (5). P. 289–312.
47. Sorokina T. Liquor and Opium: Joint Efforts to Control Contraband Along the Russia–China Border at the Beginning of the Twentieth Century // *Inner Asia*. 2014. № 1 (16). P. 139–151.
48. Subrahmanyam S. The View from the Top // *London Review of Books*. 2010. № 32 (23). URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v32/n23/sanjay-subrahmanyam/the-view-from-the-top>. (accessed 04.07.2023.).

Информация об авторе

Наталья Петровна Рыжова, д-р экон. наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия; ведущий научный сотрудник кафедры Азиатских исследований Университета Палацкого, г. Оломоуц, Чехия, e-mail: n.p.ryzhova@gmail.com

Information about the author

Natalia P. Ryzhova, Doctor of Economics, Head of the Primorsky Laboratory for Economic Development and Cooperation, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia; Leading Research Fellow, Department of Asian Studies, Palacký University, Olomouc, Czech Republic, e-mail: n.p.ryzhova@gmail.com

Поступила в редакцию 24.07.2023

Одобрена после рецензирования 20.08.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Received 24.07.2023

Approved 20.08.2023

Accepted 24.08.2023

Китайские овощеводы в советских селах: работники или арендаторы?

Сергей Александрович Иванов
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, isaras9@outlook.com

Аннотация. Статья исследует феномен китайского овощеводства в СССР в 1988–1991 гг. На материалах архивов и устной истории Пограничного района Приморского края она показывает, что с организационно-правовой точки зрения аренда стала основой аграрного производства бригад из КНР на полях совхозов, хотя руководство последних препятствовало развитию такой формы хозяйствования в отношениях с советскими работниками. Автор выделяет управленческие практики и дискурсивные процедуры, которые позволяли сгладить противоречия, порождаемые работой китайских бригад, и сформировать в районном дискурсе устойчивый образ китайцев не как автономных арендаторов, а как наемных работников.

Ключевые слова: *Китай, СССР, сельское хозяйство, аренда, овощеводство, приграничное сотрудничество*
Для цитирования: Иванов С. А. Китайские овощеводы в советских селах: работники или арендаторы? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 36–50. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/36-50>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/36-50>

Chinese vegetable farmers in Soviet villages: workers or tenants?

Sergei A. Ivanov
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, isaras9@outlook.com

Abstract. The article examines the phenomenon of Chinese vegetable farming in the USSR in 1988–1991. Using the materials of archives and oral history of Pogranichnyi district of Primorsky Krai, it shows that from the organizational and legal point of view, leasing agreements were the basis of agrarian production of Chinese brigades on the fields of state farms, although the farms' management hindered the development of this form of the economic relations with the Soviet employees. The author identifies governance techniques and discursive procedures that allowed to reduce the contradictions generated by the presence of Chinese brigades and to form in the district discourse a persistent image of the Chinese not as autonomous tenants, but as hired workers.

Key words: *China, the USSR, agriculture, leasing, vegetable production, cross-border cooperation*

For citation: Ivanov S. A. Chinese vegetable farmers in Soviet villages: workers or tenants? // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 36–50. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/36-50>

В научной литературе сложился консенсус о провале аграрных преобразований в последние годы СССР. Попытки превратить колхозы в самодостаточные и рентабельные хозяйства через подрядные и арендные отношения не просто были плохо реализованы – они вызвали системное неприятие. Все участники сельского хозяйства – от простого работника до министерств в Москве – противились реформе. Для профильных ведомств соблазн сохранить колхозы был велик: их было проще контролировать и мобилизовать на государственные задачи через партийные структуры [47, с. 26]. Низовое руководство и директора сельскохозяйственных организаций не хотели терять власть и рассматривали реформы как очередную кампанейщину [11], отчитывались о переходе на арендные отношения, но фактически сохранили прежние формы производственных отношений [41, с. 7–8; 44, с. 11]. Эти уловки в целом находили молчаливую поддержку большей части селян [34], которая могла приобретать и активные формы в виде порчи имущества арендаторов-первопроходцев. В целом, несмотря на фрагментарные попытки внедрения подряда и аренды по стране с 1970-х гг. [46, с. 16] и особенно активно в 1980-е гг. [19, с. 391–393; 33, с. 5–6, 19], в научной литературе отсутствуют исследования с упоминанием значимых успехов проводимых экспериментов.

Настоящее исследование посвящено китайскому овощеводству в СССР – успешному и устойчивому феномену арендных отношений, которое появилось в 1988 г. в Пограничном районе Приморского края и к 2000-м гг. распространилось по всей России [40; 1]. Этот феномен может показаться неуместным для анализа проблем советского села и земельной аренды в период перестройки по двум причинам. Во-первых, советское государство запрещало аренду

земель¹ до 1989 г. [22; 30], но на протяжении всей перестройки предусматривало право колхозов и совхозов передавать земли в безвозмездное временное пользование другим хозяйствам [21; 10]. Возможность передачи земель в пользование организациями с иностранным участием не оговаривалась. Другими словами, формально аренда китайцами земель была невозможна, но неформально она могла существовать вполне легально, если соблюдалась видимость пользования без арендной платы. Во-вторых, существующая научная литература видит в китайском присутствии в советских селах только трудовую функцию: в ее описаниях китайские крестьяне или работники трудятся на благо совхоза и никак не вплетены в земельные отношения и локальные властные иерархии [18, с. 215; 8, с. 112–116; 50, с. 12]. Научные описания могли приобретать абсурдный характер: китайцы оставались "рабочими" или "трудовыми мигрантами", даже когда "руководители хозяйств отдавали им землю на весь сезон", а работники "приезжали со своей агротехникой, инвентарем..." [6, с. 200]. Если намек на аренду и появлялся, то только в закавыченной форме – "интернациональный подряд" [26, с. 18–19] – как будто выражение не отражает реальное положение вещей. Единственное историческое исследование китайского овощеводства, посвященное хоть и не перестроечному, но близкому к нему периоду 1990-х гг., при достаточно богатой фактуре тоже пользовалось категорией наемных работников, составлявших "отдельную бригаду" как "часть существующей организационной структуры" принимающей стороны [13, с. 151]. Оно тем не менее оставило много вопросов о статусе китайцев: почему-то эта бригада работала автономно, имела своего китайского руководителя, вела учет продукции отдельно, получала деньги через стороннюю китайскую компанию. Некритическое осмысление опыта 1980-х и 1990-х гг. на фоне этнографических данных о широкой палитре арендных отношений между китайскими аграриями и российскими собственниками в 2000-е и 2010-е гг. [27] формирует представление о постепенной автономизации китайского присутствия в российском селе, когда иностранный работник совхоза с деградацией села в постсоветских период становится самостоятельным землевладельцем [49, с. 618–619].

Статья исследует, как еще в советское время китайское присутствие в сельском хозяйстве опиралось на аренду и было автономным, хотя арендные отношения не приветствовались в СССР, и почему китайское присутствие в советском дискурсе редуцировано до трудовой функции. Моя гипотеза состоит в том, что эти вопросы, внешне разные, на самом деле тесно связаны друг с другом: аренда, культурно неприемлемая и политически опасная в отношениях между членами советского общества, была устойчиво возможной в отношениях с Другими, гражданами КНР. Такое предположение основывается на идеях М. Фуко о взаимосвязи власти и знания, которая задает свои параметры того, что должно считаться истиной (общепринятыми знаниями) [38, с. 131–133]. В фукодианских терминах вышеуказанную гипотезу можно уточнить: арендные отношения с китайскими овощеводами были возможны, т.к. посредством особых управленческих практик и дискурсивных процедур их истинный смысл приобрел социально одобряемую форму некапиталистического труда. Другими словами, советский дискурс видел в китайском овощеводстве только рабочего, хотя с организационно-правовой точки зрения совхозы взаимодействовали не с наемными работниками, а с автономными бригадами на правах аренды.

Настоящая работа анализирует события 1988–1991 гг. на исторических материалах², созданных преимущественно чиновниками и журналистами Пограничного района Приморского края и в меньшей степени отдельных ведомств краевого уровня. Фокус на районный и краевой уровни не случаен – здесь в большей степени формировалось китайское овощеводство как объект советского дискурса. В изучаемый период не существовало четко заданного

¹ С середины 1987 г. совхозы, будучи государственными предприятиями, могли передавать в аренду основные фонды, но не землю.

² Статья основана на материалах Государственного архива Приморского края, газеты Пограничного района "Знамя Октября" и устных историй в форме четырех полуструктурированных интервью с представителями совхозов в 1980-е гг. и сельскохозяйственных организаций в 1990-е гг. Пограничного района.

государственной идеологией языка описания китайского овощеводства: феномен был беспрецедентным для позднесоветской истории, не являлся объектом контроля со стороны центральных органов власти и не предварялся каким-либо инструкциями и программами реализации. Это не говорит о том, что районные бюрократы и СМИ могли описывать китайское овощеводство по своему желанию – дискурс покоится на "уже-сказанном" [36, с. 27–28], поэтому представления о китайском овощеводстве, хоть и произведенные в конкретной локальности, должны были соответствовать истинам перестройки.

Статья организована следующим образом. Раздел после введения кратко характеризует сельское хозяйство Пограничного района Приморского края и проблему внедрения аренды в совхозах. Далее следует описание организационных и правовых основ китайского овощеводства в районе. В этом разделе я фокусирую внимание на особенностях арендных отношений совхозов с бригадами из КНР. Затем статья анализирует противоречия китайского присутствия в Пограничном районе, возникших из-за плохой интеграции в планово-распределительную экономику и сомнений в целесообразности сотрудничества у сельских обывателей. Последний раздел посвящен практикам управления и дискурсивным процедурам, которые были призваны смягчить вышеуказанные противоречия и в конечном итоге привели к редукции китайского присутствия в сельском хозяйстве до трудовой функции.

Аренда в сельском хозяйстве Пограничного района

Пограничный район Приморского края граничит с Китаем. На его территории располагается крупнейший на российском Дальнем Востоке железнодорожный пункт пропуска, наследие построенной на рубеже XX–XXI вв. Китайско-Восточной железной дороги и важная артерия грузоперевозок между СССР и КНР. Эта артерия была плохо связана с локальным хозяйством, т.к. основные товарные потоки контролировались ведомствами и компаниями центрального и краевого уровней (ПМА-1)³. Когда с 1987 г. отдельные организации района получили право налаживать прямое торгово-экономическое сотрудничество с китайской стороной, сфера внешнеэкономической деятельности (ВЭД) не стала важнейшей для района ни структурно, ни с точки зрения самоидентификации.

В советской планово-распределительной системе район имел четкую сельскохозяйственную специализацию, и районная элита, если исходить из материалов местной газеты "Знамя Октября" и архивов, не меняла позиционирование территории как важного поставщика продовольствия для приморских городов ни в перестройку, ни даже в 1990-е гг. Локальное сельское хозяйство считалось рискованным из-за сложных климатических условий, прежде всего нерегулярности осадков. Как и в целом по Приморью [14, с. 315], аграрные хозяйства Пограничного района в конце 1980–х гг. были убыточными и выживали за счет субсидий (ГАПК. Ф. П–24. Оп. 32. Д. 110. Л. 56)⁴. К 1989 г. все совхозы района должны были перейти на самофинансирование, но для этого им надо было поднять рентабельность и прибыль почти в два раза [24].

Одной из наиболее убыточных сфер аграрного производства в районе было овощеводство, куда и пригласили работать китайские бригады в 1988 г. В этой сфере ключевым производителем являлся совхоз "Барановский". В 1987 г. организация не выполнила план по производству овощей (ГАПК. Ф. П–185. Оп. 1. Д. 65. Л. 2–6), получив только 45 центнеров с гектара при плане в 85 [25]. "Барановский" фактически обрабатывал свои 130 гектаров овощей ручным трудом, поэтому зависел от помощи шефских организаций (ГАПК. Ф. П–77. Оп. 20. Д. 440. Л. 52), которых с 1988 г. было все тяжелее

³ ПМА – Полевые материалы автора.

1 – Интервью с бывшим руководителем сельскохозяйственной организации в 1990-е годы. Приморский край, 2014 г.

2 – Интервью с бывшим руководителем совхоза. Приморский край, 2020 г.

3 – Интервью с бывшим руководителем совхоза. Приморский край, 2022 г.

4 – Интервью с бывшим руководителем сельскохозяйственной организации в 1990-е годы. Приморский край, 2019 г.

⁴ ГАПК – Государственный архив Приморского края.

привлекать на поля. Местное овощеводство пытались механизировать, однако, по витеватому признанию первого секретаря района, внедрение новых технологий "не приобрело нужного резонанса и практически оказалось на бумаге" (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 78. Л. 38). В частности, в 1987 г. овощеуборочные комбайны района из-за технических проблем так и не вышли в поле, а из семи картофелеуборочных машин вышла только одна (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 78. Л. 80–81). К началу 1991 г. овощеводство как профессиональная сфера почти исчезла в районе – здесь осталось всего три овощевода, "остальные поуходили на пенсию, сменили профиль работы либо выехали из села" [23].

Партийная номенклатура района в своей риторике признавала необходимость перемен в сельскохозяйственном производстве и требовала проявить "особое внимание" к аренде в качестве главного средства улучшения ситуации (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 110. Л. 27). Но ее внедрение проходило крайне тяжело и противоречиво. Первый секретарь района Э. Блинов в конце 1989 г. указывал, что в районе под аренду было отдано три тысячи га пахотных земель (около 7,5% от их общей площади), 52 головы крупного рогатого скота и более полутора тысяч голов свиней. Детали позволяют усомниться в этих цифрах. Например, крупным арендатором земли (98 гектаров) стала средняя школа, которая планировала выращивать сою, корнеплоды, зерновые культуры и кукурузу (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 110. Л. 58–59). Арендаторам стремились передать побочные и наиболее убыточные сектора сельского хозяйства; им не давали перейти на полный цикл производства, чтобы не допустить их независимости от руководства колхоза; арендаторов-свиноводов обвиняли в экономии кормов и их расхищении (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 110. 75–76); овощеводство и корнеплоды из-за своей трудоемкости считались сферами, куда не пришли бы даже самые инициативные сельчане (ГАПК. Ф. П-77. Оп. 20. Д. 439. Л. 18). В двух разных совхозах возникли идентичные конфликты, ставшие сюжетами районной газеты: отдельные подразделения перешли на арендный подряд по устной договоренности с директорами совхозов, но последние впоследствии отказались подписать соответствующие соглашения и в конечном итоге согласились только на звеньевой подряд (форма коллективного подряда), который предполагал небольшую независимость прямых производителей [20]. Было и другое структурное ограничение для аренды: арендатор исключался из планово-распределительной системы, которая доминировала в сельской экономике вплоть до распада СССР, и не мог приобрести на рынке даже элементарные средства производства, поэтому все равно оставался зависим от руководства колхозов (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 110. 76). В результате в июне 1990 г. первый секретарь райкома КПСС Э. Блинов признавался, что аренда в районе не получила широкого распространения (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 124. Л. 32).

Как в районном дискурсе совмещалась необходимость выполнять указания сверху о внедрении аренды и фактическое стремление ограничить ее распространение? Выступления партийных руководителей и материалы газеты показывают, что базовой стратегией было лишить понятие аренды смыслов, связанных с предпринимательством, самостоятельностью, получением прибыли, и присвоить ей характеристики, связанные с устоявшимся культурой села. Аренда (как и различные формы подряда) позиционировалась не как новая форма экономических отношений на селе, а как более продвинутый путь обеспечения плановых показателей (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 78. Л. 41). Партийным чиновникам она представлялась "основной формой организации и стимулирования труда", необходимой для мобилизации производственного процесса, т.к. трудовым коллективам придется "... больше заботиться об эффективном использовании каждой минуты, каждого килограмма сырья, материалов, о наведении строгого порядка на производстве" (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 110. Л. 56, 60). При таком видении цель самостоятельности предприятий заключалась не в получении прибыли, а в "помощи в решении производственной программы" (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 78. Л. 70). Излишняя самостоятельность считалась вредной: в конце 1989 г. местные власти признались, что не могут сверстать план на 1990 г. из-за "группового эгоизма", когда "... под прикрытием демократизации управления многие трудовые коллективы принимают заниженные, нереальные планы, даже по основным

видам продукции, а также сокращают производство "невыгодных" видов продукции, занижают объемы работ и услуг..." [9]. В целом противоречия между директорами колхозов и инициативными работниками, очевидно, возникли из-за разного понимания, что такое истинная аренда: первые видели ее феноменом трудовых отношений, вторые – фактическое землевладение и производственную автономность.

В соответствии с идеологией перестройки понятие арендатора тоже было частью районного дискурса, однако его значение не ассоциировалось с неприемлемыми в советском обществе предпринимательством и деятельностью, ориентированной на прибыль [45, с. 116–123]. По мнению партийных руководителей, обыватели ошибочно называли арендаторов "своего рода частниками, даже новыми нэпманами" (ГАПК. Ф. П-1007. Оп. 1. Д. 36. Л. 8), т.к. на самом деле их суть – быть "хозяевами" ("хозяевами средств производства") (ГАПК. Ф. П-77. Оп. 20. Д. 439. Л. 38). Концепт "хозяина" на земле был одним из ключевых для преобразований советского села в 1980-е гг. и означал форму организации труда через демократизацию и автономизацию производителя [42, с. 108]. В районном дискурсе он позволял не акцентировать внимание на вопросах прав собственности и ориентации на прибыль. Как утверждал первый секретарь Пограничного района, "хозяин" – это владелец средств производства не "по праву", а "на деле", т.е. тот, кто обязан взять любую ответственность и выполнить любую задачу агентов государств без каких-либо обязательств со стороны последних [5].

Организационно-юридические основы отношений совхозов и китайских овощеводов

Несмотря на неприятие аренды, она стала основой китайского овощеводства в районе и приобрела достаточно сложную форму в силу институциональных ограничений в СССР. Принципы производственных отношений между китайскими бригадами и совхозами соответствовали издольщине, когда, если следовать определению К. Маркса, "земледелец (арендатор), кроме труда (собственного или чужого), доставляет часть производительного капитала, а земельный собственник, кроме земли, – остальную часть этого капитала (например, скот), и продукт делится в определенных, различных для различных стран пропорциях между издольщиком и земельным собственником" [43, с. 939]. В первом контракте, подписанном в апреле 1988 г. между совхозом "Барановский" и фирмой соседнего города Суйфэнхэ (далее – барановский контракт), указывалось, что "советская сторона предоставляет землю...", "... китайская сторона предоставляет технологию, агротехников, а также работников... не более 80 человек, ... семена овощей" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 36). Земельный участок предварительно осматривался сторонами и оставался за производителем на весь полевой сезон. Совхозы предлагали китайским бригадам заниматься либо наиболее трудоемкими сферами аграрного производства (овощи, корнеплоды), либо производством той продукции, которую можно было продать на местном рынке (арбузы), либо в ограниченных объемах соей, которую фирмы могли вывезти в КНР в счет трудовых услуг⁵. Выбор конкретного набора производимой продукции был компромиссом между советской и китайской сторонами (ПМА-2, ПМА-3), что в целом соответствует мировой практике издольщины [48, с. 20]. Производственный цикл выстраивался китайской стороной самостоятельно. Для этого в каждой бригаде было два управляющих (на двадцать-тридцать работников), где один "держал связь с Китаем и ездил – то одно надо привезти, то другое", а другой отвечал за взаимодействие с советской стороной (ПМА-2). В бригаде обязательно был переводчик русского языка и повар, т.к. питание китайская сторона организовывала самостоятельно. В Пограничном районе переводчик китайского языка был на железнодорожном узле, но не в органах местной власти (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 116. Л. 14) и тем более не в совхозах, что

⁵ Из архивов нам известно, что в 1988 г. либо китайские, либо северокорейские бригады выращивали сою, которые должны были увозить с собой как одну из форм оплаты (ГАПК. П-68. Оп. 117. Д. 792. Л. 1). Однако эта практика, скорее всего, не прижилась, т.к. в дальнейшем нет никаких сведений об участии китайских аграриев в культивировании сои ни в архивах, ни в моих интервью.

явно ограничивало возможности повседневного контроля производителей со стороны руководства советских организаций.

В соответствии с принципами издольного хозяйствования совхоз не выплачивал "китайским работникам" (как их официально называли в СССР) заработную плату, а сами китайцы не числились в штате организаций. Из архивов и интервью можно выделить два способа расчета вознаграждения китайской стороны в конце 1980-х гг.⁶ В барановском контракте урожай по объему произведенной продукции ("вала") делился в пропорции 60 на 40, где советская сторона получала большую часть. В совхозах из других районов, которые могли приглашать китайцев только через региональное ведомство (в 1988–1990 гг. в Приморском крае только Пограничный район и г. Находка имели право на прямые международные экономические контакты), услуги бригад оплачивались из расчета советских тарифов заработной платы (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 70). Этот способ расчета стоимости услуг был удобен, т.к. не требовал производить точный учет произведенной продукции, но оставлял совхозы с убытками в случае неурожая (ГАПК. П-68. Оп. 117. Д. 792. Л. 17).

Вышеописанные способы расчета вознаграждения не предполагали реальный раздел продукции или прямую выплату денежного вознаграждения китайским аграриям. В условиях дефицита наличных денег и проблем конвертируемости валют транграничное овощеводство становилось частью транграничного бартерного товарообмена:

Весь расчет тогда был в швейцарских франках <...> А фактически был бартер, денег никто не давал. Вот допустим, совхоз "Богуславский" рассчитывался лесом – где-то купил дешевый лес директор. Мы рассчитывались удобрениями. Второй раз они попросили у меня два, нет, три БелАЗа. Мы нашли эти БелАЗы через <шефскую организацию>, <...> перегнали через нашу границу, всё – расчет закончен. И было выгодно, потому что БелАЗы не очень дорого стоили... (ПМА-2).

Совхоз и китайская бригада как участники земельных и производственных отношений не производили взаимных финансовых расчетов, т.к. в обеих странах сфера ВЭД лицензировалась. Совхоз как землевладелец осуществлял бартер через советского посредника: в Пограничном районе это было районное агропромышленное объединение, другие районы края оплачивали услуги через краевое агропромышленное объединение (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 9) или шефские организации с правом ВЭД. Китайская бригада действовала через своего посредника с соответствующей лицензией на ВЭД. В целом важно подчеркнуть, что советская сторона взаимодействовала не с китайскими работниками, а с контрактруемыми бригадами, которые фактически брали у совхозов в аренду землю, согласовывали с ними производимый набор продукции, но вели производственную деятельность автономно, получали за это эквивалент советским тарифам заработной платы или доли произведенной продукции в виде товаров несельскохозяйственного происхождения (кроме сои).

Противоречия китайского присутствия

С экономической точки зрения такое сотрудничество было выгодно совхозам: не привлекая работников совхозов, они получали трудоемкую сельскохозяйственную продукцию в обмен на товар других советских организаций. Однако обнаруживалась проблема: в замкнутой советской экономике китайцы производили овощи, но забирали другие ресурсы. На пленуме райкома КПСС в декабре 1989 г. при обсуждении дефицитов продовольствия и жилья встал вопрос "массового вывоза товаров из района рабочими из КНР" и необходимости в связи с этим "просить дополнительные фонды товаров с

⁶ Третий способ появился уже в начале 1990-х гг., когда китайские бригады сбывали свою продукцию самостоятельно: здесь делился не стоимостный эквивалент "вала", а реальная выручка от реализации продукции. Этот способ избавлял руководство совхозов от проблем, связанных с продажей урожая, но одновременно требовал контроля сделок китайской стороны (ПМА-2). Только к концу 1990-х гг., когда китайский бизнес в России накопил большое количество российской наличности от розничной торговли и сформировал практики серого кредитования, появилась классическая капиталистическая аренда земли, когда китайский арендатор выкупал у российского собственника по фиксированной ставке право пользования землей (ПМА-4).

учетом численности работающих в районе из КНР" (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 110. Л. 141). Объективно нельзя оценить, насколько это на самом деле усугубляло дефицит в конкретной локальности, но, по мнению пограничников, кооперация с Китаем в целом была неэквивалентна, т.к. в Китай "<...> идут в основном строительные материалы, без которых район, край да и страна задыхаются" [4]. В "досужих разговорах" местные жители недоумевали, "зачем нам нужны эти китайцы?" и почему совхозы сами не хотят заниматься производством овощей [23].

Недовольство обывателей китайскими овощеводами и в целом приграничным сотрудничеством с КНР на самом деле повторяло то, о чем еще с середины 1980-х гг. твердили советские чиновники в непубличной переписке. В аналитических записках, отчетах о поездках в Китай и встречах с китайской стороной представление об упущенной выгоде и невыгодности экономических связей с соседом было расхожим [28, с. 77–79], но всегда предполагало, что причина кроется в плохой работе на местах конкретных ведомств или абстрактного государства. Чиновники Пограничного района, как правило, не проговаривали эти взгляды публично. Исключением была политическая необходимость: в начале 1990 г., в преддверии выборов в советы народных депутатов, районная газета дважды публиковала критику районного и краевого начальства о недостаточном материально-техническом снабжении министерствами, которое вынуждает район отправлять часть и так мизерных фондов за границу в счет трудовых услуг или импортируемых товаров [7; 17]. Это был укол в адрес вышестоящих органов власти, однако опосредованно он делал виноватыми китайцев.

Помимо недовольства местных жителей и настороженности чиновников краевого уровня, труд китайских овощеводов и его плоды были плохо встроены в командно-распределительную систему хозяйствования. В 1988 г. краевые власти не приняли в зачет 600 тонн арбузов у совхоза "Барановский", "мотивируя тем, что в плане нет строчки о производстве бахчевых культур" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 61). В 1989 г. этот же совхоз не мог продать дефицитные овощи. Секретарю парткома предприятия не удалось решить вопрос на районном уровне, поэтому он обратился с письмом к первому секретарю крайкома:

...у нас на поле стоят в ящиках 10 тонн помидор и 15 тонн огурцов, и мы 4 дня не можем реализовать. Наша заготконтора план выполнила. Находка⁷ обещала брать овощи, но взяла лишь 4 тонны, и у них все заполнено. Уссурийск тоже не берет. Во Владивосток мы отправили 100 тонн арбузов, а вот помидоры и огурцы, по словам нашего представителя, не берут (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 117. Л. 36).

Как пояснили районные власти в ответ на запрос крайкома о причинах ситуации, совхоз заранее не заключил "договоры с потребителями" (под "потребителями" подразумевались государственные заготовительные конторы и магазины), а районная заготовительная контора отказывалась принимать продукцию, т.к. "это китайские овощи" (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 117. Л. 37). Китайскость здесь не была этнической стигмой, распространенной в постсоветской России [39; 1, с. 182]. Продукция была административно чуждой. "Потребитель" не признавал то, что было произведено вне заранее сверстанного плана (ПМА-3). Выходило, что продукция, полученная в рамках трансграничной издольщины как чуждой формы хозяйствования для советской экономики, также могла стать чуждой.

Невидимые помощники совхозов

Как мы показали выше, китайское овощеводство имело противоречивый характер: оно вызывало много структурных противоречий в негибкой плано-распределительной системе и явно напоминало капиталистические формы хозяйствования, которых пыталась избежать локальная номенклатура. То, что китайцы самостоятельны в своем хозяйствовании, четко подмечали сельские, задавая вопросы руководству совхозов, почему они не могут работать со своей организацией на схожих сделных условиях аренды (ПМА-2). Стра-

⁷ Находка – это город в Приморском крае, организации которого являлись шефами совхозов Пограничного района.

тегия руководства района и совхозов по купированию этих вызовов заключалась в физической эксклюзии китайцев и навязывании дискурсивных границ для обсуждения их присутствия.

Директора совхозов стремились изолировать китайские бригады физически. В октябре 1988 г. краевые чиновники указывали, что "сотрудничество с КНР и КНДР <...> должно осуществляться при самом строгом контроле со стороны местных советских органов, особенно в части создания надлежащих социально-бытовых условий для иностранных рабочих..." (ГАПК. П-68. Оп. 117. Д. 792. Л. 3). Ситуация на местах была принципиально иной. В барановском контракте в пункте "Необходимые условия для китайских сельскохозяйственных работников" указывалось, что "китайская сторона обеспечивает палатки, одеяла, матрацы", а "советская сторона предоставляет подпорки для палаток, доски для ночной лежанки, столы, стулья..., топливо, воду" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 37). Когда работы начались, исполком района отчитывался, что "...рабочие и специалисты поселились на месте возделывания овощей в полевых условиях, построили городок палаточного типа..." (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 34). Неизвестно, насколько китайская сторона в ходе переговоров приветствовала проживание в полевых условиях, но директора совхозов осуществляли такую практику, если это было возможно:

<...> прямо в поле построил им два здания – общежитие и столовую. Красивые, конкретные здания – их развалили после того, как я уехал оттуда. Вот они жили у меня там, прямо на поле. Почему я сделал так? Чтобы местные не буйнили. Ничего... У них там своя электростанция стояла... Они изначально жили у меня в селе, потому что... Были конфликты, но не сильно такие. Один раз пытались их побить, но милиция быстро среагировала. И с того времени я начал вопрос ставить, чтобы общежитие сделать в поле. И там буквально они за месяца полтора сделали все это на поле. И они у меня там стали жить. Конфликты были не на межнациональной почве... бытовуха была (ПМА-2).

Конфликты на почве "бытовухи" рождались в основном из-за единственного повода для общения местных жителей с гражданами КНР – фарцовки (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 76–80). Китайские аграрии привозили с собой ширпотреб и спиртное, обменивали его на советскую продукцию у местного населения. Фарцовка и спекуляция сами по себе были противозаконны, а в случае с взаимодействием с китайцами нередко сопровождалась обманом в ценах или в качестве товаров, в основном со стороны селян, продающих, например, медь вместо золота (ПМА-3). Это провоцировало конфликты и криминальность⁸: в 1989 г. по различным причинам было досрочно отправлено на родину 267 иностранцев, на 72 граждан КНР и на 11 Вьетнама были заведены уголовные дела (ГАПК. П-68. Оп. 117. Д. 792. Л. 17, 23). Помимо попытки ограничить физические контакты с местным населением, проживание в поле имело и другие преимущества. Мелкое воровство продукции в советских колхозах было обыденным явлением, поэтому постоянное нахождение на месте производства позволяло осуществлять охрану урожая. Работников также не требовалось возить, что было большим преимуществом для советских организаций, которые хронически не могли обеспечить транспортом даже своих работников, вынужденных часто добираться до полей самостоятельно.

Физическая изоляция сопровождалась бюрократическим и медийным непризнанием китайцев в качестве реальности локального сельского хозяйства. Отчасти это непризнание производилось через замалчивание. В 1988 г., в первый год работы китайцев на полях Пограничного района, сельскохозяйственный отдел райкома даже не планировал обсуждать этот вопрос на своих ежемесячных собраниях (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 99. Л. 1–31). В архивных фондах первичных партийных организаций совхозов Пограничного района за 1988–1990 гг. нельзя найти ни одного упоминания о китайцах, хотя в них в том числе обсуждались вопросы развития овощеводства. Нельзя найти

⁸ К сожалению, криминальная статистика приводится по всем иностранным гражданам и видам деятельности, что есть нельзя точно сказать, насколько были законопослушны овощеводы. Можно предположить, что в большинстве своем указанные цифры относятся к строителям, которых было сложнее изолировать. Тем не менее наши интервью подтверждают наличие "бытовых" конфликтов китайцев и селян, связанных в основном с фарцовкой.

сведений о китайцах и в доступных фондах райкома или бюро райкома в контексте обсуждения проблем развития сельского хозяйства. Районная газета также не спешила информировать жителей о первом визите овощеводов из соседнего государства. Соответствующая заметка была опубликована в газете только 24 мая 1988 г. [32], когда граждане КНР уже десять дней работали на полях совхоза "Барановский" после полугодовых переговоров. Очевидно, через физическую эксклюзию и дискурсивное замалчивание нельзя было полностью остановить общественную дискуссию о противоречивом явлении – китайское присутствие уже через год стало слишком масштабным.

У локальных элит была другая, более эффективная стратегия – сформировать дискуссию о китайцах в политически приемлемых концепциях, погрузить ее в дисциплину, не связанную с сельским хозяйством, и тем самым очертить границы возможных тем для обсуждения [37, с. 15–16]. Такой дисциплинарной рамкой стала проблематика международного сотрудничества. Она позволяла позиционировать китайское присутствие как внешний ресурс по отношению к советской экономике, санкция на использование которого дается на самых верхних уровнях власти и соответственно символически связана больше с проблемой укрепления политических отношений с соседом, чем с локальной экономикой. В архивах вся информация о китайских овощеводах может быть найдена только в документах отделов, связанных с агитацией, пропагандой и внешними связями. На страницах районной газеты вплоть до начала 1991 г. все публикации упоминали китайских овощеводов только в контексте развития советско-китайского сотрудничества.

В локальном дискурсе китайскому овощеводству как фактору международного сотрудничества присваивалось три характеристики. Во-первых, в нем участвовали исключительно "рабочие" или реже "крестьяне", причем их приглашение было вынужденной мерой, призванной сгладить нехватку трудовых ресурсов и продовольствия. Агропромышленный комитет Приморского края назвал первые овощеводческие контракты "экспериментом" в решении вопроса "дефицита рабочей силы" (ГАПК. П-68. Оп. 117. Д. 792. Л. 1). Соответственно, в бюрократической переписке СССР речь шла только о "привлечении рабочей силы" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 9), а не об издольщине или аренде, официальном и общепринятом термине перестройки. По случаю празднования дня образования КНР в 1989 г. первый секретарь райкома КПСС Э. Блинов выступал с речью, где указывал, что "в течение двух лет китайские крестьяне работают на полях совхоза "Барановский", а с нынешнего года они так же работали в совхозе "Бойковский". Ими получен неплохой урожай арбузов, огурцов, помидоров, капусты, моркови, все это в некоторой степени позволяет пополнить наш стол овощами" (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 116. Л. 32).

В 1988–1991 гг. в районной газете было всего три упоминания, что китайские рабочие трудятся на подряде или аренде. Все они были перепечатками центральных изданий, две из которых предваряли визит М. Горбачева в Китай в мае 1989 г. и соответственно должны были показать продвинутость форм советско-китайского сотрудничества, и изначально не предназначались для аудитории района. Так, в апреле 1989 г. глава горисполкома указывал в газете "Сельская жизнь", что "мы <...> предложили группе китайских рабочих взять в аренду в совхозе "Барановский" небольшое поле" [2]. В мае 1989 г. первый секретарь райкома Э. Блинов в интервью газете "Правда" назвал трансграничное овощеводство закавыченной фразой "интернациональным подрядом", в котором описывал китайскую сторону только как "работников", "агрономов" и "специалистов", которых отправила китайская экспортная фирма [15]. Наконец, в июне 1990 г. "Знамя Октября" опубликовало информацию ДальТАСС, где указывалось, что в 1989 г. "под опекой китайцев" в крае находилось более 700 гектар земли, причем "широко практиковались договорные и арендные отношения" [12]. В материалах, подготовленных районной газетой и ориентированных на местную публику, упоминания аренды или подряда отсутствовали принципиально, даже если они были полностью посвящены трансграничному овощеводству.

Во-вторых, трансграничное овощеводство описывалось в терминах совместности и взаимности, но никогда в терминах автономности и ориентированности на прибыль. Слово "совместное" использовалось и в названии бара-

новского контракта – "Контракт по совместному выращиванию овощей" – и несколько раз в самом тексте (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 36–38). Точно такое же "совместное" овощеводство планировали организовать и соседние приморские районы в 1989 г. (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 39, 45, 47–48, 55). В районной газете названия статей, где упоминались китайские овощеводы, содержали фразы "добрососедство", "по-соседски", "совместное", "на взаимовыгодной основе" [2; 15; 16; 31; 29]. В январе 1989 г. заведующая идеологическим отделом райкома КПСС заявила, что трансграничное овощеводство было "...совместной работой с китайскими гражданами по выращиванию овощей и арбузов..." [31]. Акцент на совместность, взаимовыгодность и соседство в локальном дискурсе мог иметь разные смыслы. Редко он означал низовую производственную кооперацию, всегда недетализированную⁹. Чаще всего он подразумевал, что китайское присутствие в районе является составной частью успешного диалога на высшем уровне, и соответственно обнаруживал символическую связь с национальными политическими решениями, а не локальной экономикой. Как указывалось в районной газете, "содружество земледельцев Дальнего Востока и приграничных провинций КНР – часть обширной долговременной программы прямых контактов по самым различным направлениям", которое "<...> стало возможным в связи с общегосударственных улучшением советско-китайских отношений в духе добрососедства..." [12]. Конечно, никакой программы не существовало, по крайней мере о таковой ничего не известно, а ведомства РСФСР настолько не хотели погружаться в проблемы, связанные с китайским присутствием в овощеводстве и строительной сфере района, что отказались разъяснить местным властям, как они могут оплатить услуги китайских бригад, предлагая решать проблему "на месте" "путем равнозначного товарообмена, на взаимовыгодных условиях" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 555. Л. 23).

В локальном бюрократическом и медийном дискурсах совместность нередко трансформировалась в "помощь КНР". Так районные власти могли называть не только проекты в сельском хозяйстве, но и в сфере строительства и торговли (ГАПК. Ф. П-24. Оп. 32. Д. 78. Л. 82, 84). Помощь не была признанием слабости собственной экономики, а имела два объяснения в дискурсе. Она могла быть свидетельством хороших политических отношений на высшем уровне. Например, в интервью центральному издательству "Сельская жизнь" глава крайисполкома утверждал, что китайская и советская стороны "стараятся передавать друг другу все лучшее, передовое" и "протягивают друг другу руку помощи, братства", а журналист газеты назвал сельскохозяйственные соглашения "контрактами об оказании помощи друг другу" [2]. При обращении к местной аудитории китайская помощь могла представляться как вынужденная мера в условиях разрушения командно-распределительной системы. Так, глава РАПО оправдывал нахождение граждан КНР на полях района следующим образом: "дефицит" рабочих и продовольствия "вынуждал" советскую сторону обращаться за "помощью" к китайской, которая буквально "спасала ситуацию", вызванную разрывом шефских связей [23].

В-третьих, в районном дискурсе китайские работники всегда позиционировались как масса и совокупность, что в целом стало правилом постсоветского дискурса [35, с. 79], однако в советское время у этой массы были положительные характеристики, тогда как в постсоветское стали преобладать негативные качества расистского (желтая угроза) или геополитического характера. Китайцы были трудолюбивыми, готовыми помогать, неприхотливыми, профессиональными. Как указывалось в заметке ДальТАСС, которую перепечатало "Знамя Октября", работники из КНР "даже в условиях... наводнения после тайфуна "Джуди" сумели получить на отведенных участках высокие урожаи овощных и бахчевых культур", а продукция "пользовалась большим спросом у населения – качество ее было отменным" [12]. Такой положительный образ работников не учитывал одного: это были вахтовики с заработными платами в разы выше китайских и с возможностью получить

⁹ Как показывают интервью, низовая кооперация на самом деле была: китайцы могли прийти на помощь с конкретным фронтом работ, а совхозы могли помочь наладить механизированный полив обрабатываемых полей. Однако эта кооперация не подрывала автономность китайской бригады (ПМА-2; ПМА-3).

дополнительный доход от фарцовки; они работали в бригадах максимально автономных в производственном процессе и ориентированных исключительно на прибыль, а не на выполнение плана; они могли привозить недостающие для производства ресурсы из Китая, обходя проблему советских дефицитов. Эти нюансы опускались в публичной сфере, а образ эффективного китайского работника, вырванный из социокультурного и экономического контекста, становился риторическим орудием обличения недостатков простого советского гражданина. Как указывал бывший глава совхоза, китайцы:

Работали как лошади, не так, как сейчас... Было такое, что в <название села> местные люди говорили: "Вот вы китайцам то-то платите, туда-сюда. Почему мы так не можем?" Я говорю: "Давайте. Вот вам земля, пожалуйста, выращивайте". Они в десять на работу, в двенадцать в тенек, в три часа вышли... у них все позасохло, потому что китайцы с речки в коромыслах носили воду – это потом я им сделал трактор и трубу длинную, трактор ехал потихоньку и поливал. А у них все засохло. Я говорю: "Вы смотрите, пять-шесть часов, только рассвело они уже там, и до темна они там..." (ПМА-2).

Очевидно, для сельской элиты китайские овощеводы могли приносить не только экономические дивиденды, но и символические выгоды через идеализацию их трудовых качеств. Китайские труженики в районном дискурсе становились референтным идеалом для советских работников.

Заключение

Статья показывает, что китайское присутствие в советском сельском хозяйстве не началось с приглашения рабочих совхозами, которое затем эволюционировало до землевладения без контроля со стороны российского государства и бизнеса. Овощеводы из КНР уже в советское время являлись автономными арендаторами и юридически, и фактически. С экономической точки зрения такое сотрудничество было выгодно совхозам: они получали трудоемкую сельскохозяйственную продукцию при минимальных потерях со своей стороны. Однако это сотрудничество несло много противоречий: продукцию китайских бригад было сложно встроить в планово-распределительную экономику и оплатить, а у обывателей района формировалось представление о невыгодности приграничного взаимодействия с КНР.

Сельская элита, стремясь сгладить эти противоречия, прибегала к различным практикам от физической эксклюзии китайцев до непризнания китайцев в качестве реальности локального сельского хозяйства. Бюрократические документы и районная газета позиционировали китайских овощеводов в качестве феномена международного сотрудничества, и их присутствие соответственно оправдывалось решениями политического характера. При этом китайский овощевод в районном дискурсе был неприспособленным и профессиональным работником совхозов, который трудился на взаимовыгодной основе не ради прибыли, а ради совместного блага. Создаваемый образ китайского присутствия не был связан с арендой земель, а деятельность не была автономной и ориентированной на прибыль.

Анализ статьи ограничен материалами Пограничного района Приморья и, безусловно, не может учитывать всю палитру изучаемых управленческих практик и дискурсивных процедур. Более того, используемые мной исторические материалы также предполагают недоступность, например, видения обывателей, кроме тех случаев, когда на него явно ссылалась районная газета. Тем не менее если вернуться к введению работы и вспомнить, что постсоветская академическая дискуссия о китайском присутствии в советском сельском хозяйстве оперирует понятиями рабочих и крестьян, то однозначно можно признать практики физической эксклюзии и дискурсивного контроля успешными. Они не только создали такой объект, как "китайский рабочий/мигрант/крестьянин", но и позволяли не поднимать обсуждение политически опасной проблемы участия локальной элиты в несоциалистических отношениях.

Литература

1. Авдашкин А.А. "Китайские" теплицы в сельском пространстве российского региона (случай Челябинской области) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 179–187.
2. Артапух Н. Как добрые соседи // Знамя Октября. 1989. 15 апреля. С. 2.
3. Басюк И. Давайте говорить начистоту // Знамя Октября. 1989. 21 января. С. 3.
4. Бачук Н. Должна быть забота о людях // Знамя Октября. 1990. 11 января. С. 2.
5. Блинов Э. Быть хозяином не по праву, а на деле // Знамя Октября. 1988. 31 марта. С. 1.
6. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
7. Глапшун Р. Все от земли // Знамя Октября. 1990. 27 февраля. С. 2.
8. Гордеев Н.В., Грибова С.Н., Жданова Н.Н. Забайкалье-КНР. Приграничные и межрегиональные отношения. 1945–2007. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 232 с.
9. Доклад о плане экономического и социального развития Пограничного района на 1990 год и о ходе выполнения плана экономического и социального развития района в 1989 году // Знамя Октября. 1989. 14 декабря. С. 4.
10. Земельный кодекс РСФСР (01.07.1970). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/7/print> (дата обращения: 13.07.2023).
11. Земцов А.Л. Сельское хозяйство Центрального Черноземья в 1985–1991 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2007. 24 с.
12. Климентьев С. Контакты приграничных районов // Знамя Октября. 1990. 05 июня. С. 3.
13. Корешкова Ю.О. Китайские теплицы: эхо советского прошлого (сибирские кейсы) // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 145–162.
14. Корякина Е.В. К вопросу о социально-экономическом развитии дальневосточного села в середине 1980-х – начале 1990-х гг. XX века (на примере Приморского края) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2007. № 2. С. 314–321.
15. Крушинский А. По-соседски, взаимовыгодно // Знамя Октября. 1989. 16 мая. С. 2.
16. Лабина С. Крепнуть добрососедскими связями // Знамя Октября. 1988. 22 ноября. С. 1.
17. Лабина С. Радиомост: Забайкальск – Пограничный // Знамя Октября. 1990. 30 января. С. 3.
18. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI веков). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.
19. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). Москва: Энцикл. рос. деревень, 1995. 573 с.
20. Никулина О. А кто же против? // Знамя Октября. 1988. 15 сентября. С. 3.
21. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле от (28.02.1990). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901955043> (дата обращения: 13.07.2023).
22. Основы законодательства СССР "Об аренде" (23.11.1989). URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007840> (дата обращения: 14.07.2023).
23. Пономаренко И. Зачем нам нужны эти китайцы // Знамя Октября. 1991. 12 февраля. С. 3.
24. Проект доклада // Знамя Октября. 1988. 01 марта. С. 2.
25. Роженко А. Что взять из уроков минувшего года // Знамя Октября. 1988. 13 февраля. С. 3.
26. Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения на современном этапе. Владивосток, 1990. 36 с.
27. Рыжова Н.П. Земля и власть: различия в подходах к исследованию собственности (случай неформального землепользования китайских фермеров) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. (5). С. 7–35.
28. Савченко А.Е., Чернолуцкая Е.Н. Пределы эффективности регионального экономического сотрудничества СССР и КНР в 1985–1988 гг. // Вестник Томского Государственного Университета. История. 2022. № 78. С. 73–81.
29. Совместное предприятие земледельцев // Знамя Октября. 1988. 21 июня. С. 1.
30. Указ Президиума ВС СССР "Об аренде и арендных отношениях в СССР" (07.04.1989). URL: <https://docs.cntd.ru/document/9024383> (дата обращения: 14.07.2023);
31. Шарова В. Крепнет наше соседство // Знамя Октября. 03.01.1989. 03 января. С. 2–3.
32. Яковлева Р. Заключен контракт // Знамя Октября. 1988. 24 мая. С. 1.
33. Brooks K.M. Lease Contracting in Soviet Agriculture in 1989. University of Minnesota: Staff Paper P90-1. Minnesota: University of Minnesota, 1990. 26 p.
34. Dunn E. Perestroika of Soviet Agriculture: The Peasant View. Washington: The National Council for Soviet and East European Research, 1991. 68 p.
35. Dyatlov V. Chinese Migrants and Anti-Chinese Sentiments in Russian Society // Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border / eds. F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 71–88.
36. Foucault M. Archaeology of Knowledge. London: Routledge, 2002. 239 p.
37. Foucault M. Orders of discourse // Social Science Information. 1971. № 2 (10). P. 7–30.

38. Foucault M. Power/knowledge. New York: Pantheon Books, 1980. 270 p.
39. Grigorichev K., Koreshkova I. 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs // *Inner Asia*. 2022. № 1 (24). P. 31–52.
40. Grigorichev K.V. "They Exist, Yet They Do Not": 'Chinese Greenhouses' in the Suburban Space // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2017. № 3–4 (56). P. 275–297.
41. Humphrey C. Perestroika and the Pastoralists: The Example of Mongun-Taiga in Tuva ASSR // *Anthropology Today*. 1989. № 3 (5). P. 6–10.
42. Lo B. Soviet Labour Ideology and the Collapse of the State. London: Palgrave Macmillan, 2000. 246 p.
43. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy, Volume 3. London: Penguin Classics, 1991. 1086 p.
44. Shanin T. Soviet agriculture and perestroika: four models // *Sociologia Ruralis*. 1989. № 1 (29). P. 7–22.
45. Tedstrom J. E. Socialism, Perestroika, And The Dilemmas Of Soviet Economic Reform / J. E. Tedstrom, New York: Routledge, 2019. 239 p.
46. Van Atta D. Russian agriculture between plan and market // The "Farmer Threat": The Political Economy of Agrarian Reform in Post-Soviet Russia / eds. Don Van Atta. Boulder, CO: Westview Press, 1993. P. 9–24.
47. Van Atta D. Theorists of Agrarian Perestroika // *Post-Soviet Affairs*. 1989. № 1 (5). P. 70–99.
48. White B., Wijaya H. What kind of labour regime is contract farming? Contracting and sharecropping in Java compared // *Journal of Agrarian Change*. 2022. № 22. P. 19–35.
49. Zhou J. Chinese agrarian capitalism in the Russian Far East // *Third World Thematics: A TWQ Journal*. 2016. № 5 (1). P. 612–632.
50. 佟承波. 谈东北三省 同俄罗斯的经贸合作 = Тун Чэнбо. Анализ торгово-экономического сотрудничества северо-восточных провинций с Россией // *西伯利亚研究 = Исследования Сибири*. 1994. № 2 (21). С. 11–15.

References

1. Avdashkin A.A. "Chinese" greenhouses in the rural space of the Russian region (the case of the Chelyabinsk region) // *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2021. № 1 (52). P. 179–187. (In Russ.).
2. Artapukh N. As good neighbors // *Znamya Oktyabrya*. 1989. April 15. P. 2. (In Russ.).
3. Basiuk I. Let's speak frankly // *Znamya Oktyabrya*. 21.01.1989. P. 3. (In Russ.).
4. Bachuk N. There should be care about people // *Znamya Oktyabrya*. 1990. January 11. P. 2. (In Russ.).
5. Blinov E. To be a master not by right, but in deed // *Znamya Oktyabrya*. 1988. March 31. P. 1. (In Russ.).
6. Vashchuk A.S., Chernolutskaya E.N., Koroleva V.A., Dudchenko G.B., Gerasimova L.A. Ethnominigration processes in Primorye in the 20th century. Vladivostok: FEB RAS, 2002. 228 p. (In Russ.).
7. Glapshun R. All from the land // *Znamya Oktyabrya*. 1990. February 27. P. 2. (In Russ.).
8. Gordeev N.V., Gribova S.N., Zhdanova N.N. Transbaikalia – China. Border and Interregional Relations. 1945–2007. Chita: Express Publisher, 2009. 232 p. (In Russ.).
9. Report on the plan of economic and social development of the Pogranichny district for 1990 and on the progress of the plan of economic and social development of the district in 1989 // *Znamya Oktyabrya*. 1989. December 14. P. 4. (In Russ.).
10. Land Code of the RSFSR (01.07.1970). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/7/print> (accessed 13.07.2023); (In Russ.).
11. Zemtsov A.L. Agriculture in the Central Black Earth Region in 1985–1991: Abstract of thesis of Candidate of Historical Sciences. Lipetsk, 2007. 24 p. (In Russ.).
12. Klimentiev S. Contacts of border districts // *Znamya Oktyabrya*. 05 June. P. 3. (In Russ.).
13. Koreshkova Yu.O. Chinese Greenhouses: Echoes of the Soviet Past (Siberian Cases) // *Ethnographic Review*. 2021. № 1. P. 145–162. (In Russ.).
14. Koryakina E.V. On the socio-economic development of the Far Eastern village in the mid-1980s – early 1990s XX century (the case of Primorsky Krai) // *Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University*. 2007. № 2. P. 314–321. (In Russ.).
15. Krushinsky A. Neighborly, mutually beneficial // *Znamya Oktyabrya*. 1989. May 16. P. 2. (In Russ.).
16. Labina S. To strengthen good-neighborly ties // *Znamya Oktyabrya*. 1988. November 22. P. 1. (In Russ.).
17. Labina S. Radio bridge: Zabaikalsk – Pogranichny // *Znamya Oktyabrya*. 1990. January 30. P. 3. (In Russ.).
18. Larin V. L. Russian-Chinese Relations in Regional Dimensions (the 80s of the 20th century – the early 21st centuries). Moscow: East-West, 2005. 390 p. (In Russ.).

19. Nikonov A.A. Spiral of the centuries-long drama: agrarian science and politics in Russia (18th-20th centuries). Moscow: Encyclopedia of Russian Villages, 1995. 573 p. (In Russ.).
20. Nikulina O. Who is against it? // *Znanya Oktyabrya*. 1988. September 15. P. 3. (In Russ.).
21. Fundamentals of Legislation of the Union of Soviet Socialist Republics and Union Republics on Land from (28.02.1990). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901955043> (accessed 13.07.2023). (In Russ.).
22. Fundamentals of Legislation of the USSR "On Lease" (23.11.1989). URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007840> (accessed 14.07.2023). (In Russ.).
23. Ponomarenko I. Why we need these Chinese // *Znanya Oktyabrya*. 12.02.1991. P. 3. (In Russ.).
24. Draft report // *Znanya Oktyabrya*. 1988. March 01. P. 2 (In Russ.).
25. Rozhenko A. What to take from the lessons of the past year // *Znanya Oktyabrya*. 1988. February 13. P. 3. (In Russ.).
26. Romanova G.N. Soviet-Chinese Economic Relations at the Present Stage. Vladivostok, 1990. 36 p. (In Russ.).
27. Ryzhova N.P. Ryzhova N.P. Land and Power: the Differences at Approaches to Research Property (Case of Informal Land Use Chinese Farmers) // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2014. (5). P. 7–35. (In Russ.).
28. Savchenko A.E., Chernolutskaia E.N. The Limits of Efficiency of Regional Economic Cooperation between the USSR and the PRC in 1985–1988 // *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2022. № 78. P. 73–81. (In Russ.).
29. Joint venture of farmers // *Znanya Oktyabrya*. 1988. June 21 P. 1. (In Russ.).
30. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On rent and lease relations in the USSR" (07.04.1989). URL: <https://docs.cntd.ru/document/9024383> (accessed 14.07.2023) (In Russ.).
31. Sharova V. Our neighborhood is growing stronger // *Znanya Oktyabrya*. 1989. January 03 P. 2–3. (In Russ.).
32. Yakovleva R. Contract concluded // *Znanya Oktyabrya*. 1988. May 24. P. 1. (In Russ.).
33. Brooks K.M. Lease Contracting in Soviet Agriculture in 1989. University of Minnesota: Staff Paper P90-1. Minnesota: University of Minnesota, 1990. 26 p.
34. Dunn E. Perestroika of Soviet Agriculture: The Peasant View. Washington: The National Council for Soviet and East European Research, 1991. 68 p.
35. Dyatlov V. Chinese Migrants and Anti-Chinese Sentiments in Russian Society // *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border* / eds. F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 71–88.
36. Foucault M. *Archaeology of Knowledge*. London: Routledge, 2002. 239 p.
37. Foucault M. Orders of discourse // *Social Science Information*. 1971. № 2 (10). P. 7–30.
38. Foucault M. *Power/knowledge*. New York: Pantheon Books, 1980. 270 p.
39. Grigorichev K., Koreshkova I. 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs // *Inner Asia*. 2022. № 1 (24). P. 31–52.
40. Grigorichev K.V. "They Exist, Yet They Do Not": 'Chinese Greenhouses' in the Suburban Space // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2017. № 3–4 (56). P. 275–297.
41. Humphrey C. Perestroika and the Pastoralists: The Example of Mongun-Taiga in Tuva ASSR // *Anthropology Today*. 1989. № 3 (5). P. 6–10.
42. Lo B. *Soviet Labour Ideology and the Collapse of the State*. London: Palgrave Macmillan, 2000. 246 p.
43. Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy, Volume 3*. London: Penguin Classics, 1991. 1086 p.
44. Shanin T. Soviet agriculture and perestroika: four models // *Sociologia Ruralis*. 1989. № 1 (29). P. 7–22.
45. Tedstrom J. E. *Socialism, Perestroika, And The Dilemmas Of Soviet Economic Reform* / J. E. Tedstrom, New York: Routledge, 2019. 239 p.
46. Van Atta D. Russian agriculture between plan and market // *The "Farmer Threat": The Political Economy of Agrarian Reform in Post-Soviet Russia* / eds. Don Van Atta. Boulder, CO: Westview Press, 1993. P. 9–24.
47. Van Atta D. Theorists of Agrarian Perestroika // *Post-Soviet Affairs*. 1989. № 1 (5). P. 70–99.
48. White B., Wijaya H. What kind of labour regime is contract farming? Contracting and sharecropping in Java compared // *Journal of Agrarian Change*. 2022. № 22. P. 19–35.
49. Zhou J. Chinese agrarian capitalism in the Russian Far East // *Third World Thematics: A TWQ Journal*. 2016. № 5 (1). P. 612–632.
50. Dong Chengbo. On economic and trade cooperation of the three northeastern provinces with Russia // *Siberian Studies*. 1994. № 2 (21). P. 11–15. (In Chin.).

Информация об авторах

Сергей Александрович Иванов, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: isaras9@outlook.com

Information about the authors

Sergei A. Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of Chinese Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: isaras9@outlook.com

Поступила в редакцию 28.06.2023

Received 28.06.2023

Одобрена после рецензирования 10.08.2022

Approved 10.08.2022

Принята к публикации 24.08.2023

Accepted 24.08.2023

"Материальный поворот" в неформальной экономике: китайское присутствие в сельском хозяйстве Сибири

Юлия Олеговна Корешкова
Университет Палацкого
Оломоуц, Чехия, yuliakodzhaeva@yandex.ru

Аннотация. Автор данного исследования предпринимает попытку в рамках концепции неформальной экономики применить подход "материального поворота" – теорию ассамбляжей М. Деланда – к исследованию китайского присутствия в сельскохозяйственной сфере в Сибири. В статье будет показано, как вследствие неолиберальных реформ 90-х гг. разваленные сельскохозяйственные связи и заброшенные объекты инфраструктуры, будучи исключенными из формальных процессов, производственных цепочек и сетей, находят свое второе рождение в поле неформальной экономики. По законам рыночной самоорганизации бывшие колхозные участки, а в настоящее время "китайские" хозяйства, становятся уникальными местами смешения людей, объектов, технологий – действующими акторами, встроенными в транснациональные, транслокальные и локальные сети. **Ключевые слова:** неформальная экономика, теория ассамбляжей, социоматериальные сети, сельское хозяйство, китайское присутствие, Сибирь

Данное исследование было профинансировано за счет грантов Европейского фонда регионального развития "Sinophone Borderlands – Interaction at the Edges" CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791 и Министерства образования, молодежи и спорта Чехии (IGA_FF_2023_056).

Для цитирования: Корешкова Ю. О. "Материальный поворот" в неформальной экономике: китайское присутствие в сельском хозяйстве Сибири // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 51–62. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/51-62>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/51-62>

The "material turn" in the informal economy: China's Presence in Siberian Agriculture

Iuliia O. Koreshkova
Palacky University,
Olomouc, Czech Republic, yuliakodzhaeva@yandex.ru

Abstract. The author of this study attempts to apply the "material turn" approach – M. Delanda's Assemblage Theory – to study the Chinese presence in the agricultural sphere in Siberia within the framework of the concept of the informal economy. The paper will demonstrate how, as a consequence of the neoliberal reforms of the 1990s, the collapsed agricultural networks and abandoned infrastructure have been excluded from formal processes, production chains, and networks and have found their second birth in the field of the informal economy. According to mechanisms of market self-organization, former collective farms and, at present, "Chinese" farms have become unique places of assembly of people, objects, and technologies – acting actors embedded in transnational, trans-local, and local networks.

Key words: Informal economy, Assemblage theory, sociomaterial networks, agriculture, Chinese presence, Siberia

The funding for the present research paper was provided by the European Regional Development Fund Project 'Sinophone Borderlands – Interaction at the Edges', CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791 and the Czech Ministry of Education, Youth and Sports for specific research (IGA_FF_2023_056).

For citation: Koreshkova I. O. The "material turn" in the informal economy: China's Presence in Siberian Agriculture // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 51–62. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/51-62>

Местами полуразрушенная узкая асфальтированная дорога сворачивала с пригородной трассы и отделяла жилую часть сибирской деревни от участков недавно вспаханных полей. По одному из них неспешно ездил старый трактор синего цвета, обработавшая оставшиеся невспаханные куски земли. На пригорке со стороны полей возвышалось сооружение, конструкция и внешний вид которого выдавали его советское происхождение. Бывшие коллективные хозяйства в сельской местности зачастую выглядят как руины – полуразрушенные останки советского прошлого [16]. Поэтому ухоженные советские постройки, создающие впечатление благополучной деревенской жизни, вызвали у нас удивление своей нетипичностью для сельской местности постсоветской России. Еще более неожиданным оказалось то, что эти постройки являются частью "китайского" хозяйства по производству овощей, куда мы и направлялись. Свернув на проселочную дорогу и поднявшись на пригорок, мы с водителем увидели въезд на территорию. Оказавшись внутри, мы обнаружили слаженное агропоселение-производство. Время близилось к шести часам вечера, на полях совместно трудились китайские и узбекские работни-

ки¹, а также местные – жители близлежащих деревень. В теплицах китайцы занимались сбором огурцов, молодые узбеки перевозили собранный урожай на маленьких автоприцепах в склад, в столовой узбекские и китайские женщины готовили ужин в большом казане.

Такого рода мини поселения, базирующиеся на землях бывших колхозов и совхозов Восточной Сибири, местные жители маркируют как "китайские". "Китайскость" в данном контексте определяется, прежде всего, соответствующим взглядом и восприятием местного населения [1; 2; 8; 12; 24]. В отношении сельскохозяйственных производств это проявляется в виде алармистских дискурсов в бинарной логике "свой-чужой". Предприятия и их сотрудников наделяют качествами опасности, маргинальности и нелегальности, видя в них потенциальную угрозу, исходящую от непонятого Другого. Поводом для этого становится небезосновательно распространенная среди местных информация, что предприятия *de jure* не существуют, и ведут они свою деятельность неформально [6]. Однако, если посмотреть на описанное выше хозяйство, выделяя его отдельные компоненты: бывшие советские колхозные земли, местная и китайская инфраструктура и техника, преобладающее количество работников из стран Центральной Азии, местные работники, китайские работники, – мы не находим "китайского ядра", которое давало бы повод для подобной идентификации. При этом обнаруживаем локализованные экс-советские объекты, задействованные в "китайских" производствах. Таким образом, перед нами предстает особый объект наблюдения [39], который, с одной стороны, представляет собой сложную сборку гетерогенных социоматериальных сетей и акторов, с другой стороны, находится в поле неформальной экономики. Поэтому в настоящем исследовании представленный эмпирический случай будет рассмотрен и описан через призму концепции неформальной экономики с применением подхода "материального поворота". Будет предпринята попытка осмыслить роли материальных компонентов в существующих процессах, а также дать ответы на следующие вопросы. *Что нам удастся обнаружить или понять, применяя подход "материального поворота", в частности, теорию ассамбляжей в рамках неформальной экономики на примере китайского присутствия в сельском хозяйстве Сибири? Что дает такой подход в исследованиях неформальной экономики в целом?*

Одним из ключевых, объединяющих обе оптики, является понятие самоорганизация (*self-organization*). В исследованиях неформальной экономики речь идет о "самоорганизации людей, которые были исключены из участия в льготах, гарантированных государством, и которые создали свои собственные способы выживания" [38]. В зависимости от исторических, культурных и социо-экономических контекстов исследуемых кейсов преобладали различные способы самоорганизации, среди которых выделяли самозанятость (*self-employment*) [33], самообеспечение (*self-provisioning*) [34; 40; 41; 43], самосохранение (*self-preservation*) и самопомощь (*self-help*) [38]. Однако, во-первых, описанные способы подчеркивали роль индивидуальных стратегий выживания без акцента на неформальные аспекты самоорганизации рыночного производства и торговли [22]. Во-вторых, они были представлены в бинарной логике, в рамках "дуалистической модели", противопоставляя формальное и неформальное, государственную бюрократию и народную самоорганизацию; сохраняли акцент на ограничениях, вводимых формальными государственными институтами, определяющими границы включения акторов в формальное поле [30; 37; 42; 45]. Неолиберальная политика конца прошлого века и ее последствия способствовали развитию, смешению и сосуществованию многообразных форм экономической жизни с участием самоорганизованных групп. Сложные социальные сборки возникали и воспроизводились с целью выжи-

¹ Определение работников как "китайских" или "узбекских" в данном контексте происходит не от этнического происхождения, а от такой их идентификации и маркированности местными жителями в повседневных дискурсах. В случае с "китайцами" ключевым фактором становится страна исхода – Китай. В случае с "узбеками" это связано даже не с фактическим приездом из Узбекистана, а представляет собой "собирательное определение трудовых мигрантов из постсоветских центральноазиатских стран" [7].

вания² в новых условиях [46]. Однако по-прежнему отличительной особенностью неформальной экономической сети выделяли "позицию участников и их способности к самоорганизации и коммуникации" [5], тем самым определяя людей как основных акторов взаимодействий. При этом теории "материального поворота" предлагают исследовать самоорганизацию (не)человеческих акторов или, другими словами, социоматериальные сети.

В теории ассамбляжей Деланда [31] демонстрирует самоорганизацию множественных связей социоматериальных акторов в воспроизводимые сборки и сети. Он вводит понятие ассамбляжа, подразумевая сборки, "состоящие из частей, которые являются самосуществующими и сочлененными отношениями внешности, так что часть может быть отделена и сделана компонентом другой сборки". Что он под этим подразумевает? Во-первых, речь идет о самодостаточности компонентов ассамбляжа, то есть отдельные анализируемые элементы и совокупности одновременно и в разные моменты времени могут быть участниками других ассамбляжей. Во-вторых, учитывает разнородность компонентов ассамбляжа, в который могут входить как человеческие, так и нечеловеческие компоненты. Главным условием здесь является способность элементов к перформативному отношению, или в терминах Деланды – реализации "способностей к взаимодействию". Во-третьих, он подчеркивает, что такого рода отношения экстериорны, то есть компоненты могут свободно включаться и выключаться из взаимодействий, что открывает пространство возможностей. Два и более различных индивида, находясь по соседству, либо вступают, либо не вступают в отношения какого-либо типа. При этом гетерогенность совокупностей делает структуру вариативной и эмерджентной, участники которой в ходе совместных практик принимают решения, которые приводят к новым ситуациям и отношениям. Важно подчеркнуть, что Деланда ставит генезис выше полностью сформировавшихся индивидов³. Таким образом, он делает акцент на постоянной трансформации, рассматривая сборки как непрерывный самоорганизующийся исторический процесс. Все перечисленные характеристики обуславливают понятие "плоской онтологии", которая не противопоставляет элементы друг другу, не выстраивает иерархий, а демонстрирует силу их взаимодействий, связи и отношения, которые способствуют (де)территоризации ассамбляжа. Такой подход позволяет, во-первых, подойти к анализу представленного далее случая, избегая бинарной логики, где, скажем, государство не противопоставляется акторам, действующим в неформальном поле, а становится еще одним действующим элементом сборки. Во-вторых, делает возможным понять роль и значение материальных объектов в самоорганизации неформальных сетей.

Настоящая работа начинается с описания "китайской" локации, которая представляет собой самоорганизацию человеческих и нечеловеческих акторов. Как будет показано далее, ассамбляжный стиль мышления позволяет на примере конкретного случая показать, как эта совокупность приобретает новую силу и меняется вслед за меняющимися формами отношений; как материальные объекты приобретают статус агентных, где под "агентством мы подразумеваем способность что-то делать, влиять и быть затронутым" [35]. Как "ассамбляжи людей и вещей" обнаруживают иную логику существования в отдалении от капиталистических "центров" [46].

Когда речь идет о китайском присутствии в постсоветской России, сложность материальных, социальных и экономических связей, создаваемых в результате возникновения новых "китайских" локаций, хорошо представлена в работах, посвященных этническим базарам [11; 12]. По мнению Бляхера [4], в этих работах исследователи учитывают структурные особенности и принципиальный синкретизм локаций, а также успешно обнаруживают новые подходы к исследованию данного феномена и сопутствующим ему взаимоотношениям. Однако все еще немного таких работ в отношении китайского присутствия в сфере сельского хозяйства, что можно объяснить их удаленностью и сложным доступом к объектам изучения, располагающихся в сельской местности

² Под выживанием подразумевается не "попытка выжить, находясь на минимальном уровне существования, а выживание как попытка воспроизводиться" [46].

³ Каждый ассамбляж определяется как отдельный индивид (Деланда).

и пригородах. Перспектива понимания китайского присутствия в сельском хозяйстве меняется и углубляется с появлением работ, комбинирующих этнографию и теории "материального поворота" [47]. В сибирском регионе Григоричев рассматривает "китайские" теплицы с позиции акторно-сетевой теории. Он демонстрирует, что как самостоятельные актанты тепличные хозяйства встраиваются в общую систему транслокальных сетей и средство модернизации пригородных территорий [6]. Рыжовой и Иванову в их работе удается учесть гетерогенность самого объекта, а также сложный ландшафт смешанных, разнообразных форм экономической жизни. С помощью метода объектно-ориентированной социологии (на основе социальной топологии Молл и Ло) они дают объяснение наблюдаемому эффекту одновременного присутствия и отсутствия Китая в сельском хозяйстве России [44]. Демонстрируют, как различные формы экономической жизни не развиваются как "российские" или "китайские", а представляют собой пучок капиталистических и некапиталистических отношений, которые постоянно меняются и переписываются, а также показывают, как такой эффект повлиял на постсоветские аграрные преобразования в регионе российского Дальнего Востока. В исследованиях автора это также не первый опыт применения сочетания методов этнографии и теорий "материального поворота". Совместно с Григоричевым мы уже рассматривали возникновение сложных отношений вокруг цепочек производства и поставок сельскохозяйственной продукции "китайских" теплиц в сибирском пригороде, используя теоретическую оптику Деланда. Посредством чего нам удалось обнаружить и продемонстрировать скрытые на первый взгляд связи "китайских" акторов с местными жителями и властями. Мы показали, что для локальных акторов это становится возможностью интегрироваться в капиталистические отношения через продажу символического ресурса "местность". В случае китайских акторов, материальные компоненты ассамбляжа позволяют приобретать символический ресурс "местности" и встраиваться в сетевое пространство "местного капитализма" [36].

Возникновение обнаруженных переплетений социоматериальных акторов стало возможным на руинизированном постсоциалистическом ландшафте – пространстве разрушенных сельскохозяйственных сетей – после развала Советского Союза и реализации неолиберальных реформ [3; 21; 25; 26; 27]. В 90-е годы в Сибири и даже еще в 80-е годы на Дальнем Востоке России советские совхозы и колхозы нанимали рабочих из Китая для компенсации сокращающегося резерва местной городской рабочей силы [19], подобным образом пытаясь восполнять разрушенные участки ранее существовавшего сетевого пространства за счет включения новых акторов. Однако такие практики не имели долгосрочного успеха, так как процессы руинизации приобрели необратимый характер на национальном и локальном уровнях. Причем если люди каким-то образом пытались включаться в новообразующиеся сети или выживать в существующих, то объекты инфраструктуры, исключенные из производственной сельскохозяйственной цепи, буквально массово превращались в руины.

Упомянутые процессы руинизации отчасти способствовали китайскому присутствию в сельскохозяйственной сфере в Сибири. "Китайские" хозяйства формировались на территориях бывших колхозов и совхозов, где обветшавшие остатки советской сельскохозяйственной инфраструктуры играли немаловажную роль, становились организационным базисом и ядром новой сборки, объединяя вокруг себя человеческих акторов, местные и мигрантские сети. Такие предприятия начали свою самостоятельную деятельность в начале 2000-х гг. [7]. За более чем пятнадцатилетний период их существования экономические условия и местная политика в отношении их деятельности менялись. Как следствие, сами предприятия с китайским капиталом, скрываясь от государственного ока, перестраивались, выживали и продолжали свою деятельность в тени [14; 15; 23]. Таким образом, целью данной работы является попытка описать самоорганизующиеся социоматериальные сети в рамках концепции неформальной экономики на примере китайского присутствия в сельскохозяйственной сфере в Сибири, а также показать значительную роль и влияние нечеловеческих акторов сети.

Эмпирический раздел статьи состоит из материалов полевых исследований, проведенных в регионе Восточной Сибири в период 2018–2022 гг. Дан-

ные включают в себя серии полуструктурированных интервью, включенное наблюдение, а также сюжеты из региональных СМИ за период 2000–2022 гг.

"Китайский" ассамбляж на советских руинах

Распад СССР и последующие неолиберальные реформы спровоцировали масштабную пересборку социальных, экономических и материальных связей. Советская неповоротливая агросеть, обширно раскинувшаяся по территории всей страны, включающая в себя колхозы, совхозы, аграрные техникумы и др., на практике не могла стремительно перестроиться на новый лад [25]. Провозглашение перехода к рынку на первых этапах и не предполагало незамедлительного разукрупнения предприятий, однако исключало важные компоненты привычной сборки. Так, например, некоторые государственные сельскохозяйственные организации оказались в ситуации острой нужды в рабочей силе в производстве плодовоовощных культур. В советский период на высадку и сбор овощей, на работу в полях обычно направлялись работники шефствующих предприятий, студенты ВУЗов и техникумов, школьники [28]. Практика привлечения городского, в частности молодого, населения на работы в полях имела распространенный характер и была обязательной [10], но после реформ перестала существовать. Такое положение дел вызвало необходимость включения новых акторов, способных исполнять роли тех, чье участие в предлагаемых условиях стало невозможным. Поэтому крупные хозяйства-производители, желающие продолжать свою деятельность, были вынуждены искать рабочую силу на стороне. Нехватка людей в секторах экономики, где возникла необходимость выполнять ручную трудоёмкую работу, стала ощутимой на Дальнем Востоке ещё в 80-е годы. Выходом для работодателей стало привлечение китайской рабочей силы. Китайские овощеводы оказались намного более организованными, дисциплинированными и менее прихотливыми работниками в сравнении с советскими школьниками [13]. Перенимая опыт соседних регионов, некоторые сибирские предприятия в начале 90-х годов также стали приглашать на работу жителей Поднебесной.

На волне трудовой миграции из Китая в начале 2000-х годов в Сибири появилась новая категория экономических мигрантов – китайские аграрные предприниматели. Их частные производства постепенно разрастались и пересобирались вокруг заброшенных участков бывших коллективных хозяйств. Некоторые из них продолжают свою деятельность и в настоящее время. В данном разделе на примере "китайского" тепличного хозяйства, с описания которого начинается настоящая статья, я продемонстрирую, как переплетались и трансформировались китайские и местные сети вокруг и внутри этих хозяйств с начала 2000-х гг. Кроме того, покажу, как в процессе конъюнктурных изменений включались новые участники, что способствовало выживанию и воспроизводству сборки "китайского" ассамбляжа, а также какую роль исполняют материальные акторы в этих процессах.

Один из китайских аграрных предпринимателей волны 2000-х почти двадцать лет занимается выращиванием овощей в упомянутом ранее поселении. В советское время эти земли принадлежали государству, и на их территории находился колхоз. После аграрной реформы 90-х годов этот участок земли по распределению перешел во владение местного чиновника. Первое время после приватизации он сдавал участок в аренду местным жителям, однако послереформенное социально-экономическое положение жителей района [26] не позволяло им заниматься самостоятельным производством в новых рыночных условиях, и земли стали простаивать. Пустующий участок земли с ветшающей инфраструктурой привлек внимание китайского агрария, и он взял его в арендное пользование по договору вместе с имеющейся техникой и постройками. Таким образом, постепенно вокруг участка складывался ассамбляж, включающий в себя человеческих акторов: китайские предприниматели, китайские, узбекские и местные рабочие, арендаторы и собственники земли, представители местной власти, местные жители, – а также нечеловеческих: бывшая колхозная инфраструктура и техника, новые "китайские" постройки и техника, орудия труда и др.

Возникновение и расширение хозяйства можно наблюдать с помощью программы Google Earth Pro. В начале 2004 года на снимках можно увидеть только пустующие поля и старые советские постройки, а в период с 2005 по

2015 г. можно наблюдать постоянный процесс застройки – появляются скважины для полива, жилые бараки для работников, подземные овощехранилища, растет количество теплиц, увеличивается площадь возделываемых открытых полей. С одной стороны, наличие бывших колхозных сооружений и техники обусловило выбор данного места для производства, с другой стороны, применение китайских аграрных технологий и необходимость обустройства быта "по-китайски" привели к строительству новых. Таким образом, на протяжении всего времени существования производства просматривается устойчивое смещение и взаимовлияние "китайских" новоделов и бывших советских объектов. Последние одновременно играют важную материальную роль, территорируя "китайский" ассамбляж, получают при этом второе рождение и переписывают свою биографию в несколько иных качествах в новых условиях.

Ключевую роль в процессах производства и сбыта продукции играет бывший советский склад. Во-первых, он хорошо просматривается с дороги, однако находится за пределами скрытых за пригорком производственной и жилой частей, что позволяет хозяйству одновременно оставаться видимым и невидимым. Во-вторых, его местоположение определяет, как внутреннюю деятельность хозяйства – организацию труда, внутреннюю логистику и местоположение теплиц, так и внешнюю – выполняя не только функцию хранения, но и сбыта готовой продукции оптом. Таким образом, склад становится важным компонентом социоматериальной сети, объединяющим и опосредующим сложную внутреннюю сборку, встраивая ее во внешние локальные и транслокальные сети.

Необходимость и желание оставаться недоступными для наблюдений, в том числе в физическом пространстве, объяснимы сложными переплетениями неформальных связей, образующими и образующимися внутри и вокруг производства. На первоначальном этапе организации у китайских предпринимателей возникает потребность во включении в местные неформальные сети по вопросам аренды и землепользования – "нет земли, нет производства". Для этого существует несколько вариантов: с помощью долговременно проживающих в России китайских родственников, посредством WeChat групп, а также на сайте Avito⁴. Договор, как правило, оформлен на местное российское лицо, которое номинально является владельцем производства, такая практика применяется и в описываемом здесь случае. Условия аренды китайский предприниматель обговаривает самостоятельно, что не вызывает сомнений, кто настоящий арендатор, de jure не фигурирующий на бумагах. Существуют разные точки зрения о причинах происходящего. Китайские аграрии говорят о том, что вести деятельность открыто им мешают языковой барьер и незнание законодательства. Государственные контролирующие органы видят в этом их попытку уйти от ответственности за правонарушения.

Другим фактором, провоцирующим оставаться в тени, является изменчивость и неопределенность экономической ситуации и политики в отношении китайского присутствия в регионе, отчасти спровоцированные самими китайскими акторами, желающими обойти формальные правила. В начале своей деятельности китайский предприниматель привозил рабочие бригады из Китая, частично обходя закон для экономии средств. Для работы на земле в сезон требуется около 100 человек, официально оформляли только шестую часть – примерно 20 работников. Неформальные контакты, установленные с представителями местных служб, позволяли заранее узнавать о намечающихся проверках, поэтому работников, у которых не было надлежащим образом оформленных документов, успевали спрятать в подземных овощехранилищах, которые располагаются в скрытой производственной части. Однако в регионе постепенно вводили изменения в условия квотирования для китайских сельскохозяйственных рабочих. В Иркутской области в 2010 году было выделено 600 квот для граждан Китая, в 2011 году квоты сократили вдвое, при этом фактическое количество превышало количество квотных мест [18]. В той же Иркутской области в 2014 году произошло полное обнуление квотирования [17]. В Красноярском крае в 2012 году въезд и ввоз китайских рабочих для привлечения их к работе в овощеводстве также был запрещен. Такая по-

⁴ Российский интернет-сервис для размещения объявлений о товарах, недвижимости, вакансиях и резюме на рынке труда, а также услугах от частных лиц и компаний и тп.

литика, с одной стороны, действительно вызвала сокращение китайских сельскохозяйственных рабочих, с другой стороны, спровоцировала появление новых неформальных связей и отношений с местными, которые стали помогать в организации въезда сельхозмигрантов, например, по квотам на строительных рабочих [20] или в качестве работников предприятий по лесопереработке. Китайские лесозаготовители охотно содействуют своим соотечественникам вдали от родины, и местная деревенская власть, участковые и "свои" люди в региональных госорганах охотно "помогают" им за денежные вознаграждения. Хозяин бизнеса идет на риск, но вынужден приглашать из Китая мастеров, которые умеют работать с землей, выращивать овощи по китайским технологиям, следить за процессом производства и руководить наемными работниками. Сложившиеся неформальные связи с представителями местной власти выручают китайского предпринимателя, но при этом увеличивают риски и финансовые затраты, которые усугубил российский валютный кризис 2014 года, что стало еще одним основанием для сокращения числа китайских рабочих. Экономически невыгодные условия, как для организатора бизнеса, так и для работников, спровоцировали искать альтернативные источники по привлечению рабочей силы.

Попытки привлечь местное население в целом не увенчались успехом. Местные жители, которые соглашались на такую работу, принадлежали к люмпенизированным слоям населения – без постоянной занятости, с алкогольной аддикцией, они не были надежными работниками, что вносило дополнительные риски в сельскохозяйственное производство. В итоге остались только несколько человек из местных, которые на постоянной основе трудились на предприятии в сельскохозяйственный сезон, а также присматривали за хозяйством в несезонное время. Решение нашлось в лице узбекских мигрантов. Распад Советского Союза повлек падение экономик стран центральноазиатского региона, и после первой волны вынужденной миграции русскоязычного населения в современной России можно было наблюдать вторую волну трудовой миграции из этих стран [29]. Связующим элементом сетей мигрантов стал человек, который занимается размещением и сопровождением узбекских рабочих. Этнический узбек, всю жизнь проживающий в России, он одновременно является представителем государственных институтов и обладателем обширных личных связей в Узбекистане и в России. С его помощью узбекские бригады стали основной рабочей силой "китайского" хозяйства. Китайскому работодателю не приходится тратить усилия и деньги на их официальное оформление и подготовку документов, они нанимают тех, кто в данный момент находится на заработках в России. Таким образом, основную часть рабочей силы составляют узбекские, и незначительную часть – местные работники, все они находятся под руководством трех-четырёх китайских мастеров.

Внешние контакты с местными органами власти, с выходцами из Китая и стран Центральной Азии – все это обнаруживает пространство неограниченных возможностей. Организатор сельскохозяйственного предприятия, будучи включенным в это пространство, за короткое время может решить любую возникающую проблему. Это распространяется и на работников. Китайские, узбекские и местные работники не просто трудятся на одной территории, проживая в параллельных реальностях, а взаимодействуют друг с другом, разделяя обязанности и быт. Кроме того, они включаются в местные сети. Продавщицы деревенских магазинов могут рассказать, кто из них является завсегдаем, какие продукты они обычно покупают. Знакомятся с местными девушками, даже есть несколько русско-китайских семей, где муж китаец, а жена местная деревенская женщина. Таким образом, на основе заброшенного колхозного участка трансформируется и перестраивается "китайское" тепличное хозяйство, представляя собой место смешения отличающихся друг от друга культур, языков и практик.

В конце сельскохозяйственного сезона, с конца августа до середины сентября, появляется первый урожай. Перед предпринимателем возникает новая задача – продажа продукции, а значит, необходимость включаться во внешние сети. Часть урожая продается на овощной базе, которую местные называют "китайская оптовка" или "китайская овощебаза". Оттуда через российских оптовых закупщиков и посредников расходуется по супермаркетам и городским рынкам. Часть продукции распространяется через местных жителей,

в том числе бабушек – бывших колхозных работников, которые тоже являются частью разрушенной сетевой структуры советского прошлого, торгующих на стихийных придорожных и городских рынках [36]. Часть продукции "по специальной цене уходит своим китайцам", которые приезжают на производство и даже могут самостоятельно собрать урожай в теплицах и на полях. Какая-то часть продукции реализуется прямо со склада, о котором упоминалось выше. Удобный подъезд к складу, его видимое местоположение позволяют выполнять функцию точки сбыта продукции, куда подъезжают как легковые автомобили, так и большие фуры тех, кто закупает овощи оптом. Продукция благодаря этому расходуется по другим регионам на протяжении всего года⁵.

Бывшие советские постройки внутри хозяйства – колхозные амбары – выступают пространством хранения техники, инструментов и части собранного урожая. И в этом смысле равным образом детерминируют организацию и практики внутренних сельскохозяйственных и процессов жизнедеятельности. Вместе с тем вокруг них выстаивается новая инфраструктура, большую часть материалов для строительства которой привозят из Китая. Считается, что качество привозимых материалов лучше тех, которые можно купить в России, а цена дешевле даже с учетом затрат на логистику. Исключение составляет древесина, которую закупают на месте у "своих китайцев", занимающихся деревоперерабатывающим производством в Сибири. Помимо материалов для строительства из Китая также везут инструменты, малогабаритную технику, семена и др. Заказывают их у знакомых трейдеров, которые занимаются поставкой товаров в одном из приграничных китайских городов. Предприниматель предпочитает задействовать неформальные каналы поставки с целью сокращения денежных и временных затрат. Как мы видим, тепличные хозяйства успешно оказываются встроенными, как в локальные, транслокальные, так и в транснациональные неформальные сети.

Заключение

Отвечая на поставленные вопросы при исследовании китайского присутствия в сельском хозяйстве Сибири удалось понять, что материальные акторы могут быть действующими и играть значительную роль в создании и поддержании связей и отношений. В терминологии Деланда они становятся важными акторами, территориализующими ассамбляж. В описанном случае таковыми выступают сооружения и инфраструктура на руинизированном социоматериальном ландшафте, образованном распадом советской сельскохозяйственной системы. Разваленные сети коммуникации, а также заброшенные объекты инфраструктуры оказываются, также как и люди [38], исключенными из формальных процессов, производственных цепочек и сетей и находят свое второе рождение в поле неформальной экономики. По законам рыночной самоорганизации бывшие колхозные участки становятся уникальными местами смешения людей, объектов, технологий, создавая "пространства возможностей" для новых сетевых переплетений. Представленный эмпирический случай позволяет распаковать это "пространство возможностей", и мы обнаруживаем, что "китайское" хозяйство одновременно является самостоятельным актором, встроенным в транснациональные, транслокальные [6] и локальные сети. Более того, материальные объекты инфраструктуры становятся посредниками и неотъемлемыми компонентами, объединяющими внутренне и внешне сетевые пространства.

Исследования неформальной и теневой экономики [9], изучение конкретных кейсов остаются актуальными в настоящее время. Открывшаяся картина по итогам проведенной работы позволяет сказать, что применение теорий "материального поворота" и попытка переосмысления участия нечеловеческих акторов в процессах самоорганизации в государственной тени расширяет пути понимания в рамках существующих концептуальных рамок. Ассамбляжный подход позволил продемонстрировать сложность и множественность взаимодействий в противоположность подходов, основанных на противопоставлениях бинарной логики, ограничивающих области возможных открытий.

⁵ Перед новым годом, например, цена на овощи возрастает, и прибыль предприятия растет.

Литература

1. Авдашкин А.А. "Китайский" рынок в пространстве российского города (случай Челябинска) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2 (49). С. 147–156.
2. Авдашкин А.А. "Китайские" теплицы в сельском пространстве российского региона (случай Челябинской области) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 179–187.
3. Алпатов А.А. Земельная реформа в новой России. Москва: АКДИ "Экономика и жизнь". 2005. 336 с.
4. Бляхер Л.Е. Общество за пределами статистики // Мир России. 2017. Т. 26. № 2. С. 188–193.
5. Габдрахманов О.Ф. Сетевая экономика: особенности и виды неформальных экономических сетей в сфере услуг // Вестник университета. 2017. № 3. С. 42–47.
6. Григоричев К.В. "Они есть, но их нет": "китайские" теплицы в пространстве пригорода // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 137–153.
7. Григоричев К. В. "Полугородские фермеры" и "Китайцы-огородники": постколхозная рента в неформальной экономике пригорода // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 119–137.
8. Григоричев К.В. "Неправильные" китайцы и "захваченный" город: оспаривание городского пространства как выработка практик взаимодействия с другим // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 4. С. 593–608.
9. Де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. Пер. с англ. Б. Пинскер. Москва: Catallaxy, 1995. 215 с.
10. Димке Д.В. Летние трудовые школьные лагеря начала 1960-х годов как анклав советского идеализма // Вестник Пермского Университета. Серия: История. 2013. № 2 (22). С. 138–147.
11. Дятлов В.И., Григоричев К.В. Предисловие редакторов // Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 7–10.
12. Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в городском пространстве Сибири // Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп. Москва: Новый хронограф, 2016. С. 161–187.
13. Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогнозис: Журнал о будущем, 2007. № 1. С. 252–277.
14. Зуенко И.Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы // Известия Восточного Института, 2015. № 2 (26). С. 51–59.
15. Зуенко И.Ю., Сонин В.В. Правовые ограничения и неформальные практики землепользования китайских фермеров на Дальнем Востоке России // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 57–65.
16. Калугина З.И., Фадеева О.П. "Hard luck story" брошенных деревень (социологический очерк) // Регион: экономика и социология. 2006. № 3. С. 79–96.
17. Квоты 2014 – Губернатор: В Иркутской области квоты на иностранную рабочую силу, занятую в сфере сельского хозяйства, в 2014 год не будет // Иркутская область. Официальный портал. 07.02.2014. URL: <https://irkobl.ru/news/archiv/60535/>. (дата обращения: 20.02.2023).
18. Макеева С.Б. Рабочая сила из Китая на рынке труда Иркутской области: опыт социально-экономического анализа // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2011. № 7. С. 82–86.
19. Михель Е.А. Интенсификация социально-трудовой мобильности населения приграничных регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 45. С. 16–21.
20. Муратшина К. Г. Гуманитарные и экологические риски использования труда мигрантов в сельском хозяйстве России (на примере сотрудничества с КНР) // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2015. № 8. С. 172–182.
21. Никольский С.А. Аграрный вопрос в России в XX веке. История, современное состояние, стратегии решения. Издание второе. Москва: УРСС, 2012. 136 с.
22. Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // Экономическая социология, 2003. Т. 4. № 5. С. 34–53.
23. Рыжова Н.П. Земля и власть: различия в подходах к исследованию собственности (случай неформального землепользования китайских фермеров) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 5. С. 7–35.
24. Тимошкин Д. О. Новая "желтая угроза": китайский туризм в дискурсе российских СМИ // Россия и Китай: вызовы глобализации, перспективы сотрудничества в сибирско-дальневосточном пространстве. Иркутск, 2018. С. 54–61.
25. Узун В.Я. Последствия институциональных реформ в АПК России: изменения в аграрной структуре и поведении сельхозпроизводителей // Никоновские чтения. 2006. № 11. С. 18–24.
26. Фадеева О. П. Неформальная занятость в сибирском селе // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 2. С. 61–93.

27. Фадеева О.П. Земельный вопрос на селе: наступит ли "момент истины"? // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5. С. 50–71.
28. Чугунов Д. Городской мальчик на картошке // Архипелаг колхоз. Москва: Издательство Истоки, 2017. С. 156–159.
29. Эргешбаев У.Ж. Современная трудовая миграция населения стран Центральной Азии в Россию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Экономика. Информатика. 2009. Т. 10-1, № 7 (62). С. 74–81.
30. Barsukova S. Shadow Labor Market: Problems of Legalization // Studies on Russian Economic Development. 2003. V.14. № 1. P. 85–93.
31. DeLanda M. A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity. Bloomsbury Publishing, 2019.
32. DeLanda M. Assemblage theory. Edinburgh University Press, 2016.
33. Gery C. Petty production and capitalist production in Dakar: the crisis of the self-employed // World development. 1978. v.6. № 9-10. P. 1147–1160.
34. Gershuny J. After industrial society? The emerging self-service society. London: Macmillan, 1978.
35. Ghoddousi P., Page S. Using ethnography and assemblage theory in political geography // Geography Compass. 2020. v.14. № 10. P. 1–13.
36. Grigorichev K., Koreshkova I. 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs // Inner Asia. 2022. v. 24. № 1. P. 31–52.
37. Grossman G. The "Second economy" of the USSR // The Soviet Economy. Routledge, 2019. P. 71–93.
38. Hart K. Informal income opportunities and urban employment in Ghana // The journal of modern African studies. 1973. v. 11. № 1. P. 61–89.
39. Ivanov S.A. Chinese Peasants and Chinese Agrarian Capitalism: Simulacra of Agriculture in the Russian Far East // Russian and Chinese Studies. 2022. v.6. № 4. P. 241–254.
40. Pahl, R.E., Wallace C. D. Household work strategies in an economic recession // Beyond employment: household, gender and subsistence. Wiley-Blackwell, 1985. P. 182–227.
41. Pahl R. E. Some remarks on informal work, social polarization and the social structure // International Journal of Urban and Regional Research. 1988. V. 12. № 2. P. 247–267.
42. Portes, A. "The Informal Economy" in Exploring the Underground Economy. Susan Pozo, ed. Michigan: W.E. Upjohn Institute for Employment Research, 1996. Ch.7. P. 147–165.
43. Roberts B. Informal economy and family strategies, 1994.
44. Ryzhova N., Ivanov S. Post-Soviet agrarian transformations in the Russian Far East. Does china matter? // Eurasian Geography and Economics, 2022. P. 1–27.
45. Sedova N. Informal Economy in the Theory to the Russian Practice // Social Studies and Contemporary. 2002. № 3. P. 49–58.
46. Tsing A. L. The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins. Princeton University Press, 2015. 352 p.
47. Wang C. Introduction: The "material turn" in migration studies // Modern Languages Open. 2016. P. 1–11.

References

1. Avdashkin A. A. The "Chinese market" in the space of Russian city (the case of Chelyabinsk) // Vestnik of Archaeology, Anthropology and Ethnography, 2020. № .2(49). P. 147–156. (In Russ.).
2. Avdashkin A. A. "Chinese" greenhouses in rural space of Russian region (the case of Chelyabinsk region) // Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography, 2021. № .1(52). P. 179–187. (In Russ.).
3. Alpatov A. A. Land reform in New Russia. Moscow: ACDI Ekonomika i Zhizn, 2005. 336 p. (In Russ.).
4. Blyakher L. E. Society Beyond Statistics // World of Russia, 2017. v. 26. № .2. P. 188–193. (In Russ.).
5. Gabdrakhmanov O. F. Network economy: features and types of informal economic networks in services // University Herald, 2017. № 3. P. 42–47. (In Russ.).
6. Grigorichev K. B. "They are, but they are not": "Chinese" greenhouses in the space of suburbs // Ethnographic Review, 2016. № 4. P. 137–153. (In Russ.).
7. Grigorichev K. B. "Semi-urban Farmers" and "Chinese Gardeners": Post-Kolkhoz Rent in the Informal Economy of the Suburbs // Siberian Historical Studies, 2017. № 1. P. 119–137. (In Russ.).
8. Grigorichev K. B. "Wrong" Chinese and the "invaded" city: contestation of urban space as the development of practices of interaction with the other // Journal of Social Policy Research, 2020. v. 18. № 4. P. 593–608. (In Russ.).
9. De Soto H. The other path. The invisible revolution in the Third World. Translation by B. Pinsker. Moscow: Catallaxy, 1995. 215 p. (In Russ.).

10. Dimke D.V. Summer labor school camps of the early 1960s as enclaves of Soviet idealism // *Vestnik of Perm University. Series: History*, 2013. № 2 (22). P. 138–147. (In Russ.).
11. Dyatlov V.I., Grigorichev K.V. Editors' introduction // *Ethnic markets in Russia: bargaining space and meeting place* / ed. by V.I. Dyatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2015. P. 7–10. (In Russ.).
12. Dyatlov V. I. Cross-border Migrants in the Urban Space of Siberia // *Identification Strategies of Diaspora and Compatriot Groups in Russian Regions*. Moscow: New Chronograph, 2016. P. 161–187. (In Russ.).
13. Zagrebnoy, E. The economic organisation of Chinese migration to the Russian Far East after the collapse of the USSR // *Prognosis: Journal for the Future*, 2007. № 1. P. 252–277. (In Russ.).
14. Zuenko I.Yu. Chinese presence in the agriculture of the Far East: some aspects of the problem // *Izvestia of the Oriental Institute*, 2015. № 2(26). P. 51–59. (In Russ.).
15. Zuenko I. Yu., Sonin V. V. Legal constraints and informal land-use practices of Chinese farmers in the Russian Far East // *Law Enforcement*, 2017. T.1. № 1. P. 57–65. (In Russ.).
16. Kalugina Z.I., Fadeeva O. P. "Hard luck story" of abandoned villages (sociological essay) // *Region: Economics and sociology*, 2006. № 3. P. 79–96. (In Russ.).
17. Quotas 2014 – Governor: There will be no quota for foreign labour for agriculture in the Irkutsk region in 2014 // Irkutsk region. Official Portal. 07.02.2014. URL: <https://irkobl.ru/news/archiv/60535/>. (accessed 13.07.2023); (In Russ.).
18. Makeeva S.B. The labor force from China in the labor market of the Irkutsk region: the experience of socio-economic analysis // *Strategy of sustainable development of Russian regions*, 2011. № 7. P. 82–86. (In Russ.).
19. Mikhel E.A. Intensification of social and labor mobility of the population of border regions // *Regional Economy: Theory and Practice*, 2011. № 45. P. 16–21. (In Russ.).
20. Muratshina K. G. Humanitarian and ecological risks of using migrant labour in agriculture in Russia (by the example of cooperation with China) // *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*, 2015. № 8. P. 172–182. (In Russ.).
21. Nikolsky S.A. *The Agrarian Question in Russia in the Twentieth Century. History, modern state, strategies of solution*. Second edition. Moscow: URSS, 2012.
22. Portes A. Informal Economy and its Paradoxes // *Economic Sociology*, 2003. v. 4. № 5. P. 34–53. (In Russ.).
23. Ryzhova N.P. Land and Power: Differences in Approaches to the Study of Property (The Case of Informal Land Use by Chinese Farmers) // *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2014. v. 17. № 5. P. 7–35. (In Russ.).
24. Timoshkin D.O. O. "The new yellow threat": Chinese tourism in the discourse of Russian media // *Russia and China: Challenges of globalization, prospects for cooperation in the Siberian and Far East space*, 2018. P. 54–61. (In Russ.).
25. Uzun V.Ya. Consequences of institutional reforms in the agroindustrial complex of Russia: changes in the agrarian structure and the behavior of agricultural producers // *Nikonov Readings*, 2006. № 11. P. 18–24. (In Russ.).
26. Fadeeva O.P. Informal Employment in Siberian Village // *Economic Sociology*, 2001. v. 2. № 2. P. 61–93. (In Russ.).
27. Fadeeva O.P. P. The land issue in the countryside: will the "moment of truth" come? // *Economic Sociology*, 2009. v.10. № 5. P. 50–71. (In Russ.).
28. Chugunov D. *City Boy on Potatoes* // *Kolkhoz Archipelago*. Moscow: Izdatelstvo Istoki, 2017. P. 156–159. (In Russ.).
29. Ergeshbaev U.J. Modern Labour Migration of the Population of Central Asia to Russia // *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Ser. Economy. Informatics*, 2009. v.10-1, № 7 (62). P. 74–81. (In Russ.).
30. Barsukova S. Shadow Labor Market: Problems of Legalization // *Studies on Russian Economic Development*, 2003. v. 14. № 1. P. 85–93.
31. DeLanda M. *A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity*. Bloomsbury Publishing, 2019.
32. DeLanda M. *Assemblage theory*. Edinburgh University Press, 2016.
33. Gerry C. Petty production and capitalist production in Dakar: the crisis of the self-employed // *World development*, 1978. v. 6. № 9–10. P. 1147–1160.
34. Gershuny J. *After industrial society? The emerging self-service society*. London: Macmillan, 1978.
35. Ghoddousi P., Page S. Using ethnography and assemblage theory in political geography // *Geography Compass*, 2020. v. 14. № 10. P. 1–13.
36. Grigorichev K., Koreshkova I. 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs // *Inner Asia*, 2022. v. 24. № 1. P. 31–52.
37. Grossman G. *The "Second economy" of the USSR* // *The Soviet Economy*. Routledge, 2019. P. 71–93.
38. Hart K. Informal income opportunities and urban employment in Ghana // *The journal of modern African studies*, 1973. v. 11. № 1. P. 61–89.

39. Ivanov S.A. Chinese Peasants and Chinese Agrarian Capitalism: Simulacra of Agriculture in the Russian Far East // *Russian and Chinese Studies*, 2022. v.6. № 4. P. 241–254.
40. Pahl, R.E., Wallace C. D. Household work strategies in an economic recession // *Beyond employment: household, gender and subsistence*. Wiley-Blackwell, 1985. P. 182–227.
41. Pahl R. E. Some remarks on informal work, social polarization and the social structure // *International Journal of Urban and Regional Research*, 1988. v. 12. № 2. P. 247–267.
42. Portes, A. "The Informal Economy" in *Exploring the Underground Economy*. Susan Pozo, ed. Michigan: W.E. Upjohn Institute for Employment Research, 1996. Ch. 7. P. 147–165.
43. Roberts B. *Informal economy and family strategies*, 1994.
44. Ryzhova N., Ivanov S. Post-Soviet agrarian transformations in the Russian Far East. Does china matter? // *Eurasian Geography and Economics*, 2022. P. 1–27.
45. Sedova N. Informal Economy in the Theory to the Russian Practice // *Social Studies and Contemporary*, 2002. № 3. P. 49–58.
46. Tsing A. L. *The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins*. Princeton University Press, 2015. 352 p.
47. Wang C. Introduction: The "material turn" in migration studies // *Modern Languages Open*, 2016. P. 1–11.

Информация об авторах

Юлия Олеговна Корешкова, аспирант Университета Палацкого, г. Оломоуц, Чехия, e-mail: yuliakodzhaeva@yandex.ru

Information about the authors

Iuliia O. Koreshkova, Postgraduate Student, Palacky University, Olomouc, Czech Republic, e-mail: yuliakodzhaeva@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.06.2023

Одобрена после рецензирования 17.08.2022

Принята к публикации 24.08.2023

Received 30.06.2023

Approved 17.08.2022

Accepted 24.08.2023

"Они сажали алюминиевые огурцы на брезентовых полях": мигранты из Средней Азии и КНР в сельских районах Урала

Авдашкин Андрей Александрович
Южно-Уральский государственный университет, Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия, adrianmaricka@mail.ru
Фаткулина Ильмира Ильфатовна
Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия, fatkulina.2000@inbox.ru

Аннотация. В статье на основе полевых материалов авторов, собранных в 2019–2023 гг. на территории Челябинской и Свердловской областей, а также публикаций медиа-ресурсов рассматривается дискурс об отторжении "другими" пространства в сельских районах Урала. Территориальные рамки обусловлены тем, что именно в этих двух регионах размещалось основное количество тепличных комплексов, маркированных как китайские. Ключевой исследовательский вопрос состоит в следующем: как происходит формирование представлений о сельских локациях, отторгнутых у "местных" мигрантами из КНР и Средней Азии. Опасения, связанные с образованием мигрантских анклавов в крупных российских городах, не нашли убедительного подтверждения. Однако потенциальная возможность образования подобных объектов в сельской местности вызывает значительное беспокойство общественности. Несмотря на то, что в теплицах уже практически не встречаются китайцы, представления об их "китайскости" наполняются все новым содержанием. Китайская теплица представляется сосредоточением мигрантскости, чуждых принимающей стороне архаичных практик, направленных на "захват" пространства "другими", нанесение ущерба "нам". В этом смысле теплица как хозяйственный объект и совокупность социальных отношений маркируются прежде всего этническими категориями – в данном случае "китайскостью" – даже в тех случаях, когда заметную часть рабочих составляют вовсе не китайцы, а мигранты из Средней Азии или местные жители.

Ключевые слова: миграция, мигранты, китайские теплицы, ксенофобия, Урал

Для цитирования: Авдашкин А. А., Фаткулина И. И. "Они сажали алюминиевые огурцы на брезентовых полях": мигранты из Средней Азии и КНР в сельских районах Урала // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 63–72. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/63-72>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/63-72>

"They Planted Aluminum Cucumbers in Tarpaulin Fields": Migrants from Central Asia and China in Rural Urals

Andrey A. Avdashkin
South Ural State University, Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia, adrianmaricka@mail.ru
Ilmira I. Fatkulina
Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia, fatkulina.2000@inbox.ru

Abstract. In the article based on the author's field materials collected in 2019–2022, on the territory of the Chelyabinsk and Sverdlovsk regions, as well as publications of media resources, the discourse about the rejection of space in rural areas of the Urals by "others" is considered. The territorial framework is due to the fact that it was in these two regions that the main number of greenhouse complexes labeled as Chinese were located. The key research question is the following: how is the formation of ideas about rural locations, torn away from the "local" migrants from China and Central Asia. Fears related to the formation of migrant enclaves in large Russian cities have not been convincingly confirmed. However, the potential for the formation of such facilities in rural areas is of considerable concern to the public. Despite the fact that there are practically no Chinese in greenhouses, the idea of their "Chineseness" is filled with new content. The Chinese greenhouse seems to be a concentration of migrants, archaic practices alien to the receiving side, aimed at "capturing" space by "others", causing damage to "us". In this sense, greenhouses as an economic object and a set of social relations are marked, first of all, by ethnic categories – in this case, "Chineseness" – even in cases where a significant part of the workers are not Chinese at all, but migrants from Central Asia or local residents.

Key words: migration, migrants, Chinese greenhouses, xenophobia, Ural

For citation: Avdashkin A. A., Fatkulina I. I. "They Planted Aluminum Cucumbers in Tarpaulin Fields": Migrants from Central Asia and China in Rural Urals // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 63–72. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/63-72>

Постановка проблемы

Данный материал подготовлен с целью осмыслить значительный массив интервью и полевых наблюдений, собранных авторами за несколько лет работы в сельских районах Челябинской и Свердловской области, а также пригородах Челябинска и Екатеринбурга. Изначально исследовательская стратегия предполагала активную работу не с иноэтничными мигрантами, что могло бы открыть особенности восприятия "китайских" теплиц. Однако

летом 2021 г. во время одной из поездок на пригородном автобусе внимание привлекли кампании мужчин мигрантов. Возникли естественные вопросы: кто они, куда едут, почему за город? После продолжительных интервью и бесед с этими мигрантами появилась возможность более плотно проникнуть в исследовательское поле, расположенное "по другую сторону". Это позволило существенно расширить источниковую базу и лучше понять, что делают мигранты из Китая и Средней Азии в сельских районах Урала.

Пандемия COVID-19 способствовала повсеместному росту социальной и политической напряженности, а также определенной перефокусировке этнофобий, распространенных в российском обществе. За последние несколько лет мы стали свидетелями того, как заметно увеличилась роль конфликтогенных факторов в крупных городах, таких как Москва, Екатеринбург и др. Трансформация практик мобильности сказалась и на сельской местности, пока не став объектом рефлексии и пристального внимания. На фоне локдаунов и карантинных ограничений, введенных в 2020–2021 г. дачи и загородные дома играли роль важного пристанища для многих семей [6]. Заметно возрос интерес россиян к приусадебным участкам, выращиванию на них овощей и облагораживанию этих пространств. Наряду с этим выяснилось, что и за городом есть высокая вероятность не только встретить мигранта, но и вступить с ним во взаимодействие, в том числе в формате наемного труда. Участие китайских мигрантов, впрочем, мигрантов в целом в сельскохозяйственном секторе российских регионов вызывает настоятельные реакции со стороны населения. В этих условиях востребованы научные оценки тех эффектов, которые вызваны присутствием и (или) отсутствием китайцев на селе, реальным или мнимым воздействием мигрантов на положение в сельских районах Урала.

Внимание автора сосредоточено на двух крупных сельскохозяйственных регионах УрФО: Челябинской и Свердловской области. На их территории размещалась основная масса китайских тепличных комплексов для выращивания овощей. Основная исследовательская проблема рукописи состоит в следующем: как происходит формирование представлений о сельских локациях, отторгнутых у "местных" мигрантами из КНР и Средней Азии. Судя по всему, опасения, связанные с образованием мигрантских анклавов в крупных российских городах, пока не нашли под собой достаточно убедительных подтверждений. Однако потенциальная возможность образования подобных объектов, мест концентрации иноэтничных мигрантов в сельской местности вызывает значительное беспокойство жителей и представителей органов власти.

Несмотря на то, что в теплицах уже практически не встречаются китайцы, представления об их "китайскости" оказались очень устойчивыми, они наполняются все новым содержанием, подвергаются определенным переоценкам и переосмыслению. "Китайская" теплица воспринимается как сосредоточение мигрантскости, воплощение чуждых для принимающей стороны и архаичных практик, направленных на "захват" пространства "другими", нанесение ущерба "нам". В этом смысле теплицы как хозяйственный объект и совокупность социальных отношений маркируются прежде всего этническими категориями – в данном случае "китайскостью" – даже в тех случаях, когда заметную часть рабочих составляют вовсе не китайцы, а мигранты из Средней Азии или жители окрестных деревень.

Материалы и методы

Основу источниковой базы статьи составили материалы включенного наблюдения, глубинные и экспресс-интервью, собранные в Челябинской и Свердловской областях в 2019–2023 гг. Анализ этих источников позволяет проследить биографические траектории мигрантов, понять, как и насколько часто они перемещаются между "городом" и "селом", совмещают ли они иные виды занятости, не связанные с работой в теплицах. Следующий значительный пласт интервью характеризует мнение "не мигрантов" относительно "вторжения других".

В 2021 г. собрано 49 глубинных интервью с жителями Челябинской области (Челябинск, Магнитогорск, Миасс, Коркино, Красноармейский, Сосновский, Кунашакский, Аргаяшский и Еткульский районы) и 43 с мигрантами из государств Средней Азии и КНР. Имена всех информантов изменены по их просьбе. В Свердловской области материал собирался преимущественно ле-

том 2022 г. (Красноуфимский, Алапаевский, Богдановичский, Байкаловский, Сысертский и Талицкий районы). Автором интервьюировались мигранты, занятые в сельском хозяйстве, принимавшие участие в сезонных строительных работах на территориях дачных товариществ, коттеджных поселков и др. Всего собрано 15 глубинных и 24 экспресс интервью. Выборка объектов для наблюдения и установления контактов с информантами включала: теплицы для выращивания овощей, садовые товарищества, населенные пункты в изучаемых районах, сельские магазины и т.д. Весной 2023 г. усилиями Э. Фаткулиной прошла еще одна серия полевых исследований среди работников тепличных комплексов в Аргаяшском районе Челябинской области. Собрано 15 экспресс-интервью, содержание которых позволило проследить мотивацию работников и внутреннюю обстановку в тепличных комплексах.

Дополнить картину, сложившуюся в ходе полевых исследований, позволяют документы Объединенного архива Челябинской области. Это фонды Главного управления по взаимодействию с правоохранительными и военными органами Челябинской области (ОГАЧО.Ф. Р-1879)¹ и Комитета по внешним связям и внешнеэкономической деятельности (ОГАЧО. Ф. Р-1404). Материалы, отложившиеся в этих фондах, позволили авторам почерпнуть официальную статистику по привлечению граждан КНР в сельскохозяйственный сектор области, выявить основные районы, где работали китайцы, увидеть позицию региональных органов власти по вопросу трудовой миграции в сельские районы.

Теоретико-методологические рамки рукописи составила теория мобильности [12]. Ее применение позволяет сфокусировать наше внимание на том, что появление "мигрантских" или "китайских" локаций, мест концентрации китайских мигрантов, в том числе в сельской местности происходит в рамках сложных и вариативных сценариев, поиска максимально выгодных ниш и динамичной смены видов деятельности. Как показывает ряд работ, посвященных поведению китайских мигрантов в принимающем обществе, они очень мобильны. Находясь в постоянном движении и меняя сферы занятости, они образуют группу преимущественно временных мигрантов [5; 8; 10]. Опыт последних трех десятилетий показывает, что места их концентрации связаны с появлением и изменением товарных потоков, возможностей быстрого извлечения прибыли из инвестиций в выращивание овощей и движением туристических групп.

Алгоритм выбора районов для проведения полевых исследований выглядел следующим образом: 1) определение основных локаций, районов и поселений, в окрестностях которых расположены тепличные комплексы на основе анализа тематических сюжетов в СМИ; 2) проведение включенного наблюдения с целью отбора случаев для полевых исследований, обнаружения теплиц и строительных объектов, пригодных для "проникновения в поле"; 3) сбор интервью в выявленных локациях.

Мигранты – в городе, а как на селе?

Большинство исследований, посвященных российской миграционной проблематике, выполнены на городском материале. Лишь относительно недавно тематика, связанная с влиянием миграции на сельские локации, заняла свое место в литературе [2; 4; 11; 13]. Во многом это вызвано тем, что научные коллективы банально не доезжают до мест концентрации мигрантов на селе. Намного сложнее выглядит вхождение в такое непростое исследовательское поле, сказывается языковой барьер, работу затрудняет высокая степень мобильности самих мигрантов. Рынок, маркируемый нами как "этнический", зачастую никуда не уедет, он более стабилен в пространстве и в плане организации социальных связей внутри и вовне. Этого нельзя сказать о простых и недорогих конструкциях из жердей и пленки, которые монтировались столь же быстро как и исчезали. Нельзя забывать, что низкая плотность повседневных контактов, невысокая частота посещения этих "отторгнутых" локаций местными жителями – за исключением репортеров и сотрудников правоохранительных органов – усиливает восприятие деятельности мигрантов на селе в алармистском ключе.

¹ ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области

"Другие" и уральское село

По воспоминаниям старожиллов населенных пунктов, где проводились полевые исследования, первые "китайские" теплицы начали появляться еще в 1990-е гг., но тогда китайцев встречали очень радушно, поскольку они служили хоть и небольшой, но все же гарантией того, что земли не запустеют, а урожай будет собран. Один из первых ярко выраженных ксенофобских нарративов, связанный с присутствием "других", встречен в южных районах Челябинской области. Авторы не утверждают, что аналогичных случаев не было в других частях Урала. Просто данный кейс реконструировался с помощью старожиллов, заставших то время. В местной газете найдена красноречивая карикатура с изображением "корейца-хапуги", символически загребаящего урожай и часть "нашей" земли ("...а как их воспринимать было? В стране черт знает что творилось. Мужики пили, хозяйства рушились. А тут приезжали то китайцы, то корейцы") (**ПМА, Информант 4. Из архива авторов**).

Приезд бригад корейских рабочих из Казахстана и Узбекистана вызвал определенное негодование местных жителей. Несмотря на исключительное трудолюбие и неприхотливость корейцев, прекрасное владение русским языком и высокую урожайность, которой добились хозяйства, корейских овощеводов воспринимали как "чужих", "других", вторгшихся на "нашу" территорию. Архивные документы, к сожалению, не содержат ежегодных статистических данных о количестве иностранных граждан, занятых на сельскохозяйственных работах. Статистический след, который удалось обнаружить, пусть и дает несколько фрагментарную картину, но позволяет при этом говорить о динамике и основных сельских территориях, куда привлекались мигранты.

Одним из основных факторов развития китайских теплиц в документах УФСБ по Челябинской области назван запрет на торговую деятельность иностранных граждан в 2007 г. Так на 187 рынках области (69 в областном центре) по официальным данным осуществляли торговую деятельность 4316 иностранных граждан. Из них граждан КНР – 1290, Таджикистана – 1011, Узбекистана – 729, Казахстана – 537, Кыргызстана – 393, Азербайджана – 166, Армении – 103, Вьетнама – 87 (**ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 46. Л. 192**). Основными местами их концентрации являлись "Китайский рынок", "Восточный город" и "Каширинский рынок" в Челябинске. По оперативным данным многие китайские предприниматели переориентировали свой бизнес на аренду сельскохозяйственных угодий (**ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 101–102**). Это частично подтвердили и результаты полевых исследований, в особенности с китайскими мигрантами.

В общей сложности в 2010 г. разрешения на работу в хозяйствах области получили 1467 китайских граждан, но реальная их численность оценивалась выше и по оперативным данным министерства сельского хозяйства Челябинской области доходила до 1985 (**ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 29**). Высока вероятность того, что и эти данные не отражали реальной картины. В документах совещаний по проблеме миграции регулярно подчеркивалось, что ситуация с привлечением китайских граждан в аграрный сектор требует постоянного контроля и проверок пребывания иностранцев, применения ими удобрений, организации полива, соблюдения санитарных норм проживания и организации питания (**ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 29–30**).

Это частично подтверждается впечатлениями информантов от работы в тепличных комплексах в последние годы. Многие теплицы пребывают в заброшенном в состоянии, а вокруг них царит беспорядок и пугающая антисанитария. Однако в самих теплицах всегда чисто, происходит регулярная прополка, поэтому сорняки не успевают вырасти. "Все аккуратно и красиво растет, огурцы растут в два ряда, между ними есть проход, каждый росток огурца висит на специальной прищепке, такая же ситуация и с помидорами" (**ПМА, Информант 52. Из архива авторов**).

По данным Роспотребнадзора все сельскохозяйственные предприятия, привлекавшие китайских граждан для выращивания овощей, допускали грубые нарушения: продукция реализовывалась без проведения лабораторных тестов, отсутствовала маркировка, не соблюдались правила хранения и внесения удобрений. Кроме того, большинство иностранных граждан не проходили при трудоустройстве медицинскую комиссию. В общей сложности из 135 проб почвы (73 пробы) и овощей (62 пробы), взятых на экспертизу в мае-июне

Табл. 1. Официальные данные о численности граждан КНР, привлеченных хозяйствами Челябинской области в 1998 и 2010 гг.

Table 1. Official data on the number of Chinese citizens attracted by farms in the Chelyabinsk region in 1998 and 2010.

Территории	1998 г.	2010 г.
Челябинск	Нет данных	456
Магнитогорск	40	Нет данных
Красноармейский р-он	101	327
Аргаяшский р-он	66	235
Сосновский	149	92
Анаповский р-он	115	84
Копейск	Нет данных	28
Саткинский р-он	Нет данных	27
Каслинский р-он	Нет данных	23
Верхнеуральский	59	50
Миасс	35	12
Чебаркульский р-он	Нет данных	10
Еткульский р-он	54	Нет данных

Источник: составлено авторами на основе: (ОГАЧО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 28. Л. 6; Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 19–20).

Source: compiled by the authors based on: (OGACHO. F. R-1404. Op. 1. D. 28. L. 6; F. R-1879. Op. 1. D. 85. L. 19–20).

2009 г., 2 пробы готовой продукции не соответствовали требованиям по содержанию мышьяка и нитратов, а в 46 пробах почвы фиксировалось повышенное содержание свинца и мышьяка (ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 73).

В мае-июне 2010 г. в Еткульском районе прошли проверки сельскохозяйственных предприятий, привлекающих для работы в полях иностранных граждан (ООО "Беркана", "Экология", "Макао", "Анита", "Кампания заморского строительства"). В результате проведения профилактических мероприятий выявили 76 граждан КНР, находившихся на территории района с нарушениями миграционного законодательства (ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 20). Ряд проверок, проведенных УФСБ Челябинской и Свердловской области, позволил выявить канал прибытия граждан КНР на работу с использованием недействительных приглашений на работу, в них подделывались имена и фамилии. Только в апреле-мае 2010 г. по этой причине судом Екатеринбурга принято решение о выдворении 15 китайских граждан (ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 26). В 2011 г. УФМС выявлено в общей сложности 711 нарушений миграционного законодательства, совершенных гражданами КНР (ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 107. Л. 118).

Факт существования многочисленных тепличных комплексов для выращивания овощей вызывал немалые тревоги со стороны селян и представителей власти. В адрес китайских овощеводов раздавались многочисленные обвинения в нарушении законов РФ, бесконтрольном применении удобрений и ядохимикатов, незаконном использовании водоемов для полива и др. Теплицы, служившие не только хозяйственными объектами, но и общежитиями, воспринимались как территория "архаики", "дикости", "тесноты" и "антисанитарии" (ПМА). Однако незадолго до начала пандемии COVID-19 большинство из них исчезло столь же быстро как и возникло.

Дополнительным фактором, повышавшим градус алармистской риторики вокруг теплиц, служила деятельность т.н. перекупщиков. Изученные архивные документы и материалы полевых исследований позволяют говорить, что зачастую эту роль играли выходцы из Таджикистана и Азербайджана. В целом кампании, привлекавшие труд китайских овощеводов, часто попадали в сферу интересов надзорных органов в связи с фактами недобросовестной конкуренции. Собранный урожай скупался фактически за бесценок, нередко с применением различных методов "физического и психологического давления" (это со слов некоторых информантов), а потом реализовывался населению по рыночной цене (ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 103), происходили многочисленные нападения на тепличные хозяйства и отъем выручки [9]. Как на условиях анонимности показали информанты, склонение под "криминальную крышу и грабежи" являлись обыденной стороной тепличного бизнеса.

Немногочисленные объекты, ранее маркированные как "китайские" теплицы, теперь постепенно утрачивают этот имидж. Они в представлениях местного населения являются примером отторгнутых/утраченных локаций. Судя по изученным медиа сюжетам и собранным полевым данным, "пик" деятельности "китайских теплиц", если можно так выразиться, приходился на 2010–2014 гг. По данным полпреда президента в УрФО, в 2018 г. такие хозяйства давали порядка 90 тыс. тонн урожая, что составляло половину всей овощной продукции, выращиваемой в закрытом грунте на территории федерального округа. Наибольший размах тепличные комплексы получили на территории Челябинской и Свердловской областей [3]. По данным, которыми располагал на 2015 г. Россельхознадзор Свердловской области, до половины всех овощей выращивали мигранты [7].

Так, только в Свердловской области на фоне введенных карантинных ограничений в 2020 г. пустовало свыше сотни гектаров земельных угодий, которые обычно были заняты парниками [3]. Некоторые функционирующие теплицы удалось обнаружить в Челябинской области, но масштабы их деятельности, разумеется, не шли ни в какое сравнение с "великими стенами теплиц", которые раскидывались несколькими годами ранее.

После этого момента напоминанием об активной китайизации села служили разве что брошенные бесхозными каркасы теплиц, большие залежи полиэтиленовой пленки, мешки с иероглифичными надписями, наполненные химикатами. Эта неприглядная для внешнего наблюдателя картина вполне вписывалась не только в широко распространенные представления о варварстве, дикости, грабительском характере капитализма как основной формы хозяйственных отношений. Этими же характеристиками, словно по умолчанию, наделялись российско-китайские отношения, сквозь эту оптику рассматривалось типичное или даже нормальное поведение мигрантов. Как отметил один из наших информантов: "Россия большая. В одном месте напакостили – найдут другое, чиновники помогут". Иными словами, большинство нарративов содержали отсылки к мыслям о "безнадеге в российской глубинке" (ПМА, Информант 16. Из архива авторов).

Вот несколько примеров. В феврале 2022 г. один из жителей Красноармейского района Челябинской области опубликовал в группе Вконтакте "А.Л. Текслер, ПОМОГИ!!!" запись о том, как "...толпы китайцев в цыганских самостроях отравляют почву и воду". Материалы интервью содержат аналогичные отсылки, в которых маркеры этничности служат аргументами, подтверждающими архаичность хозяйственных практик "других", усиливают негативное впечатление о поведении этих самых "других". Отдельный сюжет, который удалось уловить в интервью, посвящен сравнению уральского села и хлопковых полей в Узбекистане. Некоторые отсылки содержали идею о том, что "эти узбеки там у себя высушили Аральское море, пока растили хлопок. Теперь за наши поля примутся".

Мобильность мигрантов: "сегодня рынок, завтра – теплица, послезавтра – кладем асфальт"

Интервью, собранные среди мигрантов, работавших в тепличных комплексах, показали, что для большинства из них овощевод всего лишь "временная подработка". Как правило, наши информанты работают сменами,

чередую занятость на дорожных работах и торговлю. Иными словами, мигранты мобильны, находятся в постоянном движении, что позволяет им давать эффективные ответы на динамичные изменения внешней среды, вызванные сначала пандемией COVID-19, а затем действием экономических санкций. Большая часть опрошенных постоянно проживала в пригороде Челябинска, Копейска или Екатеринбурга, возвращаясь на тепличные грядки около 2–3 раз в неделю. В большинстве случаев поля взяты в аренду "китайским предпринимателем", работают разными сменами с расчетом не пересекаться мигрантам из Средней Азии и (или) жителям окрестных деревень.

Вот что нам рассказал Икром: "Да, почти так. У меня торговая точка на рынке. Когда меня нет, работают младшие сыновья и дочери. Один или два раза в неделю собираю "своих" и едем работать за город на день-два". Нанимаю, контролирую работу, хозяин у нас китаец. Думаю, так почти везде" **(ПМА, Информант 9. Из архива авторов)**. Действительно, реальными владельцами участков зачастую являлись местные предприниматели, сдающие угоды в аренду [1]. Для многих местных жителей эта работа является местом постоянного заработка. Если говорить о контингенте, который там работает, это люди разных национальностей, можно сказать, это является местом встречи разных культур. Основную массу работников составляют китайцы и таджики. Наблюдения, сделанные информантами внутри теплиц, подтвердили наши предположения, что многие таджики ездят из Челябинска для подработки в "китайской теплице".

Анализ собранных интервью показал мотивы движения мигрантов на село. Во-первых, заметное сжатие экономики в городском секторе и возросшая конкуренция на рынке труда вынудили наших информантов искать какие-то подработки в пригородах и на селе ("поля, дачи, строительство и др."). Во-вторых, в 2020–2022 гг. сложился специфический сектор пригородной экономики, построенный на сезонном движении городских жителей за город, большем внимании огородам и личным подсобным хозяйствам ("вырастить картошку на случай кризиса"). В-третьих, городская среда воспринимается как загрязненная. Мы наблюдали, как относительно преуспевшие мигранты (т.е. обзаведшиеся своим жильем) ставили перед собой еще одну задачу: выезд за город, приобретение или аренда земельного участка и (или) дома. Незначительное увеличение таких арендаторов и дачников крайне болезненно воспринималось местными. Как отметил один из наших информантов, увидев таджикскую семью на колонке с водой: "...мы в платках женщин тут никогда не видели, вот и сюда добрались похоже" **(ПМА, Информант 16. Из архива авторов)**.

Кроме того, значительную часть рабочих в теплицах составляли не мигранты, а местные жители, для которых теплицы стали удобным вариантом "подработки на лето". Иными словами, трудовые коллективы в основе своей мигрантские, но не "китайские". Китайцев мы практически не встречали. Исключение, видимо, составлял менеджмент и владельцы бизнеса. Обозначение наблюдаемых нами объектов как "китайских" скорее адресовало к типу социальных отношений вокруг них, архаике, бытовой неустроенности, высокой степени самоэксплуатации ("...кто как не китайцы будут так работать?") **(ПМА, Информант 2. Из архива авторов)**. В этом смысле мы видим, как этнические маркеры используют для обозначения социальных процессов и явлений, их словно этнизируют, чтобы вписать в понятную и уже сложившуюся картину стереотипов.

Сельские жители отзываются о данном виде заработка весьма положительно, говоря "было интересно понаблюдать, что да как там происходит", "я выбрала эту работу, потому что считала, что можно хорошо заработать за день. И не надо ждать целый месяц, чтобы получить зарплату" **(ПМА, Информант 47, Информант 48. Из архива авторов)**. В основном информанты отмечали, что построить общение с китайцами (зачастую они занимались менеджментом) было несложно, легко. "Да, легко, они добрые, готовы помочь, вежливые, очень приятно было, когда я чихнула и мне сказали "бударова", да именно так". Китайцы активно помогают и объясняют непонятные моменты, а также проявляют знаки доброты и заботы: "мы работали в жаркий знойный день, духота в теплицах стояла нереальная, некоторые из нас не взяли с со-

бой воду, к счастью, китаец Иван принес нам воду в трехлитровой бутылке" **(ПМА, Информант 50. Из архива авторов).**

В описаниях информантов можно проследить различие между китайцами и таджиками. Китайские работники характеризуются как трудолюбивые и вежливые, а вот таджики "пытаются неприятно заигрывать, матерщинники, чью речь слушать было просто неприятно". Но в то же время, несмотря на это, один из информантов отметил, что таджики готовы помочь, если помощь требуется, например, перенести тяжелое ведро.

Одной из интересных граней данного проекта, выявленных на заключительном этапе сбора полевых материалов, стала фобия местных жителей стать меньшинством, в том числе на селе. Подавляющее большинство информантов достаточно четко выразило мысль о том, что частичная мобилизация, в случае ее проведения, может привести к резкому и значительному сокращению численности мужчин на селе, а так же в малых городах и поселках. Потенциальный дефицит рабочей силы и "демографический вакуум" придется заполнить посредством более интенсивного привлечения мигрантов из Средней Азии, что, по мнению информантов, неизбежно приведет к росту социальной напряженности. Возникнут более осязаемые перспективы захвата "другими" целых сфер деятельности, в частности сельского хозяйства. Как отметил один из наших информантов: "А кто работать будет, когда всех мужиков мобилизуют. Село опустеет, останутся один старики, бабы и дети". Множество опасений высказывалось по поводу самой возможности смещения этнодемографического баланса т.е. перспектив увеличения численности мужчин мигрантов со всеми вытекающими для принимающей стороны последствиями. На момент завершения нашего исследования частичная мобилизация только начиналась, поэтому оценить ее влияние на поднятую проблему пока сложно.

Заключение

Проведенный обзор, конечно, не позволяет ответить на все сложные вопросы, связанные с постепенным проникновением "других" в сельские поселения и на поля. В представленной статье показана, с одной стороны, некоторая инерционность восприятия мигрантской тематики, поскольку теплицы до сих пор маркируются в качестве "китайских", а с другой – мы наблюдаем, как арсенал этих маркеров расширяется ("азиаты", "все на одно лицо", "цыганский самострой"). Объекты, которые поначалу воспринимались как "китайские" со всеми вытекающими коннотациями, теперь приобретают более широкий функционал в категоризации "других" и социальных процессов в пригородах. Важно отметить, что сельские локации встраиваются в практики мобильности мигрантов в пределах город-пригород, областной центр-сельские территории. Подавляющее большинство мигрантов рассматривают тепличные комплексы как один из видов дополнительной занятости в тесной кооперации с китайским менеджментом, с одной стороны, местными жителями – с другой.

Литература

1. Алюминиевые огурцы с брезентовых полей. Как отличить китайские химпродукты от нормальных овощей // 66.ru. 2018. 11 июля. URL: <https://66.ru/health/news/213071/> (дата обращения: 23.10.2022)
2. Григоричев К.В. "Они есть, но их нет": "китайские" теплицы в пространстве пригорода // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 137–153.
3. Исчезновение китайских теплиц не обрушило овощной рынок на Урале // Российская газета. 2020. 17 сентября. URL: <https://rg.ru/2020/09/17/reg-urfo/ischeznovenie-kitajskih-teplic-ne-obrushilo-ovoshchnoj-rynok-na-urale.html> (дата обращения: 23.10.2022)
4. Корешкова Ю.О. Китайские теплицы: эхо советского прошлого (сибирские кейсы) // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 145–162. <https://doi.org/10.31857/S086954150013602-2>
5. Ларин А.Г. Китайская диаспора в России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 65–82.
6. Покровский Н. Е., Макшанчикова А. Ю., Никишин Е. А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54–64. <https://doi.org/10.31857/S013216250010726-1>

7. Сезон пестицидных огурцов открыт. Список нарушений в китайских агрофермах Свердловской области // 66.ru. 2016. 29 марта. URL: <https://66.ru/news/society/183598/> (дата обращения: 23.10.2022)
8. Степанов В.В. Китайцы в России // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 417–436.
9. Граждане Таджикистана осуждены за нападения на китайцев в Челябинске // SPUTNIK Таджикистан. 2019. 7 ноября. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20191107/Tajkistan-osuzhdeny-napadeniya-na-grazhdan-china-Chelyabinsk-1030175977.html> (дата обращения: 23.04.2023).
10. Kalir B. Moving Subjects, Stagnant Paradigms: Can the "Mobility Paradigm" Transcend Methodological Nationalism? // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2013. Vol. 39 (2). P. 311–327. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.723260>
11. Grigorichev K., Koreshkova Iu. 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs // Inner Asia. 2022. Vol. 24. P. 31–52. <https://doi.org/10.1163/22105018-02302016>
12. Hannam K., Sheller M., Urry J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings // Mobilities. 2006. Vol. 1. Iss. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/17450100500489189>
13. Ryzhova N., Ivanov S. Post-Soviet agrarian transformations in the Russian Far East. Does China matter? // Eurasian Geography and Economics. 2022. P. 1–27. <https://doi.org/10.1080/15387216.2022.2064892>.

References

1. Aluminum cucumbers with canvas fields. How to distinguish Chinese chemical products from normal vegetables // 66.ru. 2018. 11 July. URL: <https://66.ru/health/news/213071/> (accessed 10/23/2022) (In Russ.).
2. Grigorichev K.V. "They are, but they are not": "Chinese" greenhouses in the suburbs // Ethnographic review. 2016. № 4. P. 137–153. (In Russ.).
3. The disappearance of Chinese greenhouses did not bring down the vegetable market in the Urals // Rossiyskaya Gazeta. 2020. September 17th. URL: <https://rg.ru/2020/09/17/reg-urfo/ischezno-venie-kitajskih-teplic-ne-obrushilo-ovoshchnoj-rynok-na-urale.html> (accessed 10/23/2022) (In Russ.).
4. Koreshkova Yu.O. Chinese greenhouses: echoes of the Soviet past (Siberian cases) // Ethnographic review. 2021. № 1. P. 145–162. (In Russ.).
5. Larin A.G. Chinese Diaspora in Russia // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2017. V. 10. № 5. P. 65–82. (In Russ.).
6. Pokrovsky N. E., Makshanchikova A. Yu., Nikishin E. A. Reverse migration during the pandemic crisis: Russia's extra-urban spaces as a resource for adaptation // Sociological research. 2020. № 12. P. 54–64. <https://doi.org/10.31857/S013216250010726-1> (In Russ.).
7. The season of pesticide cucumbers is open. List of violations in Chinese agricultural farms in the Sverdlovsk region // 66.ru. 2016. March 29. URL: <https://66.ru/news/society/183598/> (accessed 23.10.2022) (In Russ.).
8. Stepanov V.V. Chinese in Russia // Ethnic and Religious Diversity of Russia / Ed. V.A. Tishkova, V.V. Stepanova. M.: IEA RAN, 2018. P. 417–436. (In Russ.).
9. Tajik citizens convicted of attacks on Chinese in Chelyabinsk // SPUTNIK Tajikistan. 2019. November 7. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20191107/Tajkistan-osuzhdeny-napadeniya-na-grazhdan-china-Chelyabinsk-1030175977.html> (accessed 04/23/2023) (In Russ.).
10. Kalir B. Moving Subjects, Stagnant Paradigms: Can the "Mobility Paradigm" Transcend Methodological Nationalism? // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2013. Vol. 39 (2). P. 311–327. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.723260>
11. Grigorichev K., Koreshkova Iu. 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs // Inner Asia. 2022 Vol. 24. P. 31–52. <https://doi.org/10.1163/22105018-02302016>
12. Hannam K., Sheller M., Urry J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings // Mobilities. 2006. Vol. 1. Iss. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/17450100500489189>
13. Ryzhova N., Ivanov S. Post-Soviet agrarian transformations in the Russian Far East. Does China matter? // Eurasian Geography and Economics. 2022. P. 1–27. <https://doi.org/10.1080/15387216.2022.2064892>

Информация об авторах

Андрей Александрович Авдашкин, канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории миграционных исследований, Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия; доцент кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, e-mail: adrianmaricka@mail.ru

Ильмира Ильфатовна Фаткулина, магистрант Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, e-mail: fatkulina.2000@inbox.ru

Information about the authors

Andrey A. Avdashkin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Migration Studies, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia; Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, e-mail: adrianmaricka@mail.ru

Ilmira I. Fatkulina, Master Student, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, e-mail: fatkulina.2000@inbox.ru

Поступила в редакцию 08.01.2023

Received 08.01.2023

Одобрена после рецензирования 16.08.2022

Approved 16.08.2022

Принята к публикации 24.08.2023

Accepted 24.08.2023

Круглый стол
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/73-84>

Трансграничные регионы Дальнего Востока

Ярослав Александрович Барбенко
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, prohist@ya.ru
Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, Leonid743342@mail.ru
Александр Николаевич Демьяненко
Хабаровск, Россия, e-mail: ad716008@mail.com
Антон Александрович Киреев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, antalkir@yandex.ru
Эльвира Октавьевна Леонтьева
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, elvira.leontyeva@gmail.com
Наталья Васильевна Мишина
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия, mishina@tig.dvo.ru
Вадим Николаевич Украинский
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, ukrainsky@ecrin.ru
Илдус Файзрахманович Ярулин
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, iarulin@mail.ru

Ключевые слова: трансграничность, трансграничные регионы, Дальний Восток России, Северо-Восточный Китай

Для цитирования: Барбенко Я. А., Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Леонтьева Э. О., Мишина Н. В., Украинский В. Н., Ярулин И. Ф. Трансграничные регионы Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 73–84. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/73-84>

Round Table
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/73-84>

Transborder regions of the Far East

Yaroslav A. Barbenko
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, prohist@ya.ru
Leonid E. Blyakher
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, Leonid743342@mail.ru
Alexander N. Demyanenko
Khabarovsk, Russia, ad716008@mail.com
Anton A. Kireev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, antalkir@yandex.ru
Elvira O. Leontyeva
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, elvira.leontyeva@gmail.com
Natalya V. Mishina
Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia, mishina@tig.dvo.ru
Vadim N. Ukrainsky
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, ukrainsky@ecrin.ru
Ildus F. Yaruln
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, iarulin@mail.ru

Key words: transbordermess, transborder regions, Russian Far East, Northeast China

For citation: Barbenko Ya. A., Blyakher L. E., Demyanenko A. N., Kireev A. A., Leontyeva E. O., Mishina N. V., Ukrainskiy V. N., Yaruln I. F. Transborder regions of the Far East // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 73–84. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/73-84>

В конце прошлого 2022 г. был опубликован препринт "Российско-китайское сотрудничество: региональное измерение"¹, а вслед за ним статья "Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Даль-

¹ Демьяненко А.Н., Ярулин И.Ф., Бурик М.В., Клиценко М.В. Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: региональное измерение: препринт научного доклада. М.: Институт Китая и современной Азии. 70 с.

ний Восток России – Северо-Восточный Китай"², в которых была предпринята попытка осмысления российско-китайского сотрудничества в регионе "Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай". По понятным причинам не все заявленные в этих публикациях сюжеты получили должное освещение. В частности, были только намечены вопросы, которые можно подвести под рубрику "Дальний Восток: геополитические вызовы и угрозы"; только обозначенными оказались и вопросы методологии исследования трансграничных регионов; остались не рассмотрены и процессы трансграничной регионализации за пределами региона "Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай" (ДВР-СВК). Поэтому на круглый стол "Трансграничные регионы Дальнего Востока", состоявшийся 19 мая 2023 г. в Тихоокеанском государственном университете (ТОГУ), в работе которого приняли участие исследователи из академических институтов и ВУЗов Хабаровска и Владивостока, и были вынесены упомянутые вопросы.

Демьяненко А.Н.: Если вы позволите, я сделаю небольшое вступление. Что мне представляется важным? Для начала следует определить с тем, что есть Дальний Восток (ДВ): макрорегион, геостратегическая территория или что-то еще? Может быть это – "просто" регион, первого уровня делимитации российских пространств. При этом регион – сложная пространственная система, которая не сводима к той или иной единице АТД, но, опираясь на "прочную физико-географическую основу", может быть представлена как ансамбль пространств: природного, экономического, социального, политического, то есть прежде всего (но не исключительно) как социальный конструкт. Но этот социальный конструкт не висит в безвоздушном пространстве: он тем или иным образом связан с конкретной территорией. Конечно, при желании мы можем абстрагироваться от территории и сосредоточить внимание на регионе, как социальном конструкте. Однако в нашем случае речь идет не о трансграничных регионах вообще, а о трансграничных регионах ДВ, и нам придется не упускать из виду территорию как в природном, так и в социально-экономическом и этнокультурном аспектах.

Понятно, что, рассуждая о трансграничных регионах Дальнего Востока, нужно учитывать, что мы имеем дело со сложными системами. Поэтому конфигурация границ этих пространственных систем находится в состоянии постоянных изменений. Более того, возникают ситуации, когда трансграничность как таковая просто исчезает. Поэтому искать здесь какие-то раз и навсегда заданные границы трансграничных регионов не представляется возможным. Это первое. Второе – изменчивы не только конфигурации границ, но и формы взаимоотношений в рамках трансграничности. Следовательно, в разные исторические периоды мы будем иметь разные конфигурации и содержание.

Но в общем, на всех этапах развития Дальнего Востока и трансграничных территорий в его пределах было то, что Дальний Восток представлял своего рода геополитический узел. И так до настоящего времени. То есть хотим мы этого или нет, но развитие Дальнего Востока всегда находилось под влиянием геополитических факторов. Здесь я бы хотел остановиться, тем более рядом Илдус Файзрахманович Ярулин, который про *геополитические вызовы и угрозы* знает больше, чем я, и может их изложить более компетентно.

Ярулин И.Ф.: В силу определенных обстоятельств Дальний Восток снова становится центром притяжения как научной, так и политической мысли. Происходящие в настоящее время глобальные изменения в системе международных отношений, так и внутристрановые изменения, все чаще подтверждают тезис о том, что важнейшее значение в этих трансформациях играют процессы, связанные с перераспределением роли и значения регионов. Данные процессы приводят к формированию новой конфигурации миропорядка. События в ряде стран Евросоюза, Восточной и Юго-Восточной Азии, связанные с изменением места и роли регионов в государственном устройстве, лишь

² Демьяненко А.Н., Клиценко М.В. Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 80–94.

подтверждают актуальность изучения процессов, происходящих в современном мире.

Провозглашенный в начале 2010-х годов "поворот на Восток" обернулся "недоповоротом", показав трудности и проблемы этого процесса. В то же самое время жизнь подтверждает необходимость продолжения политики дальнейшего углубления интеграции Дальнего Востока в геополитические и геоэкономические процессы, происходящие на Азиатском континенте. Российский Дальний Восток все больше становится объектом особого внимания и активного взаимодействия всех ведущих мировых держав.

Геополитически существенным является широкий спектр вопросов регионального развития. Все это требует дальнейшего изучения геополитического пространства, геополитических границ, угроз и рисков. Важной перспективной задачей является дальнейшая проработка понятий региональной геополитики и разработка того инструментария, который позволит определять геополитический статус регионов и производить классификацию регионов РФ в соответствии с этим статусом. Это позволит обобщить факторы выхода российских регионов на международную арену и оценить влияние регионов на внешнюю политику России.

Геополитика в данном контексте стремительно "регионализуется". Геополитически важным оказывается спектр вопросов регионального развития: от местной идентичности и социально-политической активности до финансово-экономических возможностей территории, ее места в сложившихся отношениях "центр – периферия", значимости трансграничных контактов и зарубежных партнерств. На этом фоне еще рельефнее проявилась геополитическая "особость" отдельных территорий и их группировок.

Пространственное развитие нашей страны становится в этих условиях предельно важной сферой геополитического противостояния; оно же порождает системно значимые геостратегические риски и одновременно выступает стимулом и ресурсом в резко активизировавшейся в контексте СВО геополитическом противостоянии.

У КНР появилась возможность создания относительно монолитного и лояльного громадного пространства, включая собственную территорию, всю Центральную Азию и Россию. Тут в приоритете не столько рынок сбыта (он в мировом масштабе не очень большой), сколько геополитические возможности, а также ресурсы.

Но опять вопрос. Насколько мы в этом плане самостоятельны и насколько это связано с развитием страны в целом? Все вы, наверное, видели и статью А. Ильницкого³, в которой он утверждает, что Дальний Восток не способен развиваться без вхождения в Сибирь или вхождение в него Сибири. Это и выступление Олега Дерипаски, который говорит, что нам нужно создавать какую-то общую территорию: Дальний Восток и Сибирь, но пока мы говорим о Дальнем Востоке. И последнее заявление полпреда о том, что вроде бы дело идет к тому, что на Дальнем Востоке будут действовать свое законодательство, не противоречащее Конституции, на котором будет основана своя система преференций, своя система экономического взаимодействия⁴.

Демьяненко А.Н.: Позвольте маленькую ремарку. С некоторых пор у части экспертного сообщества и даже в академической среде возникло труднообъяснимое желание объединить Сибирь и ДВ. Даже придумали название этому территориальному образованию – Тихоокеанская Сибирь. Правда, не объяснили, зачем всё это?

Ярулин И.Ф.: Наконец, мы видим заявления наших китайских коллег о том, что Амур становится для них началом пути в Арктику. То есть, как мы знаем, Фуюань – это порт, где стоят корабли класса "река-море", и дальше по Амуру выход до Николаевска-на-Амуре, а там уже и до СМП рукой подать.

³ Ильницкий А. Время Больших Решений // Парламентская газета. 2021. 23 сентября.

⁴ Романова Л. Весь Дальний Восток может стать единой территорией опережающего развития // Ведомости. 2022. 22 ноября

Плюс последнее (буквально неделю назад) обращение Правительства Якутии к Китаю о строительстве железной дороги из Якутии в Китай⁵.

Таким образом, формируются новые транспортные узлы, а для того, чтобы говорить о геополитическом регионе, мы должны говорить о развитии транспортной сети. Если нет, то о развитии геополитического региона говорить мы не можем. И то, что мы сейчас наблюдаем, свидетельствует: складывается геополитический, геостратегический, геоэкономический регион.

Мы видим, что возникает все больше вопросов по поводу взаимодействия разных стран и насколько это все будет серьезно. Как нам отнестись к тому, что китайские вооруженные силы будут охранять остров Шпицберген. Это к тому, что Дальний Восток и Арктика вроде бы одна территория и за нее отвечает один человек – вице-премьер Трутнев. Кроме того, что творится сейчас в Арктическом совете, когда семь стран выступают против российского подхода к Арктике, и к ним присоединяется еще целый ряд государств, которые не граничат с Арктикой, но тем не менее очень хотят в этом вопросе поучаствовать.

Уважаемые коллеги из Владивостока, я не знаю, вас поздравить или нет с тем, что Владивосток будет выполнять функцию внутреннего порта КНР. Здесь вопрос о национальной безопасности. И насколько Дальний Восток – это территория, контролируемая Россией? Какие решения будут приняты, пока не знаю.

Демьяненко А.Н.: То есть больше вопросов, чем ответов?

Ярулин И.Ф.: Именно так! И скорее всего, количество вопросов будет только возрастать, уже в силу того, что интерес к российско-китайскому сотрудничеству, а следовательно, и к ДВ стали проявлять не только соседи (США, Япония, Республика Корея), но и такие страны, как Индия, которые соседями вовсе не являются.

Демьяненко А.Н.: А теперь слово нашим коллегам из Владивостока.

Киреев А.А.: Пример РДВ наглядно показывает важность геополитической угрозы как фактора регионогенеза. Далеко не всегда трансграничные регионы формируются и воспроизводятся выбором наиболее экономически выгодного направления сотрудничества. Осознание общих рисков и надежда на их преодоление совместными усилиями генерируют социально-географические общности, по крайней мере, с не меньшим успехом.

Вместе с тем подчеркну, что трансграничные связи могут развиваться под влиянием не только совместного противостояния третьей стороне, но и в условиях противоборства двух сопредельных сторон. Это модель конкурентного со-развития и регионализации двух обществ, встречающихся в одном географическом пространстве и стремящихся организовать его по-своему. Такая модель преобладала в российско-китайском пограничье до 1930-х гг., когда социально-экономические структуры китайской Маньчжурии и российского Дальнего Востока только складывались, сталкиваясь и пересекаясь, стихийно нащупывая линию равновесия своих потенциалов. Лишь после взаимной стабилизации пределов РДВ и Маньчжурии, которую можно считать первой формой их со-развития, появились предпосылки для следующей, кооперативной, формы со-развития этих приграничных регионов и возникновения поверх их границ метарегиональной общности – трансграничной. В российско-японском и российско-американском пограничьях эта стадия формирования приграничных регионов и их пространственной "притирки" в ходе встречно-соперновательной колонизации продолжалась значительно дольше. Судя по устойчивости обоюдных государственных и общественных территориальных претензий, она не вполне исчерпана до сих пор и продолжает блокировать процессы трансграничного регионообразования.

Демьяненко А.Н.: Я надеюсь, что мы еще вернемся к обсуждению трансграничных регионов ДВ, а сейчас слово Эльвире Октавьевне Леонтьевой.

Леонтьева Э.О.: Понятие "геополитических вызовов" в последнее время приобретает явные идеологические коннотации и становится штампом, который часто используется в пропагандистских целях. Поэтому, озадачиваясь

⁵ Пламенев И. Eurasia Review узнало о плане Китая построить железную дорогу в Якутии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/03/2023/640b597a9a7947af50ed2ad0>

внешними угрозами, надо в первую очередь помнить о том, что самые существенные геополитические вызовы Дальнему Востоку формируются "изнутри" самого региона и в этом смысле являются оборотной стороной его геополитических преимуществ. Это все же, казалось бы, внутренние проблемы, которые делают регион геополитически уязвимым. Большая территория – угроза, так как её надо осваивать, содержать, обеспечивать безопасность – всё это дорого и трудно. Богатые ресурсы – угроза, так как порождают конкуренцию за их освоение и требуют на это значительных средств. Маленькое население – угроза, так как никакие госпрограммы и меры поддержки не останавливают отток населения и не позволяют сформировать на территории Дальнего Востока (за исключением национальных республик) устойчивую социальную общность, обладающую собственной региональной идентичностью. Как бы банально, избито и очевидно это ни звучало, но именно эти угрозы на данный момент, увы, пока что перевешивают внешнеполитические: Дальний Восток – это тот случай, когда размер имеет значение, и именно он определяет все геополитические следствия.

Ярулин И.Ф.: В целом "поворот/разворот на Восток", который в реальности оказывается "поворотом к Китаю", имеет ряд плюсов и минусов. Из плюсов – это дальнейшая политическая нормализация между двумя странами. Из минусов – это сильная торговая зависимость России от Китая. Это не бизнес развития, а бизнес по необходимости.

При этом основным требованием наших контрагентов будет получение от России "особых, привилегированных условий", заключающихся в:

- получении государственных гарантий для инвестиционных сделок, страхующих инвестора от обмана со стороны российского партнёра;
- допуске в стратегические отрасли (порты, добыча полезных ископаемых);
- беспопылинном ввозе оборудования и техники для реализации инвестиционных проектов.

Китай заинтересован в сотрудничестве с Россией, но, конечно, не будет сотрудничать в ущерб себе – как, впрочем, и Россия. Так что российско-китайские отношения – это устойчивая система, в которой оба субъекта необходимы друг другу, учитывают интересы друг друга и не делают того, что противоречило бы этим интересам. Это позволяет с уверенностью смотреть в будущее этих отношений и выстраивать работу с Китаем.

Демьяненко А.Н.: Увы, но в отличие от уважаемого Илдуса Файзрахмановича я не столь оптимистичен в перспективах российско-китайского сотрудничества, и тому есть основания. И эти основания коренятся в том, что и российское, и китайское общества верят и всегда верили в свою уникальность, а уникальность эта опирается на присущую каждому из этих обществ систему ценностей, которые далеко не всегда совпадают.

А теперь попробую очень коротко зафиксировать свою позицию по означенному вопросу: во-первых, геополитические вызовы для ДВ самым непосредственным образом связаны с тем, насколько изменится в ближайшей перспективе место РФ в переформируемом в настоящее время мировом порядке; во-вторых, угрозы связаны с обеспечением не только экономической безопасности, но и безопасности пространственных социально-экономических систем, сложившихся или складывающихся в пределах ДВ, в том числе и трансграничных регионов. И здесь мы плавно переходим ко второму нашему вопросу: **Методологические подходы и аналитические инструменты исследования сотрудничества: региональный аспект.**

Бляхер Л.Е.: Термин "трансграничный" задает по отношению к региону совершенно четкую смысловую рамку. Речь, как представляется, идет о регионе (то есть части территории более или менее четко очерченной), чье существование опосредованно границей. В заданном на "круглом столе" контексте речь идет о политической границе. Иными словами, объектом анализа выступают приграничные регионы. Но далеко не любой приграничный регион выступает частью трансграничья. Последнее предполагает не только наличие с двух сторон от политической границы неких территориальных и социальных образований. Трансграничье предполагает наличие между регионами по обе стороны границы тесной и постоянной коммуникации, опосредованной политической границей. При этом сама коммуникация, хотя и вы-

ступает как структура, заданная политически, может иметь и иную природу. На политическом уровне задаются правила игры, включающие в себя нормы пересечения границы, процедуры взаимной легитимации иностранных акторов на "своей" территории трансграничья и т.д. Однако граница задает еще и "разность условий", переток между которыми выступает в качестве экономических возможностей. Скажем, наличие с одной из сторон ресурсов, в которых заинтересована другая сторона.

Важным моментом формирования трансграничности выступает и культурная составляющая. Достаточно сложно организуется коммуникация по отношению к "онтологическому чужому", социальному агенту с той стороны границы, который воспринимается как враг, конкурент. Здесь значимо создание приемлемого образа другого, помещение его в контекст, который обеспечивает предсказуемость его действий.

И наконец, в качестве последнего по счету, но не по значимости условия выступает наличие относительно удобной логистики, снижающей издержки, связанные с транзакцией, позволяющие активизировать контакты между обществами по обе стороны границы.

Конечно, соотношение этих параметров не статично. Скажем, огромная экономическая заинтересованность способна преодолеть сложности логистики, породить новые транспортные пути. Политическая заинтересованность может стать основанием для формирования более приемлемого образа другого. Но, как показывает практика последних десятилетий, наличие какого-то одного, доминирующего параметра делает коммуникацию не особенно устойчивой, снижает ее эффективность и в конечном счете выводит территорию из пространства трансграничности.

Демьяненко А.Н.: И если принять, что ДВ – сложная пространственная система (на время оставим в стороне вопрос о том, насколько эта система сформирована), то придется признать, что исследование столь сложной системы предполагает междисциплинарный подход. Но прежде всего следует договориться о словах: "регион", "регионализм" и "регионализация".

Леонтьева Э.О.: Общим местом относительно теории и методологии при обращении практически к любой проблеме является указание на отсутствии единства. В полной степени это относится и к знанию о регионах. Однако в научном дискурсе именно единство, когда оно есть, должно настаивать, а разнообразие быть нормой. То, что в социальных науках отсутствуют единые методологические подходы и аналитические инструменты, следует воспринимать как большое преимущество и возможность свободы исследовательского творчества. Особенно отчетливо это проявляется в региональных исследованиях, в которых пока что нет никакого консенсуса в отношении понятий "регион" и всех его производных.

Однако на пути к этому консенсусу, как мне представляется, есть положительная динамика. Наиболее отчетливо она наметилась в рамках дискуссии о "старом" и "новом" регионализме. Так, концепции "нового" регионализма допускают, что образование регионов – это не только директивный и управляемый процесс "сверху" (например, со стороны политических лидеров, глав государств), но и результат инициатив негосударственных акторов – общественных организаций, или объединений граждан. Таким образом, сам процесс регионообразования можно рассматривать как двух- или многовекторный процесс, причём его результат совсем не предполагает сложения этих векторов – часто каждый из них реализует свой сценарий, и мы можем увидеть в одном пространственном измерении несколько разных региональных конструкций.

Соответственно, рассматривая два вектора "сверху" и "снизу" в отношении Дальнего Востока, мы получаем столько региональных подпространств, сколько исследовательских задач собираемся решать. И трансграничные регионы в структуре Дальнего Востока – как раз тому пример.

Демьяненко А.Н.: Действительно, трудно не согласиться с тем, что существуют разные регионализмы. Был старый, европоцентричный регионализм, который предполагал наличие наднациональных структур, которые обеспечивают прежде всего экономическую интеграцию: открытие границ для потоков, товаров, денег, людей, информации и т.д. Но где-то на рубеже 80-х – 90-х годов прошлого века приходит осознание (и в среде политиков, и в акаде-

мическом сообществе), что "старый" регионализм уже не соответствует новым реалиям. И после упадка интереса к регионализму как таковому, имевшему место в 1970–1980-х годах, на сцене появился "новый" регионализм, который в отличие от "старого" позиционировал себя глобальным, то есть неевропоцентричным, многомерным, включающим как государственных, так и негосударственных акторов во всех больших областях политики, а не только экономической. Наконец, с середины 2010-х годов мы видим вполне оформившееся направление, получившее название "сравнительный" регионализм. Здесь вряд ли уместно детально останавливаться на рассмотрении современного этапа эволюции регионализма. Ограничусь лишь констатацией: сравнительный регионализм предполагает признание зачастую противоположных теоретических и методологических точек зрения. Это – с одной стороны, а с другой – расширение базы сравнения как между регионами, так и областями политики. То есть, фактически говоря о сравнительном регионализме, мы имеем в виду этакий концептуальный зонтик.

Украинский В.Н.: Использование термина "новый регионализм" предполагает определенную степень лукавства в том плане, что соответствующая основа существует веками. Просто он артикулировался в условиях так называемых демократических государств, можно сказать, относительно недавно.

Киреев А.А.: Если признать, что административно-территориальное деление РДВ мало пригодно для описания конфигураций тех трансграничных процессов, в которые он вовлечен, то это ставит вопрос об иных, более достоверных способах идентификации границ трансграничных регионов. Вопрос о методе определения региональных границ не имеет в науке какого-либо оптимального решения. Но можно указать на три принципиальных подхода к этой проблеме. Первый из этих подходов условно назову "ареальным". В нем регион идентифицируется как пространство, занятое множеством однотипных точечных объектов или явлений, обладающих некоторым аналитически заданным значением или диапазоном значений определенного признака. Второй подход – "структурный". Он требует от пространственного сегмента, претендующего на региональный статус, внутренней упорядоченности, т.е. наличия у очерченных им объектов устойчивых связей, взаимных зависимостей (гидрографическая или транспортная сеть, структуры расселения или обмена). Третий подход – "функциональный". Он предполагает, что связи между входящими в регион объектами должны образовывать некий замкнутый воспроизводственный контур, складываться в пространственно локализуемый функциональный (демографический, производственный, управленческий) цикл как основу автономной региональной системы.

Названные подходы соответствуют различным типам регионов, а иногда – разным стадиям регионогенеза. Их последовательное применение к одному и тому же сегменту пространства позволяет не только зафиксировать его объективные границы, но и оценить степень его региональной зрелости (сложности).

Барбенко Я.А.: Полагаю, что, выбирая основой трансграничных отношений, трансграничности региона именно "сотрудничество", мы многое теряем. В качестве иллюстрации приведу один сюжет на заданную тему. Военное присутствие и политика переселений Российской империи на западных и восточных границах Цинской империи вынуждает последнюю взяться за организацию заселения Маньчжурии, что, в свою очередь, сказывается на интенсификации переселенческой политики на юге Дальнего Востока, и всё это активно развивается на рубеже 70-х – 80-х годов XIX в. Как можно определить характер таких отношений: сотрудничество, конкуренция? В любом случае можно видеть параллельные и связанные процессы, которые формируют трансграничный регион в бассейне Амура. Я бы хотел отметить, что переток политики управления переселением и колонизацией через границу укладывается в концепцию культурного трансфера Мишеля Эспаня⁶, и мы можем расширить наш методологический арсенал, привлекая и такие познавательные средства. Итак, мой вопрос: можно ли сказать, коллеги, что трансфер практик/политик без транслокации людей (она не была значительной) порождает трансграничность? Отвечая на этот вопрос положительно, мы расширяем

⁶ Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: НЛЮ, 2018. 816 с.

хронологию трансграничного взаимодействия в бассейне Амура по крайней мере до конца 70-х гг. XIX в.

Леонтьева Э.О.: Это, собственно, и есть институциональный подход. Один из главных тезисов которого подразумевает рецессию институтов и институциональные транзакции. Обмен культурными практиками очень подходит под классическую институциональную парадигму как объяснение возникновения общих пространств.

Украинский В.Н.: Если речь идет о состоянии российско-китайских отношений до рубежа 1880-х – 1890-х гг., то, наверное, главным двигателем развития и с той и с другой стороны был конфликт, потенциальный, во всяком случае. То есть было состояние скорее приграничных территорий, чем трансграничных регионов.

Демьяненко А.Н.: Во-первых, о временных границах. В препринте мы договорились, что мы начинаем с того момента, когда это сотрудничество формирует некие практические выраженные результаты.

Во-вторых, является ли диффузия практик, трансфер практик основанием для трансграничности – да, конечно. Более того, без этого и всё остальное не будет выстроено.

Да, несомненно, были пустующие территории по другую сторону границы и, несомненно, шел процесс колонизации. Да, со своей спецификой, и он начался задолго до конца 90-х годов XIX века, конечно. Мы можем найти исторические предпосылки в XVII веке. И здесь я согласен с Ярославом Александровичем. Но это эпизоды, а сотрудничество в рассматриваемом регионе приобретает системный характер, наверное, всё-таки в конце XIX века.

Барбенко Я.А.: А разве связанность процессов не говорит об их системности? Они были связаны, и не случайно связаны.

Демьяненко А.Н. Полагаю, что ближе к истине Вадим Николаевич: наличие двух приграничных территорий, необходимое, но еще недостаточное условие для формирования трансграничного региона.

Украинский В.Н.: Само сотрудничество – это желаемое состояние системы, которое потенциально предполагает больше выгоды для участников, чем участие в конфликте.

Что же касается вопроса о встроенности в глобальные цепочки ценности, в региональные/глобальные связи, то однотипных ответов здесь нет. В каких-то ДВ не участвует, и в обозримой перспективе, скорее всего, участвовать не будет, в каких-то задействован, но в разных качествах – конечный рынок сбыта, транзитная территория и т.д. Кстати, многие потребительские товары, произведенные в Китае, поступают на ДВ не через "ближнюю" границу, а через московскую таможню.

Демьяненко А.Н.: Теперь, наверное, следует перейти к следующему вопросу, вынесенному на обсуждение – *Трансграничные регионы: сущность и типология* – и предоставить слово Наталье Васильевне Мишиной.

Мишина Н.В.: Начну с того, что в 2008 г. в свет вышла книга П.Я. Бакланова и С.С. Ганзей "Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования"⁷, в которой были обобщены основные результаты трансграничных исследований авторов предыдущих лет. Трансграничные географические структуры являются, по мнению авторов, разновидностью контактных географических структур и формируются двумя основными способами. Первый из них связан с усилением связей и взаимодействий между контактными структурами или их отдельными звеньями по обе стороны от границы, второй – с разделением границей некоторой целостной географической структуры. Если мы конкретизируем данные теоретические положения наличием не просто некой географической границы, а государственной границы между Россией и Китаем, то взаимодействие приграничных территорий Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая и формирование трансграничных территорий (или регионов) на основе трансграничного сотрудничества отражает первый способ формирования трансграничных географических структур. Основным же примером трансграничных географических структур, возникающих при разделении целостных образований государ-

⁷ Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.

ственной границей, являются трансграничные геосистемы. При этом характер и интенсивность хозяйственной деятельности по разные стороны границы, а следовательно, и антропогенная нагрузка на разные части геосистемы может существенно различаться и трансформировать части трансграничной природной системы в неодинаковой степени. В таких условиях приграничные территории соседних стран, где расположены части трансграничной природной системы, оказываются экологически взаимозависимыми и взаимосвязанными, а полноценное решение экологических проблем, часто приобретающих трансграничный характер, возможно лишь в сотрудничестве с сопредельной страной. Характерной чертой приграничных территорий юга Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая является то, что они расположены в нескольких трансграничных бассейнах разного ранга. В первую очередь это бассейн Амура, в котором, кроме провинции Хэйлунцзян, Амурской области и ЕАО, находятся также значительные территории провинции Цзилинь и АО Внутренняя Монголия, Хабаровского, Приморского и Забайкальского краев, а также часть Восточной Монголии. Другими крупными трансграничными бассейнами региона является бассейн р. Уссури с входящим в него водосбором оз. Ханка, бассейны рек Раздольная и Туманная. Однако бассейновый подход является не единственным, используемым для выделения трансграничных геосистем, тем более что бассейны крупных рек имеют высокую степень региональной и типологической неоднородности.

В 2000-х гг. на приграничных территориях южной части Дальнего Востока России и Северо-востока КНР было проведено индивидуально-типологическое районирование и выделено 8 трансграничных геосистем ранга физико-географических провинций. В отличие от бассейновых структур, они представляют собой природные комплексы с относительно однородными почвенно-растительными и геоморфологическими условиями, общей историей геологического развития. Общей чертой всех российско-китайских трансграничных геосистем является то, что на протяжении XX века они подверглись значительной антропогенной трансформации, интенсивность и характер которой существенно различались по разные стороны российско-китайской границы. Поэтому выявление общих и специфических черт, присущих структурам землепользования в трансграничных геосистемах российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая, анализ их исторической и современной динамики имеет большое значение как для понимания актуальной экономико-экологической ситуации на сопредельных территориях, так и для планирования их хозяйственного развития.

Демьяненко А.Н.: Наверное, мне придется перевести с географического языка на общедоступный некоторые положения сообщения Н.В. Мишиной. Здесь нужно понять, что является основой подхода, который предлагает П.Я. Бакланов и С.С. Ганзей. Таковой является концепция геосистем, предложенная еще в конце 1960-х – начале 1970-х годов Б.В. Сочавой. Суть этой концепции заключается в применении методологии общей теории систем к исследованию территориальных природных комплексов. П.Я. Бакланов и С.С. Ганзей в упоминавшийся работе (и не только), которая носила оценочный характер на предмет устойчивого природопользования, развивали тезис, согласно которому целостность международных приграничных территорий усиливается, если в их основе лежит целостная природная система. И вот здесь возникает очень важный вопрос с точки зрения нашего сегодняшнего обсуждения. Когда в 50-е годы действительно было сотрудничество по обе стороны границы, в том числе в сфере сельского хозяйства, землепользования, то наши китайские друзья приезжали на территорию наших колхозов и объясняли им, как надо выращивать те или иные, скажем, овощные культуры. Это я могу понять: один и тот же ландшафт по ту и другую сторону реки Уссури. Приехали, показали, как это используется более эффективно с точки зрения выращивания тех или иных сельскохозяйственных культур. Сейчас что-то подобное происходит или нет? Или всё это прошло только на уровне оценочных суждений и предположений?

Мишина Н.В.: На уровне оценочных суждений.

Демьяненко А.Н.: Вы говорили, что было реализовано несколько проектов. Это как раз пример сотрудничества. Я просто хотел понять, что-то из предложенных программных вещей было реализовано? Если да, то какие?

Мишина Н.В.: Не могу сказать за китайскую сторону. Думаю, на российской территории до практической реализации дело не дошло.

Демьяненко А.Н.: А теперь попробуем сменить исследовательскую оптику в изучении трансграничных регионов Российского Дальнего Востока, скажем так, с геосистемной на социально-гуманитарную.

Киреев А.А.: То, что РДВ, несмотря на сравнительную отсталость, является субстратом для многих и разнообразных процессов трансграничной регионализации, на мой взгляд, прямо обусловлено типологической спецификой этого макрорегиона. В 2011 г. в своей книге о дальневосточной границе⁸ я определил РДВ как "околограничный" регион. Дело в том, что РДВ существенно отличается по пространственной структуре от большинства других регионов России. Эти регионы, особенно в европейской части страны, имеют обычно внутренний социально-экономический центр и внешнюю периферию, располагающуюся вдоль административной или государственной границы. Такая структура этих регионов является результатом длительного колониального движения в относительно однородном пространстве, расходящегося более или менее равномерно по радиальным направлениям из центральной области. Напротив, на РДВ первоначальные центры колонизации исторически формировались вблизи государственных границ региона (прежде всего сухопутных, в меньшей степени – морских), и дальнейшее освоение распространялось из приграничья в "глубинку" (хинтерланд), во внутреннюю периферию. Эта перевернутая структура – из внешних, приграничных центров и внутренней, интраграничной периферии – была следствием как изначального приоритета военно-политических задач колонизации РДВ, так и высокой неоднородности ландшафтно-климатических условий этого региона. Сегодня такая исторически сложившаяся структура дальневосточного региона по-прежнему ярко проявляется в существовании в его внутренних районах огромных социально-экономических "пустошей". Вместе с тем именно подобная организация регионального пространства дает РДВ непропорционально большие (для его скудного демографического и экономического потенциала) возможности участия в процессах трансграничного взаимодействия и регионализации.

Леонтьева Э.О.: В контексте дискуссии о разных векторах процесса регионообразования: трансграничные регионы образуются в том числе в результате взаимодействия негосударственных акторов "снизу". Именно этот параметр – интенсивность трансграничных связей между социальными субъектами разного уровня – позволяет говорить о существовании таких регионов.

Таким образом, трансграничный регион локализуется не столько пространственно-географически, сколько силой социальных связей – здесь напрашивается добавление: силой слабых связей, по-новому актуализирующей ставшую уже классической концепцию М. Грановеттера, то есть того, что можно назвать трансграничным притяжением в разных сферах. Соответственно, его исследователи могли бы консолидироваться в общем поле составления панорамной картины таких связей, которая бы составила комплексное знание о трансграничном регионе.

Киреев А.А.: Мы сейчас говорим только о российско-китайских взаимоотношениях. А ведь у нас еще были заявлены российско-японские и российско-американские. Для них, на мой взгляд, акцентированное Ярославом Александровичем понятие конкурентного развития ещё более значимо, чем для российско-китайского случая.

Демьяненко А.Н.: Действительно, Антон Александрович, прав. Попробуем, насколько хватит у нас времени, осветить этот вопрос.

Бляхер Л.Е.: За постсоветскую историю было три направления, где потенциально могло возникнуть трансграничье. Во-первых, пространство "Чукотка–Аляска". Экономический интерес здесь явно присутствовал. В связи с ним возникали новые маршруты авиаперевозок, множество контактов на культурном уровне (города-побратимы, всевозможные научные и художественные мероприятия и др.). Однако в виду того, что само пространство потенциального трансграничья было не особенно ориентировано на коммуника-

⁸ Киреев, А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.

цию, а те сообщества, для которых эта коммуникация была важна, проживали на расстоянии в много тысяч километров от потенциального трансграничья, последнее не сложилось. Охлаждение отношений между странами (Россия и США) закрыло это потенциально возможное направление.

Другая возможность формирования трансграничья возникает в постсоветский период между о. Сахалин с Курильской грядой и Японией, точнее, Хоккайдо. Однако здесь явно доминировал политический фактор. Неформальная торговля морскими биоресурсами, описанная в ряде работ, происходила в нейтральных водах и не приводила к возникновению устойчивой трансграничной коммуникации. Усложнение политического положения ставит под вопрос и это трансграничье. Единственное направление, сохраняющееся до настоящего времени – подержанные машины. Но и здесь ситуация меняется в худшую сторону.

Пожалуй, единственное пространство, где дальневосточное трансграничье за постсоветский период сформировалось – это пространство трех южных территорий Дальнего Востока России (Приморье, Хабаровский край и Амурская область) и трех сопредельных провинций КНР.

И в период, когда едва ли не на официальном уровне говорилось о "желтой угрозе" и "ползучей экспансии", и в период объявленного "поворота на Восток" эта коммуникация сохранялась. Она принимала разные формы (от гастарбайтеров до научного туризма и создания совместных бизнес-структур), но оставалась. Причин здесь несколько. Важно, что именно здесь имеет место наиболее удобный вариант логистики через Амур, с помощью сети рек, входящих в его бассейн. Создаваемая в тесном контакте с Транссибом КВЖД тоже выступала связующим фактором, как и давний опыт контактов с сопредельной территорией, хоть и потрясенный в советские годы, но не вытесненный полностью.

Существовала и существует совершенно очевидная экономическая заинтересованность в контактах. Но главное, что следует отметить, в пространстве, примыкающем к российско-китайской границе, сложилось особое сообщество – сообщество трансмигрантов. Под термином трансмигрант мы понимаем социального агента, проживающего на территории иного государства, но сохраняющего связи с точкой исхода и сообществом исхода. Как показывает эмпирический материал, собранный автором и Э.О. Леонтьевой, в конце эмпие, такие трансмигранты оказываются не "двудомным растением", но удивительными социальными персонажами, живущими между домами. Они и задают особое социальное пространство трансграничья, отличное и от социального пространства российского Дальнего Востока, и от социального пространства Северного Китая. Они выступают посредниками в коммуникации, проводниками в мир по ту сторону границы.

Сегодня российско-китайское приграничье начинает поддерживаться и в рамках властного дискурса, официальной политики. Однако проблема в том, что структура этого трансграничного образования, при всем обилии исследований, изучена не особенно тщательно, имеет множество "белых пятен". Это создает угрозу, что поддержка, основанная на мифах, может стать опаснее, чем, к счастью, исчезнувшее "противодействие ползучей экспансии".

Демьяненко А.Н.: Я согласен с Борисом Ефимовичем, что на ДВ существует как минимум три локации, в пределах которых есть основания предполагать наличие или потенциальную возможность формирования трансграничных регионов. Но полагаю, что следует сместить исторические границы и не ограничиваться исключительно постсоветским периодом российской истории.

Так как о российско-китайском сотрудничестве уже было сказано немало, то очень коротко о российско-японском, которое имеет достаточно длительную историю. Напомню, что с конца XIX в. имело место совместное освоение биологических ресурсов акваторий Охотского и Берингового морей у берегов Сахалина и Камчатки. А своего рода базами снабжения, в том числе и российских рыбопромышленников, были японские порты (Хакодате в первую очередь).

Что касается Берингии, то, действительно, в настоящее время не приходится говорить о сколько-нибудь значимом сотрудничестве в этой локации. Показательно, что в монографии "Дальневосточная и Тихоокеанская Аркти-

ка⁹, российско-американское сотрудничество свелось к обеспечению безопасного судоходства в Беринговом проливе. Но опять-таки, если вспомнить о Русской Америке¹⁰, то, оказывается, были и, риску предположить, все еще есть предпосылки трансграничных взаимодействий.

Говоря о сценариях будущих состояний трансграничных регионов ДВ, следует начинать с оценки геополитических факторов, при этом отдавая отчет в том, что геополитическая ситуация отличается высоким уровнем не только динамизма, но и непредсказуемости. В обозримой перспективе сценарии будут определяться, с одной стороны, выбором внешнеполитического вектора российского государства (Восток, Запад или Восток-Запад), а с другой – мегатрендами в глобальной системе международных отношений.

И, наконец, последнее по списку, но не по значимости: большое спасибо М.В. Клиценко за организацию круглого стола и особо за организацию режима видеоконференции с коллегами из Владивостока.

Информация об авторах

Ярослав Александрович Барбенко, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: prohist@ya.ru

Леонид Ефимович Бляхер, д-р филос. наук, профессор кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: Leonid743342@mail.ru

Александр Николаевич Демьяненко, д-р геогр. наук, Хабаровск, Россия, e-mail: ad716008@mail.com

Антон Александрович Киреев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: antalkir@yandex.ru

Эльвира Октавьевна Леонтьева, д-р соц. наук, директор Высшей школы международных исследований и дипломатии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Наталья Васильевна Мишина, канд. геогр. наук, научный сотрудник информационно-картографического центра Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: mishina@tig.dvo.ru

Вадим Николаевич Украинский, канд. экон. наук, научный сотрудник сектора генезиса теорий пространственной экономики Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: ukrainsky@ecrin.ru

Илдус Файзрахманович Ярулин, д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Высшей школы международных исследований и дипломатии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: iarulin@mail.ru

Information about the authors

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: prohist@ya.ru

Leonid E. Blyakher, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: Leonid743342@mail.ru

Alexander N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: ad716008@mail.com

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Elvira O. Leontyeva, Doctor of Sociology, Director of the Graduate School of International Studies and Diplomacy, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Natalya V. Mishina, Candidate of Geographical Sciences, Researcher, Information and Cartographic Center, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: mishina@tig.dvo.ru

Vadim N. Ukrainsky, Candidate of Economics, Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: ukrainsky@ecrin.ru

Ildus F. Yaruln, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Graduate School of International Studies and Diplomacy, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: iarulin@mail.ru

Поступила в редакцию 01.07.2023

Received 01.07.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Accepted 24.08.2023

⁹ Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика: на перекрестке двух океанов и континентов Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. 248 с.

¹⁰ История Русской Америки (1732–1867). Том I-III. Основание Русской Америки (1732–1799). М.: Международные отношения, 1997.

Научная статья
УДК 303.4
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/85-97>

Концепция этничности Ф. Барта, ее истоки и реальная значимость

Кузнецов Анатолий Михайлович
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, kuznetsov.2012@mail.ru

Аннотация. В статье на основе новых данных производится критическая переоценка вклада Ф. Барта в создание концепции этничности. Проведено сопоставление идей о значимости явления этнических групп, роли природного фактора для их существования и характере межэтнических взаимодействий Предисловия Ф. Барта к сборнику статей "Этнические группы и границы" и англоязычных публикаций С. М. Широкогорова об этносе. Учитывая более раннее появление публикаций российского ученого, сделан вывод о заимствовании норвежским специалистом его идей, без ссылки на первоисточники.

Ключевые слова: Ф. Барт, Предисловие, этничность, С.М. Широкогоров, этнос

Для цитирования: Кузнецов А. М. Концепция этничности Ф. Барта, ее истоки и реальная значимость // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 85–97. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/85-97>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/85-97>

The concept of ethnicity by F. Barth, its origins and real significance

Kuznetsov Anatoly Mikhailovich
Far Eastern Federal University, Vladivostok, kuznetsov.2012@mail.ru

Abstract. In the article, on the basis of new facts, a critical reassessment of F. Barth's contribution to the creation of the concept of ethnicity is made. A comparison of ideas about the significance of the phenomenon of ethnic groups, the role of the natural factor for their existence and the nature of interethnic interactions of the preface by F. Barth to the collection of articles "Ethnic groups and borders" and the English-language publications of S.M. Shirokogorov about ethnos. Taking into account the earlier appearance of the publications of the Russian scientist, it is concluded that the Norwegian specialist borrowed his ideas, without reference to the primary sources.

Key words: Fredrick Barth, Preface, ethnicity, Sergei Shirokogoroff, ethnos

For citation: Kuznetsov A. M. The concept of ethnicity by F. Barth, its origins and real significance // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 85–97. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/85-97>

*Пока правда надевает бабшмаки,
ложь успеваеt весь мир обежать*
Терри Пратчет

О чем написано в Предисловии у Ф. Барта? Итак, все началось в 1969 г., когда норвежский антрополог Фредрик Барт (1928–2016), учившийся в США и Великобритании, до этого больше известный с 1950-х гг. своими полевыми исследованиями, опубликовал сборник статей "Этнические группы и границы". В нем он сам отметил Предисловием и главой о пуштунской идентичности, остальные статьи подготовили другие скандинавские специалисты [21]¹. Неожиданно этот сборник, казалось бы, проходная "провинциальная" публикация приобрел широкую известность. Как это ни покажется странным – обычно Предисловия мало кто читает, – но в данном случае именно эта часть сборника оказалась одним из самых цитируемых текстов [14] до настоящего времени [19, p. 96]. Немногие издания получали вскоре после своего появления отзывы подобного рода: ""Этнические группы и границы" представляют революционный и парадигмальный прорыв в концептуализации этнических отношений" [27]. Столь лестные оценки объясняются мнением, согласно которому Ф. Барт представил в этом сборнике основные идеи для разработки концепции *этничности* на Западе [19; 20; 29]. Специалисты из России тоже не остались в стороне от общего хвалебного хора. Правда, "пиететные" отзывы о значении этого сборника и его редактора прозвучали у нас с некоторым запозданием [5; 6]. Конечно, появлялись и критические оценки теоретической

¹ Появлению этого сборника предшествовал проведенный Бартом в 1967 г. симпозиум по одноименной теме.

новизны публикаций сборника (например, Ф. Гулливер, В. Локвуд), но не они задавали тон в общем обсуждении.

Для многих зарубежных специалистов новаторство Барта в свое время проявилось в обосновании значимости *этнических групп* и соответствующей им этничности вместо универалистских обобщений [14, p. 10]. Этническую группу он определял следующим образом:

- является самовоспроизводящейся *биологически*;
- обладает общими фундаментальными культурными *ценностями*, воплощенными в определенном единстве *культурных форм*;
- обеспечивает пространство коммуникаций и взаимодействий;
- создает представление о *членстве* в ней, которое обеспечивает возможность идентификации и признается всеми как отличительное свойство от других объединений такого же уровня" [14, p. 10–11].

По мнению Барта: "... каждая группа развивает свои социальные и культурные формы в определенной изоляции, главным образом как ответ на локальные *экологические* условия через историю своей *адаптации* путем собственных открытий и выборочного заимствования" [14, p. 11]. В отличие от многих своих коллег, он отказался признать решающую роль *культуры* в формировании объединений людей, отличающихся друг от друга по этническим признакам. В его интерпретации "... культура является ничем иным, как только способом описания *поведения людей* (здесь и далее курсив мой-АК)" [14, p. 12]. Не принимал этот автор и тезис о необходимости сохранения в неизменном виде культурного содержания обособленных друг от друга общностей. Не случайно, норвежский "прорыв" достаточно сдержанно восприняли в Северной Америке [28, p. 17]. Показательно, например, скромное место, отведенное Барту и его идеям, в знаковом издании Р. Борофского, опубликованном в 2019 г. в США [18]. Учитывая "принижение" роли *культуры* в концепции этничности – категории очень значимой в американской социальной науке, – такое сдержанное отношение за океаном к ней вполне понятно. Тем не менее и в этой стране у Барта есть свои сторонники [33]. Но наш автор также утверждал, что социальные антропологи уклонились от обсуждения этнических проблем, подменяя их "очень абстрагированным понятием *общество*". Здесь он явно "покусился" на базовую категорию европейской, прежде всего, британской социальной антропологии. По мнению Ф. Барта, при таком подходе игнорировались "эмпирические характеристики и границы этнических групп, а, кроме того, важные теоретические проблемы, связанные с их исследованием" [14, p. 9]. Однако многие европейские специалисты, в отличие от своих североамериканских коллег, приняли этот новый взгляд.

К столь нестандартным идеям, как показал сам Ф. Барт, отчасти он пришел после знакомства с разделом *биологической* науки, занимающейся изучением филетической эволюции популяций, устанавливаемой определением соответствующих филетических линий. "Данный подход предполагает существование объединений, границы которых, их протяженность и процессы поддержания границ, могут быть установлены". Интерес нашего автора-гуманитария к биологическим изысканиям, по-видимому, был обусловлен сделанным там выводом, согласно которому "... филетические линии значимы, так как их четко определенные границы предохраняют от *обмена* генетическим материалом и поэтому можно утверждать, что репродуктивная изоляция позволяет общности поддерживать свою *идентичность*, несмотря на изменения морфологических характеристик, относящихся к ней особей" [14, p. 37]. Представленная идея позволила ему, как считал Барт, найти "ключ" к проблеме *сохранения этнических групп* в условиях *динамизма* современного мира. Он решил, что при сложившихся обстоятельствах, точно также только операция по *поддержанию границ* может обеспечивать существование таких групп. Ведь, несмотря на тот факт, что "стабильные и часто жизненно необходимые социальные отношения поддерживаются через такие границы" и они постоянно пересекаются потоками разных людей, *этнические границы продолжают существовать*" [14, p. 9]. На этом основании Ф. Барт делает свой первый концептуальный вывод: "С данной точки зрения, критичным *фокусом* исследования становятся *этнические границы*, которые определяют группу, а не *культура*, которую они содержат" [14, p. 15].

Другой его значимый вывод, как уже отмечалось, касался значения социальности для этнических групп. Он утверждал: "Границы, которым мы должны уделять внимание, конечно, являются социальными границами, хотя они могут получать и территориальное соответствие" [14, p. 15]. Вместе с тем "... категориальные этнические различия не зависят от мобильности, контактов и информации, но сами влияют на *социальные* процессы *исключения* и *инкорпорации*, при этом такие дискретные категории сохраняются, несмотря на изменения участия и членства в процессе индивидуальных жизненных историй" [14, p. 9]. Автор затем уточнил: "Более того, этнические границы организуют социальную жизнь, что часто приводит к усложнению комплекса вариантов поведения и социальных отношений" [14, p. 15]. В то же время было отмечено: "... этнические группы существуют только в том случае, если их представители придерживаются принятых *различий* в поведении, в том числе существующих *культурных различий*" [14, p. 15]. Затем было сделано дополнение: "*Этнические границы* могут возникать и существовать только в ситуации, когда в различных обстоятельствах определенная их *категоризация* и *ценностные ориентиры* получают самореализующийся характер и они будут фальсифицироваться опытом" [14, p. 29–30]. С учетом указанных особенностей, определяющих этническую группу, он добавил: "... чтобы рассмотреть эти процессы, мы смещаем фокус исследований с внутренней *организации* и *истории* отдельных групп к анализу *этнических границ* и их воспроизводству" [14, p. 10]. Барт высказал также убежденность в том, "... что сохранение границ не является особо проблематичным, и оно связано с *обособлением*, которое подразумевает инструментализацию таких характеристик, как: *расовые различия*, *культурные особенности*, *социальное разделение* и *языковые барьеры*, спонтанные и организованные *объединения*..." [14, p. 11]. Уточнение природы этих этнических границ потребовало от автора заняться анализом достаточно деликатных проблем, связанных с осознанием этих операций через процедуру *идентификации*.

Важная особенность этнических групп, как писал автор, заключается еще и в том, что они "... являются *предписанными* категориями и процессом *идентификации* самих акторов, и поэтому они обладают способностью к *организации* отношений между людьми...". Он полагал: "Когда *этническая общность* определяется как *предписанная* и *экссклюзивная* группа, пределы ее распространения достаточно очевидны: они зависят от поддерживаемой *границы*..., но факт *дихотомизации* между ее членами и другими людьми позволяет нам конкретизировать пространство этого протяжения и исследовать его изменяющиеся культурные формы и содержание" [14, p. 14]. В интерпретации Барта, "*категориальное предписание*, когда оно позволяет классифицировать индивида с точки зрения его *базовой*, самой общей *идентичности*, преимущественно определяемой его *происхождением* и *окружением*, является *этническим предписанием*". В свою очередь, "если группа поддерживает свою *идентичность*, когда ее представители взаимодействуют с другими людьми, это влечет за собой создание критериев для определения членства в ней и способы исключения из нее" [14, p. 15]. Более того, "в той степени, в которой *акторы* используют *этнические идентичности*, чтобы категоризировать себя и других в целях взаимодействия, они *создают этнические группы* в *организационном* смысле" [14, p. 13–14].

Отсюда становится понятным то значение, которое Барт придавал идентичности, создающей "... серию ограничений на *набор ролей* индивида, которые разрешено ему играть, и выбор партнеров, с которыми он может взаимодействовать в разных видах отношений". Здесь важно обратить внимание на следующую характеристику автора: "Другими словами, *этническая идентичность*, представляемая как *статус*, является *высшестоящей* и определяет допустимые сочетания *статусов* или *социальных личностей*, которые индивид может принимать. В этом смысле *этническая идентичность* соответствует *полу* и *рангу* и поэтому она ограничивает возможности деятельности и не только в определенных социальных ситуациях" [14, p. 17]. Барту было также важно подчеркнуть: "Признаки, которые были приняты здесь во внимание, не являются набором "объективных различий", а только теми, которые сами *акторы рассматривают как значимые*" [14, p. 14]. Представленные утверждения затем были продублированы в виде ставшей очень популярной

метафоры: "Другими словами, *этнические* категории образуют *организационный сосуд*, которому можно придать разный объем и форму содержания в различных социокультурных системах". Такие категории, по мнению автора, "... могут соответствовать поведению, но это не обязательно, они также способны пронизывать всю *социальную жизнь*, но могут соответствовать только ограниченным секторам деятельности. Так что, существуют очевидные рамки для этнографических и сравнительных описаний различных форм этнической организации" [14, р. 14]. Очевидно, эти "завуалированные" описания сегодня можно сформулировать вполне определенно: *этнические границы* являются *символическими* в своей основе.

Можно понять, почему Барт свел фокус своей концепции этничности на такие "виртуализированные" характеристики, как осознанно поддерживаемые *этнические границы* и *этническая идентичность*. Руководствуясь своим полевым опытом, он хорошо понимал, что этнические группы уже существовали в более крупных *общественных* и *государственных* объединениях. "Это то, что Фернивал так четко ухватил в своем анализе *плюралистического общества* – *полиэтнического общества*, интегрированного рынком под контролем государственной системы, в которой доминирует одна из групп, но при этом сохраняется значительное пространство культурного разнообразия в религиозной и частной сферах деятельности" [14, р. 16]. Для того, чтобы не запутаться в описанной сложности, автор наметил для себя такой ориентир: "То, что может быть соотнесено с артикуляцией и различием на макроуровне, соответствует систематическому набору ролевых ограничений на микроуровне" [14, 17].

Поэтому в соответствии со своей основной целью Барт должен был решить и такую задачу: "Организационные характеристики, которые я буду обсуждать, должны быть *общими* для всех *межэтнических отношений*, поэтому они являются систематизированным *набором правил*, управляющих *межэтническими социальными ситуациями*". Вот, что представляет собой первая из установленных автором универсалий: "В любой организованной социальной жизни, то, что может направлять взаимодействия в *любой социальной ситуации* – это *предписание*" [14, р. 16]. По поводу второй было сказано следующее: "Каждая категория может быть сопоставлена с отдельным набором *ценностных стандартов*. Чем больше различий между такими ценностными ориентациями, тем больше *ограничений* в *межэтническом взаимодействии* они вызывают" [14, р. 18]. По-видимому, такие социологизированные выкладки должен был подкрепить авторитет И. Гофмана – редкого автора, на которого персонально счел нужным сослаться Барт.

Существование полиэтнических объединений (систем) автор объяснял следующим образом: "Необходимое обстоятельство, которое объединяет несколько этнических групп в общую *социальную систему*, связано с *комплиментарностью* таких групп и взаимным уважением к некоторым их характерным *культурным признакам*". Соответственно, "... там, где нет комплиментарности, нет и оснований для организации по этническим линиям..." [14, р. 18]. Понятно, что, расширив таким образом рамки объекта своих изысканий, Барт должен был показать, каким образом в подобных объединениях происходит реализация указанных им условий сохранения этнических групп. "В рассматриваемых системах механизм *поддержания границ* может быть осуществлен благодаря следующим причинам: а) их сложности, которая основывается на существовании важных *культурных различий*, комплиментарных друг к другу; в) стандартизованности этих различий в этнической группе, также как и кластеров *статусов* или *социальных личностей*...; с) *стабильности* культурных характеристик каждой этнической группы, позволяющей складываться комплиментарным различиям, на основе которых существуют системы в условиях тесных межэтнических контактов. При возникновении таких условий некоторые этнические группы могут создать стабильные и символические *адаптации* друг с другом, а остальные этнические *группы* региона становятся для них частью *природной среды*, сектором своей активности, создающим пространство, которое можно эксплуатировать..." [14, р. 19].

Автор учитывает: "Такая экологическая взаимозависимость может принимать несколько разных видов, на основе которых можно сконструировать рабочую *типологию*". Например: "Там, где две или несколько групп находят-

ся в контакте, их адаптации могут принять следующие виды. (1) Они могут занимать совершенно разные природные ниши и оставаться в минимальной конкуренции за ресурсы. В этом случае их взаимозависимость будет ограничена, несмотря на сосуществование в одном ареале, и она будет проявляться в основном через торговлю и, возможно, в церемониально-ритуальной сфере. (2) Они монополизируют отдельные территории и в этом случае будут конкурировать между собой, а их взаимодействие будет включать приграничную политику, которая может охватывать и другие территории. (3) Они могут предоставлять друг другу необходимые товары и услуги, т.е. занимать реципрокальные и другие ниши, но в тесной взаимосвязи" [14, p. 19]. Следует иметь в виду, уточнил Барт, что "Описанные альтернативы соответствуют стабильной ситуации. Но очень часто кто-то начинает искать четвертый вариант взаимодействия, когда две или более сопересекающиеся группы оказываются фактически в частичной конкуренции в одной нише. Со временем можно ожидать, что одна из таких групп, чтобы развиваться, будет замещать других или их взаимное приспособление будет проходить через нарастающую комплиментарность и взаимозависимость" [14, p. 19–20].

Далее автор конкретизировал еще один важный момент рассматриваемых взаимоотношений. "Каждая *популяция* зависит от *ресурсов* занимаемой ею природной ниши, определяющих верхний предел ее численности, соответствующий возможностям этой ниши на данный момент времени, и достижение стабильности в такой ситуации влечет за собой необходимость *контроля над численностью населения* популяции" [14, p. 21]. Понятно, что любое изменение в размерах одной из взаимосвязанных групп на определенной территории сказывается на состоянии других групп. Поэтому автор отметил: "При анализе полиэтничной системы на каждом отрезке времени нам необходимо понимать те процессы, при которых численность взаимозависимых этнических групп будет *сбалансирована* по своим размерам" [14, p. 21]. В свою очередь, "демографические проблемы анализа этнических взаимоотношений в регионе сводятся к практикуемым вариантам *рекрутирования* [индивидов] в этнические группы и вопросу, каким образом, учитывается, если вообще это делается, воздействие деятельности, осуществляемой каждой группой, на эксплуатируемые ею различные экологические ниши" [14, p. 20]. При обсуждении таких серьезных вопросов вызывает удивление использование Бартом определений такого рода, как "*человеческий материал* (так! – АК), организованный в этническую группу..." [14, p. 21].

Рассмотрел Барт и особые случаи межэтнических взаимоотношений: "Там, где одна этническая группа получает *контроль* над средствами производства, используемыми другими группами, возникают отношения *неравенства* и *стратификации*... Тем не менее во многих стратифицированных системах мы совсем не имеем дела с фиксированными стратами, ранжированность здесь просто основывается на *понятии шкалы* и признании *эго-центрированного уровня* людей, которые являются "мы" против тех, которые *отделены* от нас, так как представляются более вульгарными" [14, p. 27]. В значительной степени, как полагал автор: "Сохранность стратифицированной полиэтничной системы связана с существованием акторов, которые генерируют и поддерживают различное распределение объектов, осуществляют государственный контроль, как в некоторых современных плюралистических и расистских системах, оценочно фиксируют различия, что направляет усилия акторов в разных направлениях..." [14, p. 28].

Оценивая сложившееся положение дел в своей области исследований, Ф. Барт показал: "Альтернативный подход в антропологии был дихотомизирован этнографическим материалом, представляющим *идеальное* вместо *актуального*, *концептуальное* вместо *эмпирического*..." [14, p. 29]. Поэтому он решил от спекулятивных рассуждений перейти к оценке реальности существования этнических групп в современных условиях. Задача оказалась непростой, так как "в некоторых социальных системах этнические группы существуют при том, что ни один значимый аспект структуры здесь *не основывается на межэтнических отношениях*. ..." [14, p. 30]. Автор рассмотрел также возможные перспективы и варианты существования этнических групп в полиэтничных обществах [14, p. 33]. В своих построениях Барт учитывал еще одну особенность рассматриваемых реалий: "Тот факт, что большинство

современных общностей заметно *политизированы*, не делает их менее *этническими* по своему характеру. Подобные политические обстоятельства создают новые возможности формирования организационно сходных культурных различий ... и новые пути артикуляции дихотомизированных этнических групп". [14, p. 35].

Таким образом, проанализировав содержание Предисловия Ф. Барта, следует отметить несколько принципиальных моментов. Очевидно, что при таком соотношении объема и содержания текста для читателя возникали и возникают реальные сложности с его пониманием, так как статьи самого сборника зачастую уже решали другие в большей степени конкретные задачи. Поэтому часть проблем этой работы обусловлена буквально *тезисным* изложением некоторых достаточно *сложных* идей и положений. Отмеченные особенности Предисловия предполагают также некоторую *компетентность* теоретико-методологического характера у работающих с ней. Между тем новаторский в чем-то характер идей Барта заставляет сомневаться в требуемой подготовленности основной части специалистов для их адекватного понимания. Поэтому не приходится удивляться возникшей упрощенной *интерпретации* рассматриваемого текста, обеспечившей ему широкое признание. Странно, например, что, несмотря на обозначенные самим автором биологические корни важной для его концепции идеи *сохранения границ*, почему-то никто не заикнулся о "биологизаторстве проблемы этничности". Кроме того, куда-то "потерялось" свойство аскриптивности этнических групп, а основное внимание специалистов зафиксировалось только на другом их свойстве – *идентичности* и *само-аскриптивности*.

Поздний период деятельности Ф. Барта. Обращает также внимание, что в своих последующих публикациях Барт не уделял особого внимания предложенным им идеям, фактически повторяя выводы 1969 г. или же реагируя на появляющуюся критику в свой адрес. Так, только в одной из работ 1994 г. было сделано признание, что при создании своей концепции он использовал *теорию корпоративных групп* британской социальной антропологии. Показательно, что автору 25 лет спустя снова пришлось объяснять, почему он отдал предпочтение выбору *этнической идентичности* как признака социальной организации вместо *культуры* – "туманной" категории, по его выражению. После повторения своих положений о предписанности, этнических границах и других Барт только добавил, что в его раннем тексте 1969 г. уже содержался, возможно, один из первых опытов применения в антропологии более постмодернизированного подхода к культуре. Он также посчитал, что применил тогда и конструктивистский подход [15, p. 12]. Но мольеровский господин Журден тоже не сразу узнал, что он говорит прозой! Поздним новшеством явилось различение трех, а не двух уровней исследования проблемы: микро – индивиды, средний – создание и мобилизация групп, макро – государство и политика [15, p. 21]. Говоря другими словами, оказывается, наш автор вышел еще и в исследовательское поле этнополитологии, но это его достижение не было оценено.

Очень примечательным для оценки уровня концептуальности этого популярного "теоретика" представляется такой его призыв: "... начинать с частного и наблюдать его взаимосвязи во времени и во всем разнообразии" [3, с. 47]. Попал "поздний" Барт и под влияние постмодернистского вызова в антропологии, акцентировав внимание коллег на следующие проблемы: "1) каким образом возможно проникнуть в мир чужой культуры и обеспечить видимость его изображения, пользуясь при этом традициями нашей собственной системы знаний" [3, с. 49]. Тогда понятны его пессимистические откровения, например: все точки зрения субъективны и контекстуальны, все понятия – спорные [3, с. 51–52]. Но в одном он сохранил уверенность: "Я уже давно настаиваю на том, что для увеличения действенности нашей аналитической работы необходимо перейти от обобщающих *моделей культуры* к генеративным *моделям процессов*" [3, с. 53]. Следует также обратить внимание на еще один его призыв, учитывая "скромность" справочного аппарата к Предисловию: "Первый шаг – это научиться лучше и более конструктивно использовать уже достигнутое коллегами и предшественниками, исходившими из иных посылок". [3, с. 46]. Показательным по отношению к собственной концепции по

своему содержанию и стилистике является очерк Ф. Барта 2005 г., описывающий динамику развития британской социальной антропологии [16].

В другой публикации, являющейся осмыслением итогов своей деятельности, Барт снова повторил идею о необходимости изучать процессы, и создавать объяснительные генеративные модели, которые должны отличаться от принятых и сейчас структурно-функциональных моделей. "Генеративная модель ориентируется на установление регулярных событий, которые обуславливают возникновение *социальных* форм в локальной или региональной социальных системах" [17, p. 8]. Не очень внятно он смог объяснить "озарение", которое привело его к рассматриваемому открытию. "... ряд моих скандинавских коллег получили данные, на основе которых мы смогли отвергнуть принятое в антропологии соотношение категорий, при котором племя = культура = общество. Поэтому темой нашего симпозиума стала *этничность*" [17, p. 10]. Ф. Барт между тем уже к середине 1960-х гг. выпустил несколько работ, в которых использовал определение *этнические группы и этнические* процессы [10; 11]. Правда, тогда более известной стала все же его публикация 1966 с *социологическим* "уклоном" [12]. Появились в эти годы и другие работы автора о *социальных процессах* [13]. Гораздо большее значение этот автор в последующем придавал эмпирической и полевой работе [17, p. 15]. Не приходится удивляться, что на позднем этапе своей деятельности Барт занялся изучением ритуалов, но не продолжением разработок в области теории [9]. Получается, что сборник 1969 г. для самого Ф. Барта стал прорывом, с не понятно откуда появившимися базовыми идеями, которые у него самого не получили в последствии особого развития, несмотря на обрушившуюся на него популярность.

О чем умолчали Ф. Барт и его популяризаторы? В последнее время получены новые данные, которые побудили специалистов обратиться к оценке реального значения вклада Ф. Барта в теорию этничности и этно/антропологическую науку. Изучением указанных и других вопросов, связанных с появлением "Этнических групп и границ", занимаются чешский антрополог М. Якубек и его коллеги. Якубека очень заинтересовал феномен необычной популярности Предисловия к этому сборнику. Поработав с публикациями, которые ссылались на "Barth 1969", он привел очень впечатляющий список достижений, которые их авторы нашли в этом тексте [26, p. 170–171]. По его наблюдению, особенно усердствовали в этом "восхвалении" авторы из Восточной Европы, т. к. считалось, что после крушения социалистического блока они должны для публикации своих работ цитировать новых "классиков" или им прямо рекомендовали сделать это [26, p. 172]. В результате Якубек пришел к следующему выводу: "Становится очевидным, что в бесчисленном количестве случаев, сноски не имеют отношения к самому тексту Барта... Строго говоря, ссылка "Barth 1969" может относиться к чему угодно [26, p. 173].² Поэтому Якубеку оставалось только констатировать, что такие рекордные по количеству ссылки стали симулякром, так как сама работа и ссылки на нее существуют сами по себе. Установленный казус стал возможен из-за укоренившегося мнения, что этничность = Барт [8; 26, p. 173–174]. Критически он высказался и по поводу самой "концепции": "У Барта 1969 этничность стала *объясняющим*, а не *объясняемым*, т.е. *инструментом* анализа, а не его *объектом*..., что свидетельствует о доминировании его теории над фактами. С этой точки зрения "этничность" не может рассматриваться как установленный *позитивный факт*, существование которого может быть зафиксировано в мире, но она в своей основе является результатом *теории* или *теорий*, спроецированной на (социальный) мир [26, p. 174]. Поэтому: ... если мы намерены исследовать этничность, нам вероятнее всего придется заниматься этническими группами, этнической идентичностью, этническими конфликтами [26, p. 175].

Поскольку при подготовке юбилейного издания были получены новые данные, то Якубек дополнительно еще написал несколько статей по поводу концепции Ф. Барта. Сначала они вместе Л. Будиловой "ритуально" повторили похвалы норвежскому "классику", "совершившему фундаментальный

² Автор знает, что еще раньше сходную ситуацию не только в отношении Предисловия Барта, но и таких известных работ, как "Воображаемые сообщества" Б. Андерсона (1983 г.) и "Изобретение традиции" Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера (1983 г.), описал М. Бэнкс.

поворот в этнических исследованиях" [28, p. 14]. Но у них уже появились вопросы и по поводу оригинальности, и фундаментальности его текста. Авторы отметили, что идеи нашего норвежского антрополога получили сначала широкое признание в Европе, но не в США. По приведенному ими свидетельству В.Г. Локвуда: "... Этнические группы и границы никогда не рецензировались в "Американском антропологе" или в каком-либо из ведущих социологических журналов Соединенных Штатов [28, p. 15]. Но, как выяснилось, не все просто складывалось и в отношениях Барта с европейскими, прежде всего британскими, коллегами. Раньше еще один известный норвежский антрополог Т.Х. Эриксен, обычно писавший очень положительно о своем предшественнике, был вынужден отметить "прямую преемственность между двумя книгами: работа Э. Лича стала важным источником вдохновения для Барта и явилась одной из главных тем обсуждения на симпозиуме 1967 г. в Бергене" [19, p. 21]. Основное отличие этих текстов заключается в том, что Э. Лич, как и другие британские антропологи (Глюкман, Митчел и Майер), фактически, обсуждая этнические проблемы, не использовали термин этничность. Не случайно уже было высказано мнение о том, что Барт произвел простую терминологическую замену, предложив использовать определение *этническая группа* вместо более привычного – *племя* [8, p. 25]. В Европе такие перемены были восприняты как нечто принципиальное, так как до этого термин этничность применялся, как уже отмечалось, только у американских социологов Глейзера и Монихайна, а сам Барт, сформированный в традициях британской социальной антропологии, до появления Предисловия не использовал его, довольствуясь понятием *социальная группа* [24; 25].

Все эти свидетельства побудили чешских авторов задуматься о причинах столь внезапного "озарения": "Сейчас трудно определить тот момент, когда Барт отказался от прежней терминологии, в которой еще не было этничности, и когда он уже включил этничность в свой оборот. Более того, невозможно определить, что именно явилось *причиной такого признания* и почему такая *перемена* в его взглядах не произошла *ранее*". Они же обратили внимание и на другое обстоятельство: "Ситуация еще больше усугубляется потому, что сам Барт ретроспективно комментировал свои работы до 1967 – 1969 гг. таким образом, как будто он уже использовал термин этничность в это время. Но получается, что он просто проецировал эту этничность в свои ранние тексты (хотя на самом деле ее там не было)" [28, p. 21]. Стоит ли тогда удивляться и таким замечаниям: "Не забудем, что теоретическая позиция Барта, представленная в его Предисловии, противоречит в некоторых моментах по содержанию главе о его же исследованиях среди патанов...", – отмеченное рядом авторов [28, p. 21]. Приведенные наблюдения уже тогда позволили Якубеку и Будиловой прийти к выводу: "Следовательно, престиж и успех "Этнических групп и границ" на самом деле являются проблемой для исследования, вопросом, на который мы должны еще найти ответ" [28, p. 22].

Затем Якубек продолжил свое уже "постпарадное" исследование бартовского текста, например, в статье с подзаголовком "Об *амнезии* в исследованиях этничности". В ней он снова напомнил хвалебные отзывы по поводу Предисловия: "вступление в новую эру исследований этничности", "ключевой поворот в антропологическом понимании культуры и этничности", "исследования этничности может быть разделено на две разные эпохи Д[о] Б[арта] и П[осле] Б[арта]". Но затем Якубек снял этот пафос своими неудобными вопросами к Ф. Барту. Он снова повторил, почему "классик" не указал, что симпозиум 1967 состоялся под явным влиянием работы Э. Лича о Качине? Автор согласен, что "... Ф. Барт стал символом *субъективистского* поворота в изучении *этничности*" [27]. Современный критик увидел одну из причин такого признания в том, что "... все достижения в исследовании этнических объединений до публикации "Этнических групп и границ" понемногу *были забыты*, и потому этот изданный сборник и персонально Предисловие Барта стали общепризнанным началом *виртуального*, всем понятного изучения этнических процессов" [27].³ Поэтому Якубек настроен более критично: "При

³ Как известно, об этническом в значении субъективного осознания принадлежности к группе, которая отличается общепринятой культурой и единством происхождения, писал еще М. Вебер.

всем уважении к их концептуальности "Этнические группы и границы" не являются чем-то оригинальным, и они не предлагают никакого нового подхода" [27]. Для меня особо важное значение имеет другое наблюдение коллеги: "С этим подходом, основанным на концепте экологических ниш, или экологических факторов, влиявших на расселение этнических групп, он (Барт-АК) скорее выглядел как одинокая *фигура*, которая *концептуально никому не соответствовала в дискурсе исследований этничности*". В результате он снова повторил: "Тем не менее мы постараемся показать, что престиж и успех этого издания являются скорее проблемой для исследования и вопросом, на который пока еще нет ответа" [27].

Российский "след" в концепции Барта. Перечень вопросов, поставленных чешскими коллегами, можно еще дополнить, как и дать ответы на некоторые из них, основываясь на дополнительных данных. Этническое "дисидентство" Барта отчасти можно связать с его скандинавскими корнями. Например, в Швеции еще в 1936 г. и до настоящего времени издается Этнографическим музеем в Стокгольме (открыт в 1930 г.) журнал "Этнос". Сама идея использовать греческое слово *этнос*, от которого производной является *этничность*, как новый научный термин, вероятно, возникла во французской этнографии/этнологии. Однако не случайно, что этот термин получил быстрое признание среди российских ученых, связанных с Петербургом и учившихся в Париже (Н.М. Могилянский, Ф.К. Волков, С.И. Руденко и др.) [1]. В греческом языке слово этнос имело значения: общество, группа, пол, племя, народность, народ, языческие племена, род, вид, порода, стая [4]. По-видимому, "коллективистский" его смысл оказался более приемлемым для этнографов из России, а не "индивидуалистической" Франции. К этой группе петербургских ученых относился и С.М. Широкогоров (1887–1939). Значение его идей для "озарения" Ф. Барта, может быть, невольно показали Д. Андерсон и Д. Арзютов в своей попытке дискредитации значения теории этноса этого замечательного российского исследователя. Они привели свидетельство бывшего студента Барта Д. Турмансониса о том, что этот профессор в 1960-х гг. очень интересовался нашим соотечественником, а также его идеями и настойчиво рекомендовал своим студентам делать то же самое. Поведали горе критики и о том, что сходство идей Барта и Широкогорова уже обсуждали с ними разные зарубежные специалисты [2]. Поскольку подобные заявления касаются принципиальных обстоятельств, то необходимо проанализировать, насколько они соответствуют действительности.

Заслуга С.М. Широкогорова заключается в том, что он преобразовал термин этнос в важную категорию/концепт, разработав первое серьезное теоретическое его обоснование. Сохранившаяся версия теории этноса С.М. Широкогорова известна нам по изданной в 1923 г. в Шанхае на русском языке монографии "Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений". Однако вскоре сам автор подготовил пространную и краткую англоязычные версии этой работы [30; 31]. Кроме того, новая трактовка ряда важных положений, касающихся теории этноса, содержится в опубликованной в 1935 г. на английском языке монографии Широкогорова "Психоментальный комплекс тунгусов" [32]. Поэтому эти издания вполне были доступны Барту. В сжатом виде основные идеи российского ученого могут быть представлены следующим образом.⁴

В первой редакции своей теории С.М. Широкогоров еще считал: "*этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп*". Это и есть *этническая единица*, – объект науки этнографии [7, с. 9]. Конечно, в своем определении той же этнической группы Барт не дословно копировал Широкогорова. Но его общий посыл – аскриптивность и идентификация – вполне соответствует духу его предшественника, который уточнил, что его интересует "... этнос, осознаваемый им самим как группа людей, объединенных единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни" [7, с. 92]. Широкогоров сначала включил в свою "единицу" как составные компоненты

⁴ Подробнее про эту теорию см. Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогорова и ее критика // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 14–25.

культуру и общество (социальную культуру). Возникновение разных этносов в этой теории объяснялось адаптацией к трем видам среды: *природной, культурной*, созданной самим этносом, и *межэтнической*, формируемой другими этносами. Отношения с каждой из рассматриваемых видов среды получили в теории российского ученого достаточно развернутое освещение. Демографический фактор тоже получил свое место в его теории: "Для этноса признаками, указывающими на умелую приспособляемость в отстаивании своего права на жизнь, является прежде всего его численный состав по отношению к другим этносам... и сохранение численного состава на определенном уровне" [7, с. 61].

Важное значение в теории С.М. Широкогорова отводилось принципу *равновесия*, которому должны были соответствовать основные компоненты, составляющие этнос. Принял он также идею Д.А. Коропчевского о *взаимосвязи* занимаемой территории, численности населения и уровня развития культуры этноса – как факторов, влияющих на его состояние (стабильное, развитие или упадок). Однако для нашего автора эти механизмы адаптации и факторы имели значение не только сами по себе. Уже в этой редакции своей теории он учитывал: "*Осознание* этносом отношения его к среде, как и *осознание* процесса движения при расселении и бытии, составляет содержание *духовной культуры этноса*..." [7, с. 99]. В своем анализе межэтнических отношений Широкогорov пришел к выводу о том, что "... для каждого этноса другие этносы являются также *средою*, которая в свою очередь может изменяться под влиянием наблюдаемого нами этноса" [7, с. 60]. Подробно он рассмотрел также различные аспекты межэтнических взаимодействий: "... эти отношения могут принять самые различные формы, – форму *сотрудничества*, форму *взаимных выгод*, форму *паразитизма* и форму *поглощения* или *слияния*..." [7, с. 61].

В новую редакцию теории в 1935 г. С.М. Широкогорov внес два принципиальных изменения. Во-первых, он предложил рассматривать этнос как *процесс*, в который включены *этнические общности*. Во-вторых, он отказался использовать категорию *культуры* в своей теории, сведя ее только к реалиям *материальной культуры*. Все остальные явления, включавшиеся ранее в эту категорию, он выделил как *психоментальный* комплекс, являющийся основным достоянием этнической общности. Это новое понятие объединяло в себе как бессознательные, так и сознательные составляющие, воплощенные в историческом опыте, реальных знаниях, верованиях, представлениях о мире, своей и других общностях, а также о человеке [32, р. 1–6, 12–19].

Следовательно, можно констатировать, что именно С.М. Широкогорov еще в 1920-х гг. обосновал в своей теории значение этноса как исходной "единицы", совокупность которых составляет человечество, а также самостоятельный его статус по отношению к культуре и обществу. Он же объяснил образование этнических общностей путем адаптации разных групп людей к природной, культурной и этнической средам. Поэтому российский автор рассмотрел вопросы существования этих объединений и в разных экологических условиях (нишах). Так что М. Якубек не прав, когда утверждал, что Барт со своим интересом к экологическим нишам выглядел как "*одинокая фигура*". Российский ученый еще раньше уже обсуждал эти вопросы! Достаточно обстоятельно Широкогорov исследовал возможные варианты *межэтнического взаимодействия* и факторы, оказывающие влияния на эти отношения. Как было показано ранее, описание этих отношений тоже является одной из важных составляющих концепции Барта.

В 1930-е г. С.М. Широкогорov стал уже трактовать этнос как *процесс*, а вместо категории культуры он предложил использовать понятие *психоментального комплекса*. Тем самым ранее подчеркиваемая роль функции *осознания* этническими общностями себя и своего развития получила новое осмысление и стала играть ключевую роль в его теории. То есть российский автор снова предвосхитил и *субъективистский поворот* в изучении этнических проблем, как и призыв Барта заниматься изучением процессов. Учитывая диагноз М. Якубека "амнезия", поставленный Барту в отношении заимствований у британских коллег, не приходится удивляться и его "вольному" обращению с идеями российского исследователя. Оригинальность же текста самого автора Предисловия для меня проявилась в предложении исследовать

операцию по поддержанию границ этнических групп и, вероятно, в рассмотрении условий их существования в государствах с полиэтничным составом населения.

Таким образом, проделанный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, слишком большое количество совпадений между идеями работ С.М. Широкогорова и текстом Ф. Барта уже не оставляет сомнений, что именно работы нашего соотечественника послужили источником вдохновения весомой части Предисловия зарубежного "классика". Вероятнее всего, он познакомился с работами С.М. Широкогорова где-то в 1960-х гг. и был впечатлен ими. Во-вторых, отмеченные особенности Предисловия Барта дают основание рассматривать их как признаки *скороналительности* его написания. Отсюда компилятивный характер основной его части и "амнезия" с оформлением справочного аппарата. Уже сделанное замечание, что сам "классик" оказался не готов к успеху "Этнических групп и границ", только подтверждает такие выводы. В таком случае становится понятно, почему в скором времени концепция этничности была оттеснена на второй план концепцией идентичности. Не менее показательным в этом отношении и непризнание особых заслуг Барта в развитии новой дисциплины – исследовании границ (погранологии).

Литература

1. Алымов С.С. У истоков теории этноса: Н.М. Могилянский и петербургская антропология конца XIX – начала XX вв. // Три века российской этнографии. М.: Наука, 2017. С. 140–160.
2. Арзютов Д.В., Андерсон Д. Дж. "Двойное послание" этноса. Комментарий к статье В.А. Тишкова // Этнографическое обозрение, 2020. № 2. С. 101–106.
3. Барт Ф. Личный взгляд на современные задачи и приоритеты в культурной и социальной антропологии // Этнографическое обозрение, 1995. № 3. С. 45–54.
4. Греческо-русский словарь. URL: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-18464.htm?ysclid=lgvgsfttsr687808374> (дата обращения: 28.04.2023).
5. Трушина Н.А. Смерть автора и наследие Фредрика Барта // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 199–203.
6. Хизриева Г. О Фредрике Барте и книге "Этнические группы и социальные границы" // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Под ред. Фредрика Барта. М.: Новое издательство, 2006. С. 188–199.
7. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Широкогоров С.М. Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002. 146 с.
8. Banks M. Ethnicity: Anthropological Constriction. L.: Routledge, 1996. 210 p.
9. Barth F. A Bibliography. Compiled by F. Anderson and F. Haugane. Universitetsbiblioteket i Oslo, 2012. 40 p.
10. Barth F. Ecologic relationships of ethnic groups in Swat, North Pakistan // American Anthropologist. 1956. № 58. P. 1079–1089.
11. Barth F. Ethnic processes on the pathan baluch boundary // Indo-Iranica: Mélanges Présentés à Georg Morgenstierne à l'Occasion De Son Soixante-Dixième Anniversaire. (Ed.) G. Redard, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964. P. 13–20.
12. Barth F. Models of social organization // Royal Anthropological Institute. Occasional Paper. 1966. № 23. 32 p.
13. Barth F. On the Study of Social Change // American Anthropologist. 1967. Vol. 69. № 6. P. 661–669.
14. Barth F. Preface // Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference. Bergen Oslo Universitets Forlaget. London: George Allen and Unwin, 1969. P. 9–58.
15. Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // Anthropology of Ethnicity, beyond "Ethnic Groups and Boundaries". Amsterdam: Hel Spinhuis, 1994. P. 11–33.
16. Barth F. British and Commonwealth // One Discipline, Four Ways: British, German, French and American Anthropology. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 3–60.
17. Barth F. Overview: Sixty Years in Anthropology // Annual Review Anthropology. 2007. № 36. P. 1–16.
18. Borofsky R. An Anthropology of Anthropology. Is it Time to Shift Paradigms. Kailua: Center for a Public Anthropology, 2019. 345 p.
19. Eriksen T. H. Fredrik Barth: An Intellectual Biography. London: Pluto Press, 2015. 249 p.
20. Eriksen T. Obituary. Fredrick Barth (1928–2016) // Anthropology Today. 2016. Vol. 32. № 2. April. P. 28.

21. Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference. Bergen Oslo Universitets Forlaget, London: George Allen and Unwin, 1969. 153 p.
22. Ethnic Groups and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years. T. H. Eriksen, M. Jakoubek (eds.) Routledge, Oxon, 2019. 219 p.
23. Fredrik Barth: A Bibliography. Compiled by F. Anderson and F. Haugane. Universitetsbiblioteket i Oslo, 2012. 40 p.
24. Glazer N. Ethnic Dilemma 1964–1982. Cambridge.: Mass. Harvard University Press, 1983. 384 p.
25. Glazer N., Moynihan D.P. Ethnicity: Theory and Experience. Harvard University Press; Revised ed. edition 1995. 512 p.
26. Jakoubek M. A "hollow" legacy of Ethnic Groups and Boundaries. A critique of the reading and quoting "Barth 1969 // Ethnic Groups and Boundaries Today. A legacy of fifty years. Ed. By T.H. Eriksen, N. Jakoubek. L., NY.: Routledge. Taylor and Francis Group, 2019. P. 169–186.
27. Jakoubek M. A breakthrough of Ethnic Groups and Boundaries – reality or a myth? (On amnesia in ethnicity studies) // Ethnicities. 2021. Volume 22, Issue 2, April. P. 177–195.
28. Jakoubek M., Budilova L.J. Ethnicity and the boundaries of ethnic studies // Anthropological Notebooks. 2019. XXVII. (1). P. 13–26.
29. Jenkins R. Fredrik Barth: an ethnographer's ethnographer and a theorist's theorist // Nations and Nationalism. 2016. 22(3). P. 411–414.
30. Shirokogoroff S.M. Ethnos: An outline of theory. Peiping: Catholic University Press, 1934. 73 p.
31. Shirokogoroff S.M. Ethnical Unit and Milieu. A Summary of the Ethnos. Shanghai: Edward Evance and Sons, LTD, 1924. 36 p.
32. Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935. 469 p.
33. Verdery K. Ethnicity, nationalism and state-making. Ethnic groups and boundaries: past and future // The Anthropology of Ethnicity: Beyond 'Ethnic Groups and Boundaries' Ed. by H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam. Het Spinhuis, 1994. P. 33–58.

References

1. Alymov S.S. At the origins of the theory of ethnos: N.M. Mogilyansky and St. Petersburg anthropology of the late XIX – early XX centuries. // Three centuries of Russian ethnography. M.: Nauka, 2017. P. 140–160.
2. Arzyutov D.V., Anderson D.J. "Double message" of the ethnos. Commentary on the article by V.A. Tishkova // Ethnographic review. 2020. № 2. P 101–106.
3. Bart F. A personal look at modern tasks and priorities in cultural and social anthropology // Ethnographic Review, 1995. № 3. P. 45–54.
4. Greek-Russian dictionary. URL: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-18464.htm?ysclid=lgvgsftsr687808374> (accessed 04/28/2023).
5. Trushina N.A. The Death of the Author and the Legacy of Fredrik Barth // Siberian Historical Research. 2021. № 3. P. 199–203.
6. Khizrieva G. About Fredrik Barth and the book "Ethnic groups and social boundaries" // Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences. Ed. Fredrik Barth. M.: New publishing house, 2006. P. 188–199.
7. Shirokogorov S.M. Ethnos. Study of the main principles of change in ethnic and ethnographic phenomena // Shirokogorov S.M. Ethnographic research. Book two. Ethnos. Vladivostok: Far Eastern University Press, 2002. 146 p.
8. Banks M. Ethnicity: Anthropological Constriction. L.: Routledge., 1996. 210 p.
9. Barth F. A Bibliography. Compiled by F. Anderson and F. Haugane. Universitetsbiblioteket i Oslo, 2012. 40 p.
10. Barth F Ecologic relationships of ethnic groups in Swat, North Pakistan // American Anthropologist 1956. 58: 1079–1089.
11. Barth F Ethnic processes on the pathan baluch boundary. //: Redard G (ed), Indo-Iranica: Mélanges Présentés à Georg Morgenstierne à l'Occasion De Son Soixante-Dixième Anniversaire. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964. P. 13–20.
12. Barth F. Models of social organization. Royal Anthropological Institute. Occasional Paper № 23, L., 1966. 32 p.
13. Barth F. On the Study of Social Change // American Anthropologist. 1967. Vol. 69. № 6. P. 661–669.
14. Barth F. Preface // Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference. Bergen Oslo Universitets Forlaget. London: George Allen and Unwin, 1969. P. 9–58.
15. Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // Anthropology of Ethnicity , beyond "Ethnic Groups and Boundaries". Amsterdam: Hel Spinhuis, 1994. P. 11–33.

16. Barth F. *British and Commonwealth // One Discipline, Four Ways: British, German, French and American Anthropology*. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 3–60.
17. Barth F. *Overview: Sixty Years in Anthropology // Annual Review Anthropology*. 2007. № 36. P. 1–16.
18. Borofsky R. *An Anthropology of Anthropology. Is it Time to Shift Paradigms*. Kailua: Center for a Public Anthropology, 2019. 345 p.
19. Eriksen T. H. *Fredrik Barth: An Intellectual Biography*. London: Pluto Press, 2015. 249 p.
20. Eriksen T. *Obituary. Fredrick Barth (1928–2016) // Anthropology Today*. Vol. 32. № 2. April, 2016. 28 p.
21. *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*. Bergen Oslo Universitets Forlaget, London: George Allen and Unwin, 1969. 153 p.
22. *Ethnic Groups and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years*. T. H. Eriksen, M. Jakoubek (eds.) Routledge, Oxon, 2019. 219 p.
23. *Fredrik Barth: A Bibliography*. Compiled by F. Anderson and F. Haugane. Universitetsbiblioteket i Oslo, 2012. 40 p.
24. Glazer N. *Ethnic Dilemma 1964–1982*. Cambridge.: Mass. Harvard University Press, 1983. 384 p.
25. Glazer N., Moynihan D.P. *Ethnicity: Theory and Experience*. Harvard University Press; Revised ed. edition 1995. 512 p.
26. Jakoubek M. A "hollow" legacy of Ethnic Groups and Boundaries. A critique of the reading and quoting "Barth 1969 // *Ethnic Groups and Boundaries Today. A legacy of fifty years*. Ed. By T.H. Eriksen, N. Jakoubek. L., NY.: Routledge. Taylor and Ftrncis Group, 2019. P. 169–186.
27. Jakoubek M. A breakthrough of Ethnic Groups and Boundaries – reality or a myth? (On amnesia in ethnicity studies) // *Ethnicities*. 2021. Volume 22, Issue 2, April. P. 177–195.
28. Jakoubek M., Budilova L.J. *Ethnicity and the boundaries of ethnic studies // Anthropological Notebooks*. 2019. XXVII. (1). P. 13–26.
29. Jenkins R. *Fredrik Barth: an ethnographer's ethnographer and a theorist's theorist // Nations and Nationalism*. 2016. 22(3). P. 411–414.
30. Shirokogoroff S.M. *Ethnos: An outline of theory*. Peiping: Catholic University Press, 1934. 73 p.
31. Shirokogoroff S.M. *Ethnic Unit and Milleu. A Summary of the Ethnos*. Shanghai: Edward Evance and Sons, LTD, 1924. 36 p.
32. Shirokogoroff S.M. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1935. 469 p.
33. Verdery K. *Ethnicity, nationalism and state-making. Ethnic groups and boundaries: past and future // The Anthropology of Ethnicity: Beyond 'Ethnic Groups and Boundaries'* Ed. by H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam. Het Spinhuis, 1994. P. 33–58.

Информация об авторе

Анатолий Михайлович Кузнецов, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Information about the author

Anatoly M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Поступила в редакцию 10.05.2023

Одобрена после рецензирования 11.08.2022

Принята к публикации 24.08.2023

Received 10.05.2023

Approved 11.08.2022

Accepted 24.08.2023

Научная статья
УДК 930.25(571.53)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/98-107>

Влияние китайской организованной преступности на криминальную обстановку Восточной Сибири в начале XX века

Артем Сергеевич Петров
Забайкальский государственный университет, Чита, Россия, partem11@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе разноплановых исторических источников осуществлен анализ влияния китайских преступных группировок на развитие преступности в Восточной Сибири в начале XX века. Исследованием доказывается, что китайские уголовники в составе организованных преступных групп достаточно часто проникали в приграничные города и сельскую местность восточной части Сибири. В условиях таёжной и сельской местности обычно делали вылазки банды, состоявшие из 10–40 хунхузов. В городах совершали преступления более мелкие группировки в составе 3–4 человек. При этом хунхузы, действовавшие в Восточной Сибири, были хорошо оснащены огнестрельным оружием. В период Первой мировой войны присутствие организованного китайского криминалитета на территории Российской империи приобрело особенно массовый характер. Приграничное расположение Восточной Сибири существенно осложняло борьбу органов правопорядка с хунхузничеством.

Ключевые слова: *Российская империя, Восточная Сибирь, Китай, хунхузы, преступления*

Для цитирования: Петров А. С. Влияние китайской организованной преступности на криминальную обстановку Восточной Сибири в начале XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 98–107. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/98-107>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/98-107>

The influence of Chinese organized crime on the criminal situation in Eastern Siberia at the beginning of the XX century

Artem Sergeevich Petrov
Transbaikal State University, Chita, Russia, partem11@rambler.ru

Abstract. Based on diverse historical sources, the article analyzes the influence of Chinese criminal gangs on the development of crime in Eastern Siberia at the beginning of the 20th century. The study proves that Chinese criminals as part of organized criminal groups quite often penetrated the border cities and rural areas of the eastern part of Siberia. In the conditions of the taiga and rural areas, gangs consisting of 10–40 hunghuz usually made sorties. In cities, smaller groups of 3–4 people committed crimes. At the same time, the Honghuzi operating in Eastern Siberia were well equipped with firearms. During the First World War, the presence of organized Chinese criminals on the territory of the Russian Empire became especially widespread. The border location of Eastern Siberia significantly complicated the struggle of law enforcement agencies against the Hunhuzism.

Key words: *Russian Empire, Eastern Siberia, China, Honghuzi, crimes*

For citation: Petrov A. S. The influence of Chinese organized crime on the criminal situation in Eastern Siberia at the beginning of the XX century // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 98–107. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/98-107>

Организованная преступность – это одна из острейших проблем современной действительности. Общемировые процессы глобализации существенным образом влияют в том числе и на организованную преступность, которая в последние годы приобретает всё более и более транснациональный характер [46, с. 5–7; 51, с. 4]. В современных условиях оптимизации инструментария противодействия организованной транснациональной преступности увеличивается исследовательский интерес к вопросу становления и развития этого негативного явления.

Приступая к исследованию заявленной проблемы, отметим, что под организованной преступностью автор понимает специфическую форму преступности, которая предполагает совместное совершение преступлений несколькими лицами (соучастниками) на определенной территории и в определенный период времени. Обычно для организованной преступности (для организованных преступных групп) характерны: иерархическое устройство, коррупционные связи с представителями власти, устойчивость преступной деятельности, общая для соучастников материально-техническая база, тенденции к слиянию с другими преступными группировками (организациями),

раздел сфер влияния между преступными группировками [1; 2, с. 629–633; 50, с. 355–357].

История Восточной Сибири особенным образом связана с преступностью. Многие аспекты этой проблемы учёными в прошлом уже анализировались. Однако некоторые вопросы всё ещё требуют научного внимания исследователей. К таковым можно отнести проблему китайской организованной преступности на территории Восточной Сибири в начале XX века.

Целью данного исследования является системный анализ влияния китайских организованных преступных групп на криминальную обстановку в Восточной Сибири в начале XX века. Методологическую основу исследования составляют положения о цивилизационной модернизации общества и о взаимосвязи всех явлений общественной жизни. Организованная китайская преступность исследовалась автором посредством историко-системного подхода, что позволило рассматривать изучаемый объект как составную часть преступности начала XX века в Восточной Сибири. В работе использовались историко-сравнительный и статистический методы, а также методы общенаучного анализа, сопоставления и обобщения. Исследование основывается на статистических источниках, делопроизводственной документации различных ведомств, а также материалах периодической печати начала XX века.

Проблема китайского бандитизма в начале XX века в Восточной части Российской империи поднималась многими учёными, в том числе Н.А. Шабельниковой, Д.В. Ершовым, А.И. Петровым, Ф.В. Соловьевым, В.В. Синиченко, Г.А. Сухачёвой. Проанализировав огромный объем фактического материала, исследователи приходили к неизменному выводу о массовости этого явления на территории Дальнего Востока Российской империи в начале XX века [16, с. 220–233; 26, с. 112–132; 47, с. 88–110; 44, с. 185–188; 45, с. 170–184; 49, с. 92–95; 53, с. 415–417]. Существенный вклад в разработку проблемы хунхузничества внесли также исследователи китайской миграции в начале XX века на русский Дальний Восток [7, с. 480–510; 8, с. 188–196; 21, с. 126–132; 24, с. 330–348; 48, с. 244–256; 27; 31, с. 14–18; 32, с. 125–128]. Следует отметить, что ценный фактический и статистический материал о китайской организованной преступности в начале XX века содержится также в работах, посвященных правоохранительным органам Дальнего Востока Российской империи [6; 52, с. 48–50; 54, с. 34–36]. Примечательно, что основательной исторической проработке подвергалась в большей мере иностранная преступность дальневосточных территорий Российской империи. Иностранная преступность Восточной Сибири удостоилась внимания учёных в меньшей степени.

По уровню криминализированности Прибайкалье и Забайкалье Российской империи в начале XX века обычно находились в числе лидеров. Согласно статистике, в пересчете на число жителей тяжких преступлений в Восточной Сибири ежегодно регистрировалось гораздо больше, чем в среднем по стране. Например, в 1907 г. в Иркутской губернии, где проживало 564 300 жителей, было зарегистрировано 4453 тяжких преступлений. В Забайкальской области, где проживало 741 900 жителей, было зарегистрировано 2882 тяжких преступлений. В пересчете на число жителей это было в 1,5 раз больше, чем в среднем по Российской империи. Особенно же много из года в год в восточной части Сибири совершалось убийств. Так, в 1907 г. только убийств в Иркутской губернии было совершено 678. В Забайкальской области было совершено 493 убийств. В пересчете на число жителей это было примерно в 2,5 раза больше, чем в среднем по Российской империи. Даже в таком особенно криминальном городе как Санкт-Петербург, где проживало 1 662 300 жителей, было зарегистрировано 580 убийств. Тяжких преступлений в этот год в Санкт-Петербурге было зарегистрировано 10 386 (ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 133. Л. 78–78об, 113об–114, 122об–123)¹ [14, с. 29–53, 54–59; 39, с. 145, 162, 163, 171, 175; 40, с. 42, 43]. В 1908 г. в Иркутской губернии было зарегистрировано 4283 тяжких преступлений, в Забайкальской области – 2730. В пересчете на число жителей это также было примерно в 1,5 раз больше, чем в среднем по стране. Убийств в Иркутской губернии, где в этот год проживало уже 577 700 жителей, было совершено 623. В Забайкальской области, где в этот год проживало

¹ ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края.

745 600 человек, было совершено 488 убийств. В пересчете на число жителей это было примерно в 3 раза больше, чем в среднем по Российской империи. В Санкт-Петербурге, где в этот год проживало уже 1 864 900 человек, было зарегистрировано всего 501 убийство. Всего тяжких преступлений в этот год в Санкт-Петербурге было зарегистрировано 9 997 [15, с. 29–50, 52, 53, 54; 41, с. 137–138, 141; 42, с. 44, 45; 25, с. 80].

Высокий уровень преступности Восточной Сибири был обусловлен многими факторами. Особое влияние исходило от многолетней ссылки в регион уголовного элемента, массовости каторжных и тюремных учреждений, малочисленности органов правопорядка, отдаленности от административного центра страны, объемности региона, низкой плотности населения, слабой освоенности региона, малого количества населённых пунктов, распространённости в обществе огнестрельного оружия, множества таёжных мест и т.д. Существенное воздействие исходило и от иностранных иммигрантов. И если иммигранты из таких азиатских стран, как Монголия, Корея, Япония, доставляли Российской империи не особенно много трудностей, то иммигранты из Китая приносили множество проблем, особенно связанных с преступностью (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1914 г. Секретарская часть. Д. 41. Л. 1–17)² [4, с. 16–17; 7, с. 12–40; 8, с. 15–28; 10; 52, с. 42]. Промысловые богатства Восточной Сибири, возможность торговли и заработка в добывающей промышленности региона, а также реальная возможность перехода (в том числе и возможность незаконного перехода) через российско-китайский участок государственной границы порождали массовую китайскую миграцию, которая обладала очень высоким уровнем криминальности [28, с. 45–46].

Следует отметить, что территорию Восточной Сибири в начале XX века достаточно часто посещали различные китайские бродяги, мелкие воришки и хулиганы, которые не представляли особой опасности для российского населения. Однако периодически в регионе появлялись и достаточно опасные представители профессиональной китайской организованной преступности, которых в исследуемый период обыватели называли "хунхузы" или "хункузы" (ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15048. Л. 176; ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 10–14об) [1, с. 25]. Отметим, что хунхузами в самом Китае в начале XX века называли китайцев, входивших в состав организованных преступных сообществ, а слово "хунхуз" в переводе обозначало "красная борода" или "краснобородый" [38, с. 924; 53, с. 413–414]. Многие дореволюционные исследователи отмечали, что Манчжурия (северная часть Китая) была особенно богата хунхузами [44, с. 178–179]. Скрываясь от правительства Китая, эти нередко бездомные и бесхозяйные люди организовывались в достаточно крупные банды. Жили они благодаря преступлениям и всегда были готовы на любое рискованное мероприятие, в том числе и за пределами собственного государства [20; 33, с. 194–218; 38, с. 924]. В поисках криминального заработка хунхузы достаточно часто приходили и на российскую территорию (ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10325. Л. 465об, 511об; Ф. 26. Оп.1. Д. 427. Л. 56, 58об) [5; 11; 22].

Согласно научным данным, огромное количество китайских преступных сообществ в исследуемый период было сосредоточено на территории Приамурья и Приморья [52, с. 45–46]. Однако особенная криминальная активность хунхузов наблюдалась в приграничных районах Восточной Сибири. К примеру, в 1909 г. во Владивостоке китайские иммигранты в общей сложности были осуждены за совершение 9 убийств, в Иркутске – 2, а в административном центре Забайкальской области (г. Чите) – 34 [19, с. 130].

Анализ направляемых в Департамент полиции сводок правонарушений из Забайкальской области показал, что среди подозреваемых лиц подданные Китая встречались особенно часто. При этом в качестве убийц китайские иммигранты фигурировали чаще любого другого сословия, в том числе чаще крестьян. Хотя крестьяне в исследуемый период были самым многочисленным сословием в сословной структуре регионального общества (ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7024. Л. 123–124об, 131–131об, 137, 140об–148, 166–166об, 207–208, 223–223об, 237–249, 254–256об, 268–274, 284–296, 316–317, 327–328, 356; Д. 10086. Л. 13–13об, 24–39, 41–42об; Д. 10122. Л. 16–16об, 67–72,

² РГИА – Российский государственный исторический архив.

88–96об, 122–123, 132–142, 188–190об, 206–206об, 223–232об, 300–302об, 354об, 405–408об, 423).

Примечательно, что в Восточной Сибири хунхузы убивали и грабили не только собственных земляков, как нередко подчеркивают в своих публикациях некоторые учёные. Таких случаев действительно было очень много (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10083. Л. 168об, 399; Д. 10325. Л. 641об; Ф. 13. Оп. 2. Д. 42. Л. 32–32об; Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 73об, 124). Однако анализ источников показывает, что хунхузов мало заботила национальность жертв и их подданство, поэтому достаточно часто от рук китайских уголовников в Восточной Сибири погибали и российские граждане (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 7024. Л. 249, 289; Д. 10085. Л. 169об; Д. 10086. Л. 36; Д. 10325. Л. 32об; Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 3–3об) [33], и иные иностранцы, проживавшие в исследуемый период в регионе: корейские подданные, подданные Монголии, подданные Японии и др. (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 665об; Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 39).

Следует отметить, что крупные миграции хунхузов на российскую территорию наблюдались сразу после подавления восстания ихтуаней, а также после русско-японской войны. Учащались случаи перехода хунхузов в Россию также и в периоды усиления борьбы китайского правительства с бандитизмом в Китае (ГАЗК. Ф. 13. Оп. 3. Д. 6. Л. 27–30) [1, с. 25; 23].

Кроме убийств и разбойных нападений достаточно часто на территории Восточной Сибири хунхузы совершали вымогательство денежных средств и материальных ценностей (занимались "рэкетом"). Чаще всего от вымогательств страдали китайские подданные, занимавшиеся в Российской империи коммерческой деятельностью. Так, в г. Иркутске 28 июля 1916 г. в 11 часов дня в контору по найму рабочих подрядчика Вана, располагавшуюся по ул. 5-й Солдатской д. 33, явился китайский подданный Сун-ю, который с револьвером в руках вымогал у конторщика Ян-ти-вена в "займы" денежные средства [35]. Другой характерный случай произошел в г. Иркутске 27 марта 1916 г., когда по ул. Иркутской в доме № 1 в 11 часов вооруженные револьвером китайцы Лю-лен-сен и Зиян-ен-бин вымогали денежные средства у китаецца Гон-тана [36].

В 1915 – начале 1916 гг. крупные и мелкие банды хунхузов стали переходить через государственную границу особенно часто. Воспользовавшись Мировой войной и связанными с ней проблемами российских органов власти, преступные группы в составе 10–40 хунхузов совершали нападения на перевозчиков золота, на торговые лавки и т.п. При этом нападали хунхузы как в населенных пунктах, так и за их пределами (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 297об, 465об, 511об). Так, 23 июня 1916 г. на "Авучинском тракте" банда из 40 хунхузов совершила нападение на сборщика податей [12]. Другой характерный случай произошел 3 августа 1916 г., когда было совершено вооруженное нападение банды из 20 хунхузов на прииск Желтугинский в Забайкальской области (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 5299. Л. 81–82). Следует отметить, что особенно притягательными для хунхузов были территории, на которых осуществлялась законная и незаконная добыча золота (ГАЗК. Ф. 13. Оп. 3. Д. 6. Л. 27–30).

В конце 1916 г. произошло массовое проникновение хунхузов в относительно крупные приграничные города Восточной Сибири. В городах обычно орудовали небольшие, а потому неприметные и трудноуловимые группы в составе 3–4 человек. Совершая убийства, вымогательства и разбойные нападения на квартиры и мелкие торговые заведения граждан, хунхузы отнимали у жертв деньги и документы, а в зимний период – теплую одежду. Например, 25 ноября 1916 г. в 19 часов в городе Чите Забайкальской области на Большом острове по улице Муравьева в квартиру китайских граждан неожиданно ворвались 4 вооруженных хунхуза, одетые в черные шубы. Отняв японский кошелек с 4 рублями, черную романовскую шубу и китайские паспорта, преступники скрылись (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 427. Л. 56). Хунхузы, действовавшие в городах, часто имели короткотельное огнестрельное оружие и обладали высокими навыками его применения (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 96).

Следует подчеркнуть, что хунхузы при совершении преступлений на российской территории обычно демонстрировали особую агрессивность и жестокость (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 427. Л. 19–19об). Типичный случай произо-

шёл в Иркутской губернии недалеко от ст. Слюдянка в начале марта 1916 г., когда 4 вооруженных китаец при совершении разбойного нападения на китайцев Сан-цзы-пуня и Сан-цзы-ляня причинили последним огнестрельные ранения [37]. При совершении нападений хунхузы лишали людей жизни, с легкостью отрезали конечности, например, ноги [12], перерезывали потерпевшим горло (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 3–3об, 4). Не останавливались хунхузы в своей жестокости перед женщинами и малолетними детьми (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 32об, 68об). В качестве примера можно привести преступление, совершенное в Нерчинско-Заводском уезде Забайкальской области в 1912 г. В ночь на 11 июля 3 китайских преступника с особой жестокостью убили крестьянку Маркову, а также трёх её малолетних детей и трёх квартиранток (ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. К. 569. Д. 4339. Л. 110)³. Совершая преступления с особой жестокостью, агрессией, ненавистью, коварством, хунхузы придавали преступности Восточной Сибири соответствующие оттенки [28, с. 45–46].

О высокой криминальной активности хунхузов на российской территории и об их существенном вкладе в уровень криминальности региона ярко свидетельствуют численные соотношения иностранных и российских преступников, задерживаемых за правонарушения полицейскими органами. Например, сотрудниками Читинского сыскного отделения за грабежи и разбой за весь 1912 год в Забайкальской области был задержан 21 человек, и 19 из них были китайскими подданными (ГАЗК. Ф. 26. Оп.1. Д. 374. Л. 10–14об). Примечательно, что выводы о большом вкладе китайских подданных в криминальную обстановку региона согласуются и с убеждениями представителей правоохранительных органов того времени. Так, глава Читинского городского полицейского управления И. С. Бекаревич в 1912 г. докладывал руководству, что в административном центре Забайкальской области (г. Чите) примерно каждое пятое преступление совершается китайскими подданными (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 4543. Л. 239–240; Д. 14244. Л. 196).

Примечательно то, что проблема хунхузничества в восточной части страны в начале XX века органами власти осознавалась [28, с. 46]. Однако её решение осложнялось многими факторами.

Во-первых, преступные группы хунхузы нередко имели очень высокую численность и степень организованности. Численность некоторых банд, действовавших в Восточной Сибири, порой доходила до 3000 участников [13; 23]. И эти цифры не являлись пределом. В северной части Китая были преступные сообщества, численность которых доходила и до 20 000 человек. При этом банды ещё и постоянно пополнялись всё новыми и новыми участниками [17, с. 203–204]. Такой уровень позволял хунхузам не только оказывать мощное сопротивление российским органам власти, но и существенно влиять на различные исторические процессы региона [9; 17, с. 202–205; 28, с. 46–47; 43, с. 23; 44, с. 187–189; 53, с. 415–418].

Во-вторых, численность органов правопорядка в Восточной Сибири в начале XX века была катастрофически низкой. Проблема с численностью сотрудников особенно обострилась в период Первой мировой войны [29, с. 57–59]. Малочисленным правоохранителям оказывать эффективное противодействие крупным хунхузническим бандам с каждым годом становилось всё сложнее и сложнее. Например, из-за собственной малочисленности сотрудники правопорядка несколько дней не могли обезвредить банду, состоящую всего из 12 хунхузов. Эта банда совершила 10 июня 1915 г. серию жестоких корыстных убийств на присяге Дмитриевском Тройсковском уезде Забайкальской области. Какого-либо резерва, способного прибыть в качестве подкрепления и оказать помощь в поимке преступников, просто не было (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 354об).

В-третьих, недостаточная численность правоохранительных служб нередко сопровождалась ещё и отсутствием у многих сотрудников специальных навыков ведения полноценных боевых действий в условиях города, горной местности, таежной или степной местности. Поэтому для поимки иностранных преступников органы правопорядка нередко вынуждены были обращаться за помощью к военному ведомству. Преимущество военных заключалось в

³ ГАИО – Государственный архив Иркутской области

гораздо большей численности и боевой подготовке [7, с. 474–476; 8, с. 174–176]. Быстрее и проще всего согласовывалось привлечение казачьих подразделений (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 386) [13, с. 8; 17, с. 202–205; 18, с. 72–75].

Следует отметить, что сотрудничество с казачеством было достаточно плодотворным, но не позволяло решить проблему хунхузничества в полной мере. Кроме умелого владения огнестрельным оружием хунхузы нередко обладали навыками ведения слаженных боевых действий. Об этом свидетельствуют различные примеры гибели опытных военных в схватке с хунхузами, даже если численное превосходство было за военными (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 354, 386об) [13, с. 8; 17, с. 203–204]. Характерный случай произошел в Забайкалье 28 июня 1915 г., когда при задержании казачьим отрядом из 20 человек вооруженной банды из 7 хунхузов погиб казак Забайкальского казачьего войска Михаил Платонович Таракановский, который являлся георгиевским кавалером (ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 15048. Л. 176). Кроме того, казаки лишь физически уничтожали подозреваемых. Они не разбирались в уголовно-процессуальных нормах и к установлению причастности лиц к преступлению относились по-обывательски. Поэтому от действий казаков порой страдали невинные в преступлениях люди. А это подрывало авторитет государственной власти, порождало у населения противодействие властным структурам и побуждало китайских подданных к ответным репрессивным мерам в отношении приграничного населения, особенно принадлежащего к казачьему сословию [19, с. 131–132, 151].

В-четвертых, деятельность органов власти по ликвидации хунхузничества многократно усложнялась перебежками уголовников после совершения преступлений на сопредельную территорию (через государственную границу). Противодействовать этому можно было бы с помощью плотной и качественной охраны государственной границы, а также путем постоянного взаимодействия с китайским правительством, чего в исследуемый период не наблюдалось [44, с. 180]. Среди единичных случаев более или менее плодотворного сотрудничества с китайскими органами власти можно привести пример противодействия в весенне-летний период 1911 г. банде хунхузов численностью около 1000 человек, лидером которой был уголовный авторитет по кличке "Афу" (ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 29. Л. 33, 35, 51, 56, 81, 105, 122).

Таким образом, высокий уровень преступности в Восточной Сибири в начале XX века во многом был следствием приграничного расположения этих территорий. В восточную часть Российской империи без особого труда проникали организованные преступные группы китайских уголовников-профессионалов. Нередко хунхузы на территории Восточной Сибири совершали преступления с особой жестокостью, чем придавали местной преступности соответствующие оттенки. Анализ источников показывает, что хунхузов обычно мало заботила национальность жертв и их подданство. В городах орудовали небольшие преступные группы в составе 3–4 человек. В сельской местности обычно совершали преступления более крупные банды. Численность некоторых группировок доходила и до 3000 участников. При этом хунхузы, действовавшие в Восточной Сибири, часто имели огнестрельное оружие и обладали высокими навыками его применения. Деятельность органов правопорядка по ликвидации китайских организованных преступных группировок многократно усложнялась малочисленностью правоохранительной системы, умением хунхузов оказывать вооруженное сопротивление при задержании, постоянными перебежками китайских уголовников на сопредельную территорию. В 1915–1916 гг. преступная деятельность хунхузов в восточной части Российской империи существенно увеличилась.

Литература

1. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М: Книжный мир, 2008. 792 с.
2. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова "Юридический центр пресс", 2006. 1093 с.

3. Благодер Ю.Г. Сведения о хунхузах в российской периодической печати начала XX в. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы IX международной научно-практической конференции. Отв. ред. А.В. Друзьяка. 2019. С. 25–28.
4. Васильева Н.Л. Преступность на Дальнем Востоке: история и современность // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2-7. С. 16–22.
5. Вестник полиции. 1917. № 5. С. 100.
6. Гамерман Е.В. Правоохранительные органы российского Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. (1856–1917 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. 236 с.
7. Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. Монография. М.: Директ-Медиа, 2014. 527 с.
8. Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX–XX вв. Кызыл: Республиканская типография, 2000. 216 с.
9. Дальний Восток. Китайские беспорядки // Сибирская мысль. 1911. 04 июня. № 140. С. 3.
10. Дальний Восток. Брожения в Монголии // Сибирская мысль. 1911. 07 июня. № 142. С. 3.
11. Дальний Восток. Хунхузы // Сибирская мысль. 1911. 28 июня. № 160. С. 3.
12. Дальний Восток. Хунхузы // Иркутская жизнь. 1916. 20 июля. № 179. С. 6.
13. Джетбысбаев Н. Экспедиция против хунхузов в Манчжурии // Разведчик. 1901. 06 марта. № 542. С. 8–9.
14. Ежегодник России 1907 г. (год четвертый). Издание центрального статистического комитета МВД. СПб.: Типография "Т-ва Андерсона и Лойцянского", 1908. 422 с.
15. Ежегодник России 1908 г. (год пятый). Издание центрального статистического комитета МВД. СПб.: Типография "Т-ва Андерсона и Лойцянского", 1909. 464 с.
16. Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М: Центрполиграф, 2010. 280 с.
17. Киселёв Д.В. "Китайский генерал Люданцзыр" – хунхуз или патриот?// Общество и государство в Китае. 2010. Т. 40. № 1. С. 201–211.
18. Константинова Т.А. Губернаторы Забайкалья 1851–1917 гг. Чита: Тип. ч.п. Богданова Г.Г., 2001. 91 с.
19. Коробченко А.И., Синиченко В.В. История правоохранительной деятельности полицейских служб России в отношении китайского населения в период с 1860 по 1917 гг. (на примере Восточной Сибири и русского Дальнего Востока). Иркутск: Оттиск, 2011. 162 с.
20. Корреспонденции с линии китайско-восточной железной дороги (Хунхузы) // Голос Сибири. 1912. 01 мая. № 297. С. 3.
21. Ларин А.Г. Китайские мигранты и российский правопорядок. Проблема ответственности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2009. Т. 14. № 14. С. 115–134.
22. Набег хунхузов // Восточная заря. 1909. 15 ноября. № 173. С. 4.
23. На русско-китайской границе // Сибирская мысль. 1911. 17 июня. № 151. С. 2.
24. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока (вторая половина XIX-начало XX вв.). Владивосток: ДВФУ, 2004. 372 с.
25. Обзор Забайкальской области за 1910 год. Чита: Типография Забайкальского областного правления, 1911. 144 с., приложения и ведомости.
26. Петров А.И. История китайцев в России: 1856–1917 гг. СПб: Береста, 2003. 958 с.
27. Петров А.И. Изучение китайцев в России 1858–1884 гг. // Россия и АТР. 2022. № 1 (115). С. 188–208.
28. Петров А.С. Китайские подданные в дореволюционное время как проблемный элемент в деятельности органов государственной власти Забайкалья // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 6. С. 45–47.
29. Петров А.С. Малочисленность общей полиции, как основная проблема государственной власти в борьбе с преступностью накануне и в начальный период Первой мировой войны в Забайкалье // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 1. С. 54–59.
30. Петров А.С. Русско-китайский инцидент на забайкальской границе в 1911 году // IV Петряевские чтения: материалы региональной научно-практической конференции. Чита: ЗаБГУ, 2013. С. 122–125.
31. Поздняк Т.З. Опыт легализации опиокурения во Владивостоке в начале XX в. // Известия Восточного института. 2021. № 1 (49). С. 6–19.
32. Поздняк Т.З. Повседневные практики российско-китайского трансграничного взаимодействия во второй половине XIX-начале XX вв. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 27. С. 117–130.
33. Последние новости // Сибирская мысль. 1911. 25 июня. № 158. С. 1.
34. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М.: ОГИЗ, 1947. 346 с.
35. Происшествия // Иркутская жизнь. 1916. 30 июля. № 187. С. 4.
36. Происшествия // Иркутская жизнь. 1916. 29 марта № 86. С. 3.
37. Происшествия // Иркутская жизнь. 1916. 06 марта. № 63. С. 4.
38. Рудкопов В.Н. Хунхузы // Исторический вестник. 1910. № 6. С. 924–956.

39. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 23. Часть 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1907 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенатская типография, 1909.
40. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 23. Часть 2. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Азиатской России за 1907 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенатская типография, 1909.
41. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 24. Часть 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1908 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенатская типография, 1910.
42. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 24. Часть 2. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Азиатской России за 1908 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенат. тип., 1910..
43. Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли выводы. 1904–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2007. 304 с.
44. Синиченко В.В. Вооруженное вторжение в Россию китайских незаконных формирований в июле 1915 г. (неизвестные страницы истории Первой мировой войны) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 177–189. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-177-189>.
45. Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003. 191 с.
46. Синь Янь, Яблоков Н.П. Овчинский В.С. Борьба с мафией в Китае. Мафия XXI века: сделано в Китае. М.: Норма, 2006. 192 с.
47. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917). М: Наука, 1989. 127 с.
48. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX-начало XX вв.). Омск: ОГУ им. Ф.М. Достоевского, 1999. 264 с.
49. Сухачева Г.А. Хунхузы в России // Россия и АТР. 1996. № 4. С. 90–96.
50. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформцентр, 1997. 525 с.
51. Хэ Бинсун. Организованная преступность. Исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае. Пер. с кит. П.Я. Афремова / Науч. ред. и предисл. докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева, докт. юрид. наук, проф. В.А. Номоконова. Владивосток: Дальневосток. Ун-т, 2005. 316 с.
52. Шабельникова Н.А. Исторический феномен хунхузничества в рамках современной историографии // Клио. 2021. № 3 (171). С. 45–52.
53. Шабельникова Н.А. Хунхузничество как особый вид бандитизма на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Материалы Второй международной научной конференции / отв. ред. С.М. Дударёнок, М.А. Тулиглович. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. С. 413–418.
54. Шелудько В.О. Российская полиция на Северо-Востоке Китая в конце XIX-начале XX вв. // Клио. 2019. № 10 (154). С. 32–37.

References

1. Barikhin A.B. Big legal encyclopedic dictionary. M: Knizhny Mir, 2008. 792 p.
2. Bachinin V.A. Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law. St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House "Legal Center Press", 2006. 1093 p. (In Russ.)
3. Blagoder Yu.G. Information about hunghez in the Russian periodical press of the beginning of the 20th century. // Russia and China: history and prospects of cooperation. Materials of the IX international scientific-practical conference. Rep. ed. A.V. Druzyak. 2019. P. 25–28. (In Russ.)
4. Vasilyeva N.L. Crime in the Far East: history and modernity // Modern trends in the development of science and technology. 2017. № 2-7. P. 16–22. (In Russ.)
5. Bulletin of the police. 1917. № 5. P. 100. (In Russ.)
6. Gamerman E.V. Law enforcement agencies of the Russian Far East in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. (1856–1917). Vladivostok: Dalnauka, 2008. 236 p. (In Russ.)
7. Datsyshen V.G. The history of Russian-Chinese relations in the late nineteenth and early twentieth centuries. Monograph. M.: Direct-Media, 2014. 527 p. (In Russ.)
8. Datsyshen V.G. Essays on the history of the Russian-Chinese border in the second half of the nineteenth and twentieth centuries. Kyzyl: Republican Printing House, 2000. 216 p. (In Russ.)
9. Far East. Chinese riots // Siberian Thought. 1911. June 04. № 140. P. 3.

10. Far East. Fermentation in Mongolia // *Siberian Thought*. 1911. June 07. № 142. P. 3. (In Russ.).
11. Far East. Honghuzy // *Siberian Thought*. 1911. June 28. № 160. P. 3. (In Russ.).
12. Far East. Honghuzy // *Irkutsk life*. 1916. July 20. № 179. P. 6. (In Russ.).
13. Dzhetybysbaev N. Expedition against the Honghuzi in Manchuria // *Scout*. 1901. March 06. № 542. P. 8–9. (In Russ.).
14. Yearbook of Russia 1907 (fourth year). Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg: Printing house "T-va Anderson and Loitsyansky", 1908. 422 p. (In Russ.).
15. Yearbook of Russia 1908 (fifth year). Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg: Printing house "T-va Anderson and Loitsyansky", 1909. 464 p. (In Russ.).
16. Ershov D.V. Honghuzi: undeclared war. Ethnic banditry in the Far East. M: Tsentrpoligraf, 2010. 280 p. (In Russ.).
17. Kiselev D.V. "Chinese General Ludanczyr" – hunghuz or a patriot? // *Society and the state in China*. 2010. V. 40. № 1. P. 201–211. (In Russ.).
18. Konstantinova T.A. Governors of Transbaikalia 1851–1917 Chita: Type. n.p. Bogdanova G.G., 2001. 91 p. (In Russ.).
19. Korobchenko A.I., Sinichenko V.V. The history of law enforcement activities of the police services of Russia in relation to the Chinese population in the period from 1860 to 1917. (on the example of Eastern Siberia and the Russian Far East). Irkutsk: Otisk, 2011. 162 p. (In Russ.).
20. Correspondence from the line of the Chinese Eastern Railway (Hunhuzy) // *Voice of Siberia*. 1912. January 05. № 297. P. 3. (In Russ.).
21. Larin A.G. Chinese migrants and the Russian legal order. The problem of responsibility // *China in world and regional politics. History and modernity*. 2009. V. 14 № 14. P. 115–134. (In Russ.).
22. Raid hunghuz // *Eastern dawn*. 1909. November 15. № 173. P. 4. (In Russ.).
23. On the Russian-Chinese border // *Siberian Thought*. . 1911. June 17. № 151. P. 2. (In Russ.).
24. Nesterova E.I. Russian administration and Chinese migrants in the south of the Far East (second half of the 19th – early 20th centuries). Vladivostok: FEFU, 2004. 372 p. (In Russ.).
25. Overview of the Trans-Baikal region for 1910. Chita: Printing House of the Trans-Baikal Regional Administration, 1911. 144 p., applications and statements. (In Russ.).
26. Petrov A.I. History of the Chinese in Russia: 1856–1917 St. Petersburg: Beresta, 2003. 958 p. (In Russ.).
27. Petrov A.I. The study of the Chinese in Russia 1858–1884. // *Russia and Asia-Pacific*. 2022. № 1 (115). P. 188–208. (In Russ.).
28. Petrov A.S. Chinese subjects in pre-revolutionary times as a problematic element in the activities of state authorities in Transbaikalia // *State power and local self-government*. M.: Lawyer, 2012. № 6. P. 45–47. (In Russ.).
29. Petrov A.S. The small number of the general police, as the main problem of state power in the fight against crime on the eve and in the initial period of the First World War in Transbaikalia // *State power and local self-government*. M.: Lawyer, 2018. № 1. P. 54–59. (In Russ.).
30. Petrov A.S. Russian-Chinese incident on the Trans-Baikal border in 1911 // *IV Petryaev readings: materials of the regional scientific and practical conference*. Chita: ZabGU, 2013. P. 122–125. (In Russ.).
31. Pozdnyak T.Z. Experience of legalization of opiumsmoking in Vladivostok at the beginning of the 20th century. // *Proceedings of the Oriental Institute*. 2021. № 1 (49). P. 6–19. (In Russ.).
32. Pozdnyak T.Z. Everyday practices of Russian-Chinese cross-border interaction in the second half of the 19th and early 20th centuries. // *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2020. V. 27. P. 117–130. (In Russ.).
33. Latest news // *Siberian Thought*. 1911. June 25. № 158. P. 1.
34. Przhhevskiy N.M. Journey in the Ussuri region. 1867–1869 M.: OGIz, 1947. 346 p. (In Russ.).
35. Incidents // *Irkutsk life*. 1916. July. 30. № 187. P. 4. (In Russ.).
36. Incidents // *Irkutsk life*. 1916. March 29. № 86. P. 3. (In Russ.).
37. Incidents // *Irkutsk life*. 1916. March 06. № 63. P. 4. (In Russ.).
38. Rudokopov V. N. Khunhuzy // *Historical Bulletin*. 1910. № 6. P. 924–956. (In Russ.).
39. Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 23. Part 1. Information about the personnel and the activities of the judicial institutions of European Russia for 1907. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd office work, statistical department. St. Petersburg: Senate Printing House, 1909. (In Russ.).
40. Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 23. Part 2. Information about the personnel and the activities of the judicial institutions of Asiatic Russia for 1907. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd clerical work, statistical department. St. Petersburg: Senate Printing House, 1909. (In Russ.).
41. Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 24. Part 1. Information about the personnel and the activities of the judicial institutions of European Russia for 1908. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd office work, statistical department. St. Petersburg: Senate Printing House, 1910. (In Russ.).

42. Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 24. Part 2. Information about the personnel and the activities of the judicial institutions of Asiatic Russia for 1908. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd clerical work, statistical department. St. Petersburg: Senate. type., 1910. (In Russ.).
43. Semenov G.M. About Me. Memories, thoughts conclusions. 1904–1921 M.: Tsentrpoligraf, 2007. 304 p. (In Russ.).
44. Sinichenko V.V. Armed invasion of Russia by Chinese illegal formations in July 1915 (unknown pages of the history of the First World War) // News of the Laboratory of Ancient Technologies. 2019. V. 15. № 3. P. 177–189. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-177-189>. (In Russ.).
45. Sinichenko V.V. Offenses of foreigners in the east of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 191 p. (In Russ.).
46. Xin Yan, Yablokov N.P. Ovchinsky V.S. Fighting the mafia in China. Mafia of the 21st century: Made in China. M.: Norma, 2006. 192 p. (In Russ.).
47. Soloviev F.V. Chinese otkhodnichestvo in the Far East of Russia in the era of capitalism (1861–1917). M: Nauka, 1989. 127 p. (In Russ.).
48. Sorokina T.N. Economic activities of Chinese subjects in the Russian Far East and the policy of the administration of the Amur region (late 19th – early 20th centuries). Omsk: OGU im. F.M. Dostoevsky, 1999. 264 p. (In Russ.).
49. Sukhacheva G.A. Honghuzi in Russia // Russia and the Asia-Pacific Region. 1996. № 4. P. 90–96. (In Russ.).
50. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. Legal Encyclopedia. M.: Yuriinformtsentr, 1997. 525 p. (In Russ.).
51. He Bingsun. Organized crime. A study of mafia crime in mainland China. Per. with whale. P.Ya. Afremova / Nauch. ed. and foreword. doc. legal sciences, prof. A.I. Korobeeva, Dr. legal sciences, prof. V.A. Nomokonov. Vladivostok: Dalnevost. Univ., 2005. 316 p. (In Russ.).
52. Shabelnikova N.A. The historical phenomenon of hunghuzism within the framework of modern historiography // Clio. 2021. № 3 (171). P. 45–52. (In Russ.).
53. Shabelnikova N.A. Khunhuzism as a special type of banditry in the Russian Far East in the 1920s. // Vladivostok – a point of return: past and present of Russian emigration. Proceedings of the Second International Scientific Conference / ed. ed. CM. Dudarenok, M.A. Tuliglovich. Khabarovsk: RIO FYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. P. 413–418. (In Russ.).
54. Sheludko V.O. Russian police in the North-East of China in the late nineteenth and early twentieth centuries. // Clio. 2019. № 10 (154). P. 32–37. (In Russ.).

Информация об авторе

Артем Сергеевич Петров, канд. ист. наук, доцент кафедры международного права и международных связей Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия, e-mail: partem11@rambler.ru

Information about the author

Artem S. Petrov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Law and International Relations, Transbaikalian State University, Chita, Russia, e-mail: partem11@rambler.ru

Поступила в редакцию 11.05.2023

Одобрена после рецензирования 02.08.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Received 11.05.2023

Approved 02.08.2023

Accepted 24.08.2023

Историография темы русского зарубежья на основе публикаций в журналах "Россия и АТР", "Ойкумена. Регионоведческие исследования" и "Известия Восточного института". Часть 2

Вадим Николаевич Караман
Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева,
Владивосток, Россия, bibl-pgom@mail.ru

Аннотация. В статье даётся краткая историография темы русского зарубежья на страницах журналов "Россия и АТР", "Ойкумена. Регионоведческие исследования" и "Известия Восточного института". Выделены основные направления исследований по теме в рамках этих изданий. Даётся их обзор и краткая характеристика в целом. Приводится статистика по аспектам темы и географическому охвату. Обращается внимание на дефицит архивных источников по тематике русского зарубежья.

Ключевые слова: *русское зарубежье, архивы, научные журналы, eLIBRARY.RU, "Россия и АТР", "Ойкумена. Регионоведческие исследования", "Известия Восточного института"*

Для цитирования: Караман В. Н. Историография темы русского зарубежья на основе публикаций в журналах "Россия и АТР", "Ойкумена. Регионоведческие исследования" и "Известия Восточного института". Часть 2 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 108–118. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/108-118>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/108-118>

Historiography of the theme of Russian abroad (Based on publications in the magazines "Russia and the Asia-Pacific region", "Ojkumena. Regional researches" and "Oriental Institute Journal"). Part 2

Vadim N. Karaman
Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History, Vladivostok, Russia, bibl-pgom@mail.ru

Abstract. The article gives a brief historiography of the topic of the Russian diaspora on the pages of the magazines: "Russia and the Asia-Pacific Region", "Ojkumena. Regional researches" and "Proceedings of the Oriental Institute". The main directions of research on the topic within the framework of these publications are highlighted. Their review and a brief description as a whole are given. Statistics are provided on aspects of the topic and geographical coverage. Attention is drawn to the lack of archival sources on the subject of the Russian diaspora.

Key words: *Russian abroad, archives, scientific journals, eLIBRARY.RU, "Russia and the Asia-Pacific Region", "Ojkumena. Regional Researches", "Oriental Institute Journal"*

For citation: Karaman V. N. Historiography of the theme of Russian abroad (Based on publications in the magazines "Russia and the Asia-Pacific region", "Ojkumena. Regional researches" and "Oriental Institute Journal"). Part 2 // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 108–118. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/108-118>

Персоналии

Преподаватели, общественные деятели. Работы китайских аспирантов достаточно часто появляются на страницах рассматриваемых журналов. "Пионеры юридического образования ..." – статья китайской аспирантки Дальневосточного федерального университета Чи Юйчао одна из них. Автором в качестве источника использован фонд Р-117. (Государственный Дальневосточный университет. Личные дела преподавателей), а также материалы эмигрантской периодики. Работа говорит о жизни и деятельности (в рамках журнальной статьи) профессоров и преподавателей Государственного Дальневосточного университета во Владивостоке и Юридического факультета в Харбине. Автор несколько патетичен говоря о создании ими уникальной школы юриспруденции. Однако деятельность "Пионеров юридического образования (эмигрантов) на российском Дальнем Востоке" освещена достаточно подробно и по возможности объективно. Работа проиллюстрирована приложением: "Положение об испытаниях на звание действительного студента и учёные степени ГДУ". [37, с. 91–93].

А.А. Хисамутдинов – "Русские эмигранты-востоковеды в Харбине". В данной работе на основе главным образом эмигрантской периодики 20–30-х годов XX века автор даёт развёрнутую картину жизни и деятельности такой

Окончание – начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 94–106.

группы эмигрантов, как востоковеды. А.А. Хисамутдинов включил в понятие "востоковеды" не только собственно специалистов по Востоку, но и представителей естественных наук. Дается описание их научных трудов, а также тех трудностей и проблем, с которыми эмигранты-востоковеды сталкивались в Харбине. Отдельно автор обрисовывает образование эмигрантами Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК) как необходимой структуры, позволившей эмигрантам заняться научной деятельностью до его "преобразования" (ликвидации) в 1929 году [33].

Работа "Российские профессора-эмигранты в китайском университете Цинхуа (30–50-е гг. XX века)" В.В. Сониной говорит о вкладе в становление социальных и гуманитарных наук двух российских профессоров-эмигрантов из Государственного Дальневосточного Университета: знаменитого этнографа и создателя теории этноса С.М. Широкогорова и видного общественного деятеля историка И.И. Гапановича в 1930-е гг. в университете Цинхуа в Пекине [31].

А.А. Хисамутдинов в соавторстве с Чи Юйчао опубликовали статью, написанную с использованием материалов зарубежных архивов и библиотек США и Китая: "Профессор Мстислав Головачев – политолог, юрист и педагог", посвященную юристу, профессору-политологу и политическому деятелю Мстиславу Петровичу Головачеву, преподававшему международные отношения в университетах Сибири. Так же он был одним из основателей Государственного дальневосточного университета. В статье дана достаточно подробная биография М.П. Головачева. Описывается его участие в разных белых правительствах в качестве министра иностранных дел или руководителя департаментов международных отношений. Особое внимание уделяется деятельности М.П. Головачева в русских эмигрантских организациях и описанию всех перипетий его жизни в Китае, а затем и в США [34].

Совместная работа С. Хияма и З.Ф. Моргун – "Жизнь Н.П. Матвеева в эмиграции в Японии". Статья посвящена жизни Николая Петровича Матвеева. Авторы обратились к малоизвестным фактам его жизни в политической эмиграции в Японии. Используя материалы японских архивов и других публикаций на русском и японском языках, жизнь Н.П. Матвеева описана в двух частях: контакты с Японией до эмиграции в 1919 году и в период с 1919 по 1941 год в Японии [35].

Дипломаты. П.Э. Подалко в работе "Он всегда был полон идей..." П.Ю. Васкевича – эмигрант-романтик". Дает достаточно подробно (статья отведена 22 страницы) описание жизни и деятельности Павла Юрьевича Васкевича (Георгиевича) – учёного, дипломата и путешественника. Достаточно подробно описана его служба после окончания Восточного института. Переводчик русской армии во время русско-японской войны, дипломат в Сеуле (Корея), Токио (Япония), Дайрене (Китай), где он был последним российским консулом до 1925 года. Автор также касается деятельности (исследовательские работы ("Очерк быта японцев в Приамурском крае", воспоминания, и др.) П.Ю. Васкевича (Георгиевича) до его смерти в Кобе (Япония) в 1958 году [25].

Ещё одна работа Подалко П.Э. "...Новые поколения поднимут факел, выпавший из наших рук" ...". Эта статья представляет собой исследование жизни и деятельности ещё одного деятеля русского зарубежья – Дмитрия Ивановича Абрикосова. Автор раскрывает биографию дипломата царской России, чья интересная профессиональная карьера и необычайный жизненный опыт до сих пор почти неизвестны современному (статья опубликована в 1997 году) читателю. Д.И. Абрикосов, родившийся в богатой семье московских торговцев, свою жизнь связал с дипломатической службой. Он был последним официальным представителем России в Японии до признания Японией Советским Союзом в 1925 году. Используя доступные источники и документы из частных архивов, автор рассмотрел историю Д.И. Абрикосова и его деятельность в посольствах Лондона, Пекина и Токио до его смерти в США в 1951 году. Особое внимание было уделено проблемам российских эмигрантов в Японии после революции [24].

Военные. "Генерал-лейтенант А.П. Будберг" – статья (краткая биография), написанная в соавторстве В.И. Калинина, Н.Б. Аюшина, А.Ю. Бушина и В.Н. Зуева о выдающейся военной фигуре России Алексее Павловиче Будберге. Дается описание его службы на русском Дальнем Востоке, участия в строительстве Владивостокской крепости. Деятельности А.П. Будберга в эми-

грации отведена вторая часть работы, в которой авторы описали его уже не как военного, а как учёного [11].

В работе "Новые документы о деятельности атамана Г.М. Семёнова ..." В.П. Пашин впервые вводит в научный оборот рассекреченные документы ЦА СВР РФ¹. Данные документы не просто существенно дополняют известные биографические данные. Они показывают попытки Г.М. Семёнова установить связь с советской разведкой и перейти на сторону большевистской России. В.П. Пашин прилагает к статье ряд документов ЦА СВР РФ, иллюстрирующих его положения и выводы, что Г.М. Семёнов "не занимался активной антисоветской деятельностью, делал попытки её минимизировать и у своего окружения. Утверждается, что он не являлся двойным агентом, его желание вернуться на родину было искренним". Здесь мы не будем говорить о верности или не верности данных вводов, отметив что документов только службы внешней разведки для этого недостаточно, но согласимся с автором, что "... отказ Г.М. Семёнову в возвращении являлся явным просчётом службы внешней разведки СССР" [23, с. 155].

А.М. Буяков – "Офицеры-выпускники Восточного института: годы и судьбы". Автор в данной работе дал краткое описание биографий (в публикации имеется небольшой фоторяд) офицеров, окончивших в своё время Восточный институт, часть из которых после гражданской войны пополнила ряды русской эмиграции [4].

Инженеры. Каневская Г.И. в работе "Забытый исследователь Сибири и Дальнего Востока" на основе документов архива С.Д. Оводенко освещает жизнь и деятельность горного инженера Сергея Дорофеевича Оводенко и его роли "... в освоении Мулинского каменноугольного месторождения (коксуется уголь), которое являлось крупнейшим горнодобывающим предприятием Северной Маньчжурии и сыграло огромную роль в развитии её тяжёлой промышленности" [12, с. 39].

Статья С.С. Лешошко "Архитектор А.И. Ярон и его храм-памятник Николаю II в Шанхае". На основе впервые вводящихся в научный оборот источников на разных языках автор анализирует как творческую работу архитектора, так и рассматривает его жизнь и судьбу до и после эмиграции. Особое внимание С.С. Лешошко уделяет китайскому периоду деятельности А.И. Ярона [22].

Литераторы. Е.О. Кириллова обратилась к творчеству писателей русской эмиграции (в данной статье дальневосточной), воспринявших окружающую их инокультуру под несколько иным углом, чем работы остальных авторов, рассматриваемых в настоящей статье. Объектом стало не жизнь и деятельность, а само творчество литератора-эмигранта Б.М. Юльского. Основной посыл автора был на примере китайского мифопоэтического образа лисицы продемонстрировать отражение восприятия региональной культуры и мифологии дальневосточных народов. [14].

Пресса русского зарубежья

США. Совместная работа Т.С. Кулепановой (Шугайло) и Р.В. Кулепанова – "Тема Гражданской войны на Дальнем Востоке ...". В данной статье авторы анализируют участие кадетского движения в Гражданской войне 1917–1922 гг. на Дальнем Востоке используя материалы журнала русской военной эмиграции "Кадетская переключка", издававшегося Объединением кадет российских кадетских корпусов за рубежом в период 1971–2009 гг. в Нью-Йорке. Это издание, кроме освещения деятельности кадетских ассоциаций и способствования сохранению традиций русской армии, публиковало воспоминания участников Гражданской войны и аналитические статьи по истории войн XX века в целом [17].

Шугайло Т.С. в работе "Образ Н.С. Хрущёва ..." затронула такую важную тему, как восприятие представителями русского зарубежья политических лидеров СССР. Автор обратился к образу Н.С. Хрущёва в эмигрантских изданиях. Для обзора были взяты такие издания, как "Новое русское слово", "Россия" и "Русская жизнь" за 1953–1964 годы – т.е. за время нахождения Н.С. Хрущёва во главе СССР. По мнению автора, в данный период русская эмигрантская печать оставалась для представителей русской диаспоры в США

¹ ЦА СВР РФ – Центральный архив Службы внешней разведки РФ.

важным информационным источником по разным вопросам современности. В 1953–1964 гг. на страницах эмигрантской прессы в США абстрактный "образ врага" в лице СССР персонифицировался в образе руководителя Н.С. Хрущёва [41].

Следующая работа Шугайло Т.С. – "Антисоветская пропаганда ..." – анализирует восприятие Советского Союза антикоммунистической русской эмигрантской прессой в 1950-е годы. Автор достаточно подробно (в рамках допускаемых научной статьёй) излагает идейные настроения относительно широких слоёв русской диаспоры в США, отмечая, что рассматриваемые издания остро и оперативно реагировали на любые изменения на международной арене, а также свою задачу они видели в знакомстве русского населения в США с проблемами, существовавшими на тот момент во внутренней политике Советского Союза [39].

В четвертой работе – "Обострение межнациональных отношений ..." – Т.С. Шугайло обращается к исследованию прессы русского зарубежья США в заключительный период "холодной войны". Анализируя статьи эмигрантских изданий различной политической окраски, автор отмечает, что перестроечные процессы изменили стереотипы образа России как в антикоммунистически настроенных, так и в просоветских кругах русской диаспоры в США. В завершении работы Т.С. Шугайло приходит к выводу, что "... в целом эмигрантские СМИ оценивали крах советской политической системы положительно и надеялись на создание нового, демократического, экономически сильного Российского государства, предвещая и возрождение союзной федерации на новых условиях" [40, с. 106].

Статья этого же автора "Эмигрантская газета в США "Русская жизнь"..." концентрирует внимание на общественно-политических позициях газеты и их динамике за 1920–1970-е годы. Кроме материалов самой газеты в работе активно использованы документы ГАРФ, что позволило автору достаточно полно отразить историю самой газеты [42].

И шестая работа Т.С. Шугайло "Советская Россия на страницах русскоязычной периодики ..." посвящена анализу идейно-политической позиции русской эмиграции в США по отношению к Советскому Союзу в период после Второй мировой войны до начала 1950-х годов [18].

Австралия. Канада. И.К. Капран – "Памятная дата – 100-летие исхода Сибирской флотилии...". Автор обращается к русским эмигрантским изданиям Австралии. Дав краткую историю изданий, автор концентрируется на идее формирования так называемых "мест памяти" для русских жителей Австралии [13].

Работа "Русскоязычные СМИ в Австралии и Канаде" И.В. Солодовник представляет информацию о русской эмиграции в Австралию и Канаду. Ею анализируется причина возникновения печатных и аудиовизуальных русскоязычных СМИ, а также что они представляют собой сейчас (на момент написания статьи). За основу были взяты города Сидней (Австралия) с русскоязычной редакцией радио "SBSSydney" и Ванкувер (Канада) с русскоязычным телевидением "United Voices". В работе широко использованы архивные материалы автора [30].

Китай. Несмотря на то что русское зарубежье главным образом представлено Китайской ветвью, непосредственно работ, посвящённых эмигрантской прессе в Китае, всего две.

Первая – это "Российская периодическая печать в Харбине" А.А. Хисамудинова. Взяв за основу зарубежные коллекции конца XIX в. – середины XX в., автор проанализировал российскую периодическую печать Харбина, сосредоточив основное внимание на вкладе в установление культурных отношений между Россией и Китаем. Одновременно А.А. Хисамудиновым было дано описание библиографических трудностей, связанных с периодической печатью Харбина, с которой сталкиваются практически все исследователи русского зарубежья [32].

Вторая – "Развитие и исторический вклад русской эмигрантской прессы в Харбине ..." Чжан Мэй – представляет собой краткий обзор того, как русские эмигранты с помощью изданий пытались сохранить свою идентичность, с одной стороны, и интегрироваться в новой для них среде – с другой. Основное внимание автора сосредоточено на тех трудностях и задачах, какие ставили

перед собой издатели. Главный же посыл статьи в том, что "русский Харбин", основывая школы, издавая газеты и журналы, строя церкви, оставил яркий след в политической, экономической и социальной жизни Харбина и в жизни русской диаспоры в Китае в целом [36].

Политические партии и союзы русского зарубежья

Народно-Трудовой Союз. "НТС и спецслужбы Запада: союзники по холодной войне" Д.Ю. Алексеева. Статьи этого автора, пожалуй, единственные работы, в отношении которых нельзя не высказать ряд критических замечаний. Так, несмотря на то, что статья написана в 2019 году, её заголовки сам является калькой лексикона "холодной войны". И хотя автор в аннотации заявил, что работа выполнена на основе различных данных архивных источников, им не задействованы ни отечественные, ни тем более зарубежные архивы. Мало того, ссылка на книгу Н.Н. Яковлева "ЦРУ против СССР" как на авторитетный источник и научное исследование, а не как на образчик советской пропаганды просто не уместна в научной статье. Анализ взаимоотношений Народно-Трудового Союза российских солидаристов (НТС) со спецслужбами США и Великобритании строится в основном на публикациях самих солидаристов, чего явно недостаточно для получения объективной картины. В целом утверждение, поставленное в аннотации к статье, что "... автором рассматриваются актуальные вопросы финансирования непримиримой оппозиции, попытки объединить русские политические организации с сепаратистскими для общей борьбы с большевизмом, совместные операции НТС, ЦРУ и "Интеллидженс сервис", а также моральную сторону этого сотрудничества" [2, с. 145] нельзя считать корректным.

Вторая работа Д.Ю. Алексеева – "Возникновение и становление Народно-Трудового Союза российских солидаристов" – вызывает те же критические замечания. Единственное что в ней уже отсутствует – та идеологическая составляющая, что в первой. Набор источников практически тот же. И главное, это по-прежнему отсутствие ссылок на архивные источники. Единственную ссылку на источник, цитируемый другими авторами, за таковой считать не приходится [1, с. 152]. В целом же хотя автору в отличие от первой статьи все же удалось более-менее отобразить историю возникновения и становления Народно-Трудового Союза российских солидаристов, тем не менее воспринимать данную работу следует крайне критически [1].

Эсеры. А.В. Антошин ""Последние из эсеров": Нью-Йоркская группа ПСР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.". Автор рассматривает ключительный период в истории партии эсеров – пребывание её лидеров в Нью-Йорке (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.) Источниковая база исследования достаточно впечатляюща. Автор задействовал материалы таких крупных американских архивов, как Бахметевский архив Колумбийского университета (Нью-Йорк) и Гуверовский архив войны, революции и мира (Стэнфорд). Автор приходит к выводу, что в описываемый период Нью-Йоркская группа оставалась "единственным организационно оформленным подразделением эсеровской партии" [3, с. 41]. По мнению автора, важнейшим проектом партии стало издание журнала "За свободу", где печатались остававшиеся в живых на тот момент лидеры эсеров. Основной вывод автора в том, что партия социалистов-революционеров внесла серьёзный вклад "в историю политической мысли России" [3, с. 41].

Русский Фашистский Союз и праворадикальные течения. Е.А. Рубанов в статье "Фашистское и националистическое движение ..." на основе документов ГАХК (им задействованы только два фонда: Р-1128 (Пограничный район Дальневосточного Союза военных в Маньчжурской империи) и Р-830 (Российские эмигранты в Маньчжурии)) воссоздаёт историю создания и формирования русского фашистского движения вкупе с другими праворадикальными течениями в 1930–1940 гг. среди русского зарубежья Маньчжурии. Автор рассматривает Русский Фашистский Союз как попытку политической альтернативы советскому марксизму (по терминологии автора). Также в статье даётся попытка освещения и анализа взаимодействия русских националистических и фашистских организаций с основными организациями, контролировавшими деятельность русских эмигрантов в Маньчжурии: Бюро по

делам российских эмигрантов, администрацией Маньчжоу-Го и командованием Квантунской армии [26].

"Молодёжная "политика" Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (1935–1945)" С.В. Смирнова. Автором включены в научный оборот документы архивов ГААОСО² и ГАХК. Основной посыл работы в эволюции националистически настроенной молодёжной политики Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) как руководящего органа эмигрантской колонии в Маньчжу-ди-го к просоветским симпатиям русского зарубежья за (1934–1945), чему способствовала Отечественная война Советского Союза [27].

Следующая работа С.В. Смирнова – "Орден крестоносцев в Маньчжурii ...". Автор обратился к истории одной из праворадикальных эмигрантских молодёжных организаций Маньчжурии – Ордену крестоносцев, возникшего в середине 1920х гг. в Харбине в качестве противовеса распространению советского влияния. Автор рассматривает эволюцию Ордена от объединения скаутского типа до фактически серьёзной военной организации и его ликвидации, приходя к выводу, что основными причинами исчезновения Ордена в 30-е годы стали его излишне идеалистическая направленность и нежелание полностью перейти под контроль японских властей в Маньчжурии [29].

Лазарева С.И. в небольшой работе "Патриотизм российских эмигрантов ..." даёт общую характеристику и описание политических партий, образовавшихся на территории Маньчжурии, и их отношении к СССР [19].

Роль эмиграции в политических событиях, как локальных, затрагивающих регион их пребывания, так и общемировых

Статья Н.А. Василенко "Русская эмиграция в Маньчжурии накануне и во время войны" раскрывает жизнь и деятельность русских эмигрантов в период, когда они уже несколько обустроились на новом месте, но политические события заставили так или иначе участвовать в них. Автор раскрывает разные стороны этого участия – политические (в основном антисоветские, просоветскую деятельность русской эмиграции автор оставил за рамками исследования) и культурные (литературные, театральные, и пр.) [5].

Совместная работа А.П. Забияко, А.А. Забияко "Гражданская война в произведениях писателей-эмигрантов русского Харбина" рассматривают то, как была запечатлена Гражданская война на Дальнем Востоке в творчестве писателей эмигрантов. Авторы показали, как в литературных произведениях преломлялись идеи и понимание Гражданской войны и трагедия исхода. А.П. Забияко, А.А. Забияко обратились к творчеству Алексея Ачаира, Арсения Несмелова, Леонида Ещина, Марианны Колосовой и др. писателей русского зарубежья [10].

С.И. Лазарева и О.И. Сергеев в своей статье "Общественно-политическая активность ..." предприняли попытку систематического анализа "основных течений общественно-политической жизни российской эмиграции в Китае, её идеологии в 20–40-е годы XX в." [20, с. 145]. Авторы на материалах ГАХК охарактеризовали особенности дальневосточной политической эмиграции, сосредоточив внимание её на отличии от европейской. Особый акцент был сделан на деятельности (роль в адаптации эмигрантов к новым условиям) эмигрантских организаций (ХКПРБ и БРЭМ) [20].

С.В. Смирнов в статье "Август 1945г. в Северной Маньчжурии: вооружённая борьба русских эмигрантов против японцев" обратился к теме прямого участия русского зарубежья (белоземляков) в войне на стороне СССР. Автор приводит конкретные данные по документам ГААОСО этого участия, заключавшиеся в ведении военных действий (саботаж мобилизации, участие в партизанских отрядах и пр.), а также взаимоотношения с советским командованием [28].

Н.В. Шульгина в работе "Политическая обстановка в среде восточной ветви русской эмиграции: исторический аспект" на основе архива БРЭМ разбирает политические течения восточной ветви русской эмиграции от начала русской революции до окончания Второй мировой войны. Основное внимание сосредоточено на деятельности правых, фашистских и монархических движе-

² ГААОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области

ний. Описываются их цели, задачи и внутривластная борьба. В противоположность предыдущей статье С.В. Смирнова автор сосредоточил основное внимание на той части эмиграции, которая была против СССР на стороне Маньчжоу-Го [43]. Эти работы очень хорошо дополняют друг друга.

Историография российской эмиграции

По историографии русского зарубежья на страницах принятых нами изданий вышло несколько работ. В основном они затрагивают несколько частных вопросов, а не историографию в целом. Наиболее полные две работы по историографии русского зарубежья – это статья Л.Ф. Говердовской "Современная историография российской эмиграции в Китае". В ней охватывается период с 1917 по 1945 год, но ограничивается Китаем. Автор сосредоточил внимание на наиболее важных книгах и статьях по разным сторонам жизни и деятельности российских эмигрантов в Китае [6]. И совместная статья С.И. Лазаревой и О.И. Сергеева "Теме – объективный анализ. Российская эмиграция на Дальнем Востоке", в которой достаточно подробно рассмотрены труды по "восточной ветви" русской эмиграции за период 80–90-х годов. Авторы сделали обзор систематизировав рассматриваемые труды по хронологии и по тематике затрагиваемых проблем, наметив круг наиболее и наименее исследованных вопросов [21].

Также отметим два сообщения: о Первой Международной научно-практической конференции "Любимый Харбин – город дружбы России и Китая" С.М. Дударёнок, проходившей 15–18 июня 2018 г. в г. Харбине (КНР) [7]. И о Второй международной научной конференции "Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции" С.М. Дударёнок, О.П. Федирко, О.Д. Исхаковой и Т.А. Крупа, прошедшей в Дальневосточном федеральном университете – 12–14 октября 2016 года [9].

И две рецензии: Дударёнок С.М. – "Рецензия на книгу Л.Л. Ларкиной "Гардемарин с чужой судьбой" [8] и Кочешкова Н.В. на книгу Н.П. Крадина "Харбин – русская Атлантида" [15].

И последняя работа – статья Е.Ю. Кудиновой "Россияне в Китае, или опыт постановки проблем". Статья в большей степени касается источниковых вопросов по теме русского зарубежья. Автор разбирает коллекцию документов по послереволюционной российской эмиграции в Китае. В статье представлены и достаточно подробно результаты исследования этих документов [16].

Выводы

Рассмотрев вышедшие по теме русского зарубежья статьи в журналах "Россия и АТР", "Ойкумена. Регионоведческие исследования" и "Известия Восточного института", мы приходим к следующим выводам:

1. Имеющиеся работы затрагивают восемь аспектов (достаточно расширенная трактовка аспектов диктуется особенностями журнальной статьи) по истории русского зарубежья. Возможно, в дальнейшем исследователи расширят круг изучаемых вопросов.

2. Наиболее изучена (точнее будет сказать, наиболее востребована исследователями) "харбинская ветвь" эмиграции, с большим отрывом далее следуют США и другие регионы (страны). Так что за пределами исследований остаётся значительная часть русского зарубежья. Но это вопрос времени.

3. Большинство работ чаще опирается на исследования других авторов, чем на архивные источники.

4. Доля зарубежных архивов крайне мала. Это не столько в упрек авторам, как в третьем пункте, сколько просто констатация факта. Без включения их в научный оборот выводы в научных статьях всегда будут неполными. Одновременно отметим, что в отдельных работах роль архивных источников значительно выше.

5. Методическая основа, на которую опираются в своих работах авторы, подавляющим большинством из них пропускается как "само собой разумеющееся", хотя каждый из них использует свою методiku, которую всё же необходимо обозначить.

6. Ранние публикации (до 2010 г.) отличаются тем, что во многих из них отсутствуют аннотация и ключевые слова. Также в ранних публикациях не всегда удобно выстроен научно-справочный аппарат (литература идёт

вместе со ссылками на источники, а иногда встречаются несколько названий работ под одним номером, что затрудняет работу исследователей со статьями. В дальнейшем журналы избавились от этих недостатков, что, конечно, значительно улучшило как возможности поиска, так и анализа самих статей.

Литература

1. Алексеев Д.Ю. Возникновение и становление народно-трудового союза российских солидаристов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1. С. 150–160.
2. Алексеев Д.Ю. НТС и спецслужбы Запада: союзники по холодной войне // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 138–144.
3. Антошин А.В. "Последние из эсеров": Нью-Йоркская группа ПСР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 41–48.
4. Буяков А.М. Офицеры–выпускники восточного института: годы и судьбы // Известия Восточного института. 1999. № 5. С. 97–116.
5. Василенко Н.А. Российская эмиграция в Маньчжурии накануне и в годы войны // Россия и АТР. 2005. № 2 (48). С. 20–25.
6. Говердовская Л.Ф. Современная отечественная историография российской эмиграции в Китае. 1917–1945 гг. // Россия и АТР. 2004. № 4 (46). С. 62–73.
7. Дударёнок С.М. Первая Международная научно-практическая конференция "Любимый Харбин – город дружбы России и Китая" // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 142–146.
8. Дударёнок С.М. Рецензия на книгу Л.Л. Ларкиной "Гардемарин с чужой судьбой" (Brisbane, 2018. 350 с. ISBN 978-09871637-8-3) // Известия Восточного института. 2018. № 3. С. 120–123.
9. Дударёнок С.М., Федирко О.П., Исхакова О.Д., Крупа Т.А. Вторая международная научная конференция "Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции" // Россия и АТР. 2017. № 1 (95). С. 168–172.
10. Забияко А.П., Забияко А.А. Гражданская война в произведениях писателей-эмигрантов русского Харбина // Россия и АТР. 2013. № 4 (82). С. 180–191.
11. Калинин В., Аюшин Н., Бушин А., Зувев В. Генерал–лейтенант А.П. Будберг // Россия и АТР. 2001. № 3 (33). С. 137–144.
12. Каневская Г.И. Забытый исследователь Сибири и Дальнего Востока // Известия Восточного института. 2013. № 1. С. 33–42.
13. Капран И.К. Памятная дата – 100-летие исхода Сибирской флотилии из Владивостока в русских периодических изданиях Австралии: газета "Единение" (г. Сидней), журнал "Австралийская лампада" (г. Брисбен) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 49–58.
14. Кириллова Е.О. Межкультурные взаимодействия в литературе русской дальневосточной эмиграции: ориентальная мифология Бориса Юльского // Россия и АТР. 2017. № 3 (97). С. 146–158.
15. Кочешков Н.В. Книга о русской Атлантиде – городе Харбине // Россия и АТР. 2002. № 3 (37). С. 162–164.
16. Кудинова Е.Ю. Россияне в Китае, или опыт постановки проблем. // Известия Восточного института. 1999. № 4. С. 71–83.
17. Кулепанова (Шугайло) Т.С., Кулепанов Р.В. Тема Гражданской войны на Дальнем Востоке в журнале "Кадетская переключка" (Нью-Йорк) в период 1971–2005 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 59–66.
18. Кулепанова (Шугайло) Т.С. Советская Россия на страницах русскоязычной периодики в США в 1945 – начале 1950-х гг. // Россия и АТР. 2018. № 2 (100). С. 67–82.
19. Лазарева С.И. Патриотизм российских эмигрантов в Маньчжурии // Россия и АТР. 2000. № 2 (28). С. 88–93.
20. Лазарева С.И., Сергеев О.И. Общественно-политическая активность российских эмигрантов в Китае в 20-е – 40-е гг. XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 145–156.
21. Лазарева С.И., Сергеев О.И. Теме – объективный анализ. Российская эмиграция на Дальнем Востоке // Россия и АТР. 1996. № 2. С. 66–73.
22. Лёвшин С. Архитектор А.И. Ярон и его храм-памятник Николаю II в Шанхае // Россия и АТР. 2002. № 4 (38). С. 97–110.
23. Пашин В.П. Новые документы о деятельности атамана Г.М. Семёнова на Дальнем Востоке в период с 1923 по 1928 г. // Россия и АТР. 2018. № 2 (100). С. 155–177.
24. Подалко П.Э. "...Новые поколения поднимут факел, выпавший из наших рук" (Д.И. Абрикосов штрихи к портрету) // Известия Восточного института. 1997. № 5. С. 171–186/
25. Подалко П.Э. "Он всегда был полон идей..." П. Ю. Васкевич – эмигрант-романтик // Известия Восточного института. 1999. № 5. С. 75–96.
26. Рубанов Е.А. Фашистское и националистическое движение в среде русской эмиграции в Маньчжурии в 1930–1940-е гг. // Россия и АТР. 2014. № 3 (85). С. 115–125.

27. Смирнов С.В. Август 1945 г. В северной Маньчжурии: вооружённая борьба русских эмигрантов против японцев // *Россия и АТР*. 2015. № 3 (89). С. 82–90.
28. Смирнов С.В. Молодёжная "политика" Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (1935–1945) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 1. С. 29–40.
29. Смирнов С.В. Орден крестоносцев в Маньчжурии (1924 – начало 1930-х гг.) // *Россия и АТР*. 2016. № 4 (94). С. 145–154.
30. Солодовник И.В. Русскоязычные СМИ в Австралии и Канаде // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2010. № 4. С. 38–57.
31. Сонин В.В. Российские профессора-эмигранты в китайском университете Цинхуа (30–50-е гг. XX века) // *Известия Восточного института*. 2016. № 1. С. 40–48.
32. Хисамудинов А.А. Российская периодическая печать в Харбине // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2016. № 2. С. 154–167.
33. Хисамудинов А.А. Русские эмигранты-востоковеды в Харбине // *Известия Восточного института*. 2013. № 1. С. 20–32.
34. Хисамудинов А.А., Чи Ю. Профессор Мстислав Головачев – политолог, юрист и педагог // *Россия и АТР*. 2020. № 2 (108). С. 92–105.
35. Хияма С., Моргун З.Ф. Жизнь Н.П. Матвеева в эмиграции в Японии. // *Известия Восточного института*. 1997. № 5. С. 213–231.
36. Чжан Мэй. Развитие и исторический вклад русской эмигрантской прессы в Харбине (Китай) в 1920–1940-х гг. // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 1. С. 11–17.
37. Чи Юйчао. Пионеры юридического образования на российском Дальнем Востоке (1919–1922): по материалам Государственного архива Приморского края // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2022. № 1. С. 84–94.
38. Шугайло Т.С. Антисоветская пропаганда в русских эмигрантских изданиях в 1950-е годы (на примере газет "Россия" и "Новое русское слово") // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2010. № 4. С. 24–37.
39. Шугайло Т.С. Обострение межнациональных отношений в СССР и распад советского Государства на страницах русской эмигрантской прессы в США (1986–1991 гг.) // *Россия и АТР*. 2016. № 3 (93). С. 106–118.
40. Шугайло Т.С. Образ Н.С. Хрущёва в русской эмигрантской периодике в США (1953–1964 гг.) // *Россия и АТР*. 2011. № 4 (74). С. 141–148.
41. Шугайло Т.С. Эмигрантская газета в США "Русская жизнь" и ее общественно-политические позиции (1920–1970-е гг.) // *Известия Восточного института*. 2013. № 1. С. 43–50.
42. Шульгина Н.В. Политическая обстановка в среде восточной ветви русской эмиграции: Исторический аспект // *Россия и АТР*. 2013. № 1 (79). С. 43–56.

References

1. Alekseev D.Yu. The emergence and formation of the people's labor union of Russian solidarists // *Oikumena. Regional researches*. 2020. № 1. P. 150–160. (In Russ.).
2. Alekseev D.Yu. NTS and Western intelligence agencies: allies in the Cold War // *Oikumena. Regional researches*. 2019. № 3. P. 138–144. (In Russ.).
3. Antoshin A.V. "The Last of the Socialist-Revolutionaries": the New York group of the AKP in the second half of the 1940s – early 1950s. // *Oikumena. Regional researches*. 2023. № 1. P. 41–48. (In Russ.).
4. Buyakov A.M. Officers-graduates of the Oriental Institute: Years and Fates // *Oriental Institute Journal*. 1999. № 5. P. 97–116. (In Russ.).
5. Vasilenko N.A. Russian emigration in Manchuria on the eve and during the war // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2005. № 2 (48). P. 20–25. (In Russ.).
6. Goverdovskaya L.F. Modern domestic historiography of Russian emigration in China. 1917–1945 // *Russia and Asia-Pacific*. 2004. № 4 (46). P. 62–73. (In Russ.).
7. Dudarenok S.M. The First International Scientific and Practical Conference "Beloved Harbin – the city of friendship between Russia and China" // *Oriental Institute Journal*. 2018. № 2. P. 142–146. (In Russ.).
8. Dudarenok S.M. Review of the book by L.L. Larkina "Midshipman with a strange fate" (Brisbane, 2018. 350 P. ISBN 978-09871637-8-3) // *Oriental Institute Journal*. 2018. № 3. P. 120–123. (In Russ.).
9. Dudarenok S.M., Fedirko O.P., Iskhakova O.D., Krupa T.A. Second international scientific conference "Vladivostok – the point of return: the past and present of Russian emigration" // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2017. № 1 (95). P. 168–172. (In Russ.).
10. Zabayako A.P., Zabayako A.A. The Civil War in the Works of Emigrant Writers from Russian Harbin // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2013. № 4 (82). P. 180–191. (In Russ.).
11. Kalinin V., Ayushin N., Bushin A., Zuev V. Lieutenant General A.P. Budberg // *Russia and Asia-Pacific*. 2001. № 3 (33). P. 137–144. (In Russ.).

12. Kanevskaya G.I. Forgotten explorer of Siberia and the Far East // *Oriental Institute Journal*. 2013. № 1. P. 33–42. (In Russ.).
13. Kapran I.K. Memorable date – the 100th anniversary of the exodus of the Siberian flotilla from Vladivostok in Russian periodicals in Australia: the newspaper "Unification" (Sydney), the magazine "Australian Lampada" (Brisbane) // *Ojkumena. Regional researches*. 2023. № 1. P. 49–58. (In Russ.).
14. Kirillova E.O. Intercultural interactions in the literature of the Russian Far Eastern emigration: Boris Yul'sky's oriental mythology // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2017. № 3 (97). P. 146–158. (In Russ.).
15. Kocheshkov N.V. A book about Russian Atlantis – the city of Harbin // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2002. № 3 (37). P. 162–164. (In Russ.).
16. Kudinova E.Yu. Russians in China, or the experience of setting problems. // *Oriental Institute Journal*. 1999. № 4. P. 71–83. (In Russ.).
17. Kulepanova (Shugailo) T.S., Kulepanov R.V. The theme of the Civil War in the Far East in the magazine "Cadet Roll Call" (New York) in the period 1971–2005. // *Ojkumena. Regional researches*. 2023. № 1. P. 59–66. (In Russ.).
18. Kulepanova (Shugailo) T.S. Soviet Russia in the pages of Russian-language periodicals in the USA in 1945 – early 1950s. // *Russia and Asia-Pacific*. 2018. № 2 (100). P. 67–82. (In Russ.).
19. Lazareva S.I. Patriotism of Russian emigrants in Manchuria // *Russia and Asia-Pacific*. 2000. № 2 (28). P. 88–93. (In Russ.).
20. Lazareva S.I., Sergeev O.I. Socio-political activity of Russian emigrants in China in the 20s – 40s. 20th century // *Ojkumena. Regional researches*. 2011. № 2. P. 145–156. (In Russ.).
21. Lazareva S.I., Sergeev O.I. The topic is an objective analysis. Russian emigration in the Far East // *Russia and Asia-Pacific*. 1996. № 2. P. 66–73. (In Russ.).
22. Levoshko S. Architect A.I. Yaron and his temple-monument to Nicholas II in Shanghai // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2002. № 4 (38). P. 97–110. (In Russ.).
23. Pashin V.P. New documents on the activities of ataman G.M. Semyonov in the Far East in the period from 1923 to 1928 // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2018. № 2 (100). P. 155–177. (In Russ.).
24. Podalko P.E. "... New generations will raise the torch that has fallen from our hands" (D.I. Abrikosov strokes to the portrait) // *Oriental Institute Journal*. 1997. № S. P. 171–186 (In Russ.).
25. Podalko P.E. "He was always full of ideas..." P.Yu. Vaskevich is a romantic emigrant // *Oriental Institute Journal*. 1999. № 5. P. 75–96. (In Russ.).
26. Rubanov E.A. Fascist and nationalist movement among the Russian emigration in Manchuria in the 1930s–1940s. // *Russia and Asia-Pacific*. 2014. № 3 (85). P. 115–125. (In Russ.).
27. Smirnov S.V. August 1945. In northern Manchuria: the armed struggle of Russian emigrants against the Japanese // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2015. № 3 (89). P. 82–90. (In Russ.).
28. Smirnov S.V. Youth "politics" of the Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (1935–1945) // *Ojkumena. Regional researches*. 2023. № 1. P. 29–40. (In Russ.).
29. Smirnov S.V. The Order of the Crusaders in Manchuria (1924 – early 1930s) // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2016. № 4 (94). P. 145–154. (In Russ.).
30. Solodovnik I.V. Russian-language media in Australia and Canada // *Ojkumena. Regional researches*. 2010. № 4. P. 38–57. (In Russ.).
31. Sonin V. V. Russian emigrant professors at the Chinese Tsinghua University (30–50s of the XX century) // *Oriental Institute Journal*. 2016. № 1. P. 40–48. (In Russ.).
32. Khisamudinov A.A. Russian periodical press in Harbin // *Ojkumena. Regional researches*. 2016. № 2. P. 154–167. (In Russ.).
33. Khisamutdinov A.A. Russian emigrants-orientalists in Harbin // *Oriental Institute Journal*. 2013. № 1. P. 20–32. (In Russ.).
34. Khisamutdinov A.A., Chi Yu. Professor Mstislav Golovachev – political scientist, lawyer and teacher // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2020. № 2 (108). P. 92–105. (In Russ.).
35. Khiyama S., Morgun Z.F. Life of N. P. Matveev in exile in Japan. // *Oriental Institute Journal*. 1997. № S. P. 213–231. (In Russ.).
36. Zhang Mei. The Development and Historical Contribution of the Russian Emigrant Press in Harbin (China) in the 1920s–1940s // *Ojkumena. Regional researches*. 2023. № 1. P. 11–17. (In Russ.).
37. Chi Yuchao. Pioneers of legal education in the Russian Far East (1919–1922): Based on the materials of the State Archive of the Primorsky Territory // *Ojkumena. Regional researches*. 2022. № 1. P. 84–94. (In Russ.).
38. Shugailo T.S. Anti-Soviet propaganda in Russian emigre publications in the 1950s (on the example of the newspapers "Russia" and "New Russian Word") // *Ojkumena. Regional researches*. 2010. № 4. P. 24–37. (In Russ.).
39. Shugailo T.S. Aggravation of interethnic relations in the USSR and the collapse of the Soviet State on the pages of the Russian émigré press in the USA (1986–1991) // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2016. № 3 (93). P. 106–118. (In Russ.).
40. Shugailo T.S. The image of N.S. Khrushchev in the Russian emigrant periodicals in the USA (1953–1964) // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2011. № 4 (74). P. 141–148. (In Russ.).
41. Shugailo T.S. Emigrant newspaper in the USA "Russian Life" and its social and political positions (1920–1970s) // *Oriental Institute Journal*. 2013. № 1. P. 43–50. (In Russ.).

42. Shulgina N.V. Political situation among the eastern branch of the Russian emigration: Historical aspect // Russia and the Asia-Pacific region. 2013. № 1 (79). P. 43–56. (In Russ.).

Информация об авторе

Вадим Николаевич Караман, канд. ист. наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, Владивосток, Россия, e-mail: bibl-pgom@mail.ru

Information about the author

Vadim N. Karaman, Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist, Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History, Vladivostok, Russia, e-mail: bibl-pgom@mail.ru

Поступила в редакцию 09.04.2023

Received 09.04.2023

Одобрена после рецензирования 01.08.2023

Approved 04.05.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Accepted 24.08.2023

Столичные муниципалитеты в субъектах ДФО (в условиях проведения малой муниципальной реформы)

Батор Солбонович Будаев
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, brotabs83@mail.ru

Аннотация. В большинстве российских городов перешли к системе не прямых выборов мэров. Важным для исследования становится вопрос того, как и в каких условиях осуществлялся этот переход и насколько вероятно, возвращение к системе прямых выборов мэра. Наряду с выборами мэра столичного округа актуальным является анализ их парламентской составляющей. В частности, нас интересовал вопрос того, насколько управляемыми они стали после перехода к смешанной системе и возвращения к практике выборов по мажоритарной системе и /или сокращения пропорциональной части.

Ключевые слова: *столичные муниципалитеты в субъектах ДФО, политические партии в городских легислатурах, отмена выборов мэра, пропорциональная избирательная система*

Для цитирования: Будаев Б. С. Столичные муниципалитеты в субъектах ДФО (в условиях проведения малой муниципальной реформы) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 119–129. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/119-129>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/119-129>

Metropolitan municipalities in the subjects of the Far Eastern Federal District (in the context of a small municipal reform)

Bator S. Budaev
Buryat State University D. Banzarova, Ulan-Ude, brotabs83@mail.ru

Abstract. In most Russian cities, they switched to a system of indirect elections of mayors. An important question for the study is how and under what conditions this transition was carried out and how likely it is to return to the system of direct elections of the mayor. Along with the election of the mayor of the capital district, the analysis of their parliamentary component is relevant. In particular, we were interested in the question of how manageable they became after the transition to a mixed system and the return to the practice of elections by the majoritarian system and / or the reduction of the proportional part.

Key words: *metropolitan municipalities in the subjects of the Far Eastern Federal District, political parties in city legislatures, cancellation of mayoral elections, proportional electoral system*

For citation: Budaev B. S. Metropolitan municipalities in the subjects of the Far Eastern Federal District (in the context of a small municipal reform) // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 119–129. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/119-129>

В России на данный момент осталось лишь незначительное число городов где их жители могут напрямую избирать глав, это: Хабаровск, Улан-Удэ, Якутск, Анадырь, Абакан и Новосибирск. Причем из этих 6 городов – 4 находятся в составе ДФО. Данный факт не может вызывать таких вопросов, как и почему сложилась такая ситуация?

Следует отметить, что ситуация в ДФО тем более показательна, что в части субъектов активно обсуждаются как идеи возвратиться к прямым выборам мэров региональных столиц, так и, наоборот, идея перейти к модели их конкурсного отбора. Неоднократно поднимался вопрос возвращения выборов мэра во Владивостоке и Чите. В Хабаровске же прорабатывался вопрос перехода к принципу конкурсного отбора главы города, но так и не был реализован.

Интересным является случай Улан-Удэ, где сначала отказались от выборов и перешли к практике назначения, а затем вновь вернулись к выборам. Не менее показательным является пример Благовещенска, где сначала перешли к практике конкурсного отбора, потом вернулись к выборам, а затем вновь вернулись к назначению.

С одной стороны, явным является стремление властей стабилизировать ситуацию на местах путем контроля фигуры столичного мэра, который по определению является первым кандидатом на пост губернатора. С другой стороны, в нестабильных парламентских системах слаба исполнительная

власть, и для ее усиления необходима сильная партийная фракция. Второе обстоятельство порождает наш интерес к целому ряду особенностей, касающихся изменения типа избирательной системы на выборах в муниципальные законодательные органы и то, как в результате этого изменился расклад фракционных сил в них.

Мы надеемся, что полученные в ходе исследования данные позволят не только оценить ситуацию в ДФО, но и охарактеризовать ее, что поможет понять, какая система организации МСУ наиболее оптимальна и почему для тех или иных регионов и случаев.

Исследование столичных органов местного самоуправления всегда являлась одной из актуальных тем исследования в России. По многочисленным замечаниям экспертов именно глава крупнейшего в регионе МСУ был первым кандидатом на пост главы региона [7]. Реформа МСУ, начавшаяся в 2003–2009 гг., кардинально изменила облик этого органа власти. Процесс укрепления вертикали власти не только унифицировал систему управления муниципалитетами, но и четко встроил ее в единое правовое пространство [27]. Сформировалось и институциональное пространство управления муниципалитетами. Отказ от прямых выборов глав МСУ в России активно лоббировался еще с того момента, как были отменены выборы глав регионов России. Но при этом сама идея исходила из необходимости усиления роли политических партий [2]. Партии превращались в своего рода суперинститут, связующий все элементы гражданского общества и государства, так и все уровни власти, начиная от муниципального, регионального и заканчивая общенациональным.

Наиболее мощным стимулом для внедрения этой системы стало развитие практики назначения глав субъектов, особенно тогда, когда ими становились "варяги". Новые главы, дабы закрепить свое положение в системе, были вынуждены выстраивать отношения таким образом, чтобы включить в состав своих сторонников мэров столичных городов [25]. При этом формально и та, и другая системы нуждались в легитимации посредством парламентских структур, в которых наиболее значимое положение занимала доминирующая политическая партия.

Политические события 2011 года стали основой постепенного возвращения практики выборов глав регионов, они же и стали катализатором старта нового этапа муниципальных реформ. Новую схему развития системы МСУ в России назвали "малой муниципальной реформой". Среди наиболее интересных следует выделить статью В.С. Авдонина, в которой он обращает на случай Рязани, сравнивая ее с другими регионами России [1]. В продолжении этой темы Р.С. Мухаметов выявил причины того, почему в отдельных регионах "малую муниципальную реформу" удалось реализовать в полном объеме и почему нет в других. Описываемая логика довольно четко выделяет круг игроков и факторов, которые определяют структуру локальных режимов. Среди ключевых выделяют федеральный центр, позицию губернатора, структуру политической элиты (консолидированная, разобщенная), роль политических партий [12]. Удаленность ДФО от федерального центра создает целый ряд условий в рамках, которых унификация политической системы управления создавала неприятие ее местной политической элитой. Что создавало условия неприятия политики федерального центра. Вместе с тем наряду с оппозиционно настроенными по отношению к центру следует выделить и предельно лояльные ему субъекты. Все это приводит к тому, что в рамках одного федерального округа модели организации МСУ столичных городов могут очень сильно отличаться.

В представленной ниже таблице мы можем отметить, как совмещалась муниципальная реформа с возвращением практики выборов глав субъектов РФ.

Первым субъектом в ДФО перешла к системе назначения мэра Амурская область. В это время регион переживал политический кризис. После снятия с должности выборного Л.В. Короткова, члена КПРФ, главой был назначен Колесов Н.А. – "варяг". Он не сумел "прописаться" в регионе, начав политическую борьбу с коммунистами, обвинивших его в коррупции, и привлечших к разбирательствам федеральный центр. В результате на эту должность назначают "успешного", местного Кожемяко О.Н., который ранее сумел без эксцес-

Таблица 1. Выборы мэров столичных городов ДФО
Table 1. Elections of mayors of the capital cities of the Far Eastern Federal District

№	Город	Численность жителей	Дата перехода к назначению губернатора (возвращения к выборам)	Дата перехода к новой системе выборов
1	Хабаровск	617 441	2009 (2013)	Прямые выборы
2	Владивосток	603 519	2005 (2018)	Переход в 2014 (реализован в 2017)
3	Улан-Удэ	436 565	2007 (2017)	Переход в 2011, возвращение к прямым выборам в 2019
4	Якутск	355 443	2006 (2014)	Прямые выборы
5	Чита	334 427	2008 (2013)	Переход в 2014 (реализован в 2014)
6	Благовещенск	241 437	2005 (2012)	Переход в 2010, возвращение в 2014, вновь переход в 2015
7	Южно-Сахалинск	181 587	2007 (2015)	Переход в 2014 (реализован в 2019)
8	Петропавловск-Камчатский	164 900	С 2007 (2015)	Переход в 2011
9	Магадан	90 557	2007 (2013)	Переход в 2015
10	Биробиджан	70 064	2005 (2015)	Переход в 2015
11	Анадырь	13 202	2005 (2013)	Прямые выборы

Источник: составлено автором на основе: [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

Source: compiled by the author based on: [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

сов объединить Корякский автономный округ и Камчатскую область. Именно последний восстановил практику избрания мэра Благовещенска [10]. Новым избранным мэром стал Козлов А.А.

После отставки А.В. Хорошавина с поста губернатора Сахалинской области и назначения на этот пост О.Н. Кожемяко А.А. Козлов был назначен временно исполняющим обязанности губернатора Амурской области. На выборах в 2015 году Козлов А.А. уже был избран на этот пост. Причем все эти события происходят буквально за год. В результате, не успев толком сформировать свою команду в городе, Козлов А.А. принял вполне верное стратегическое решение – вернулся к существовавшей до него схеме опосредованных выборов мэра.

На год позже перешли к новой схеме выборов Улан-Удэ и Петропавловск-Камчатский. В обоих случаях переход был довольно неоднозначным. В Улан-Удэ действующий мэр Г.А. Айдаев занимал данную должность уже третий срок подряд. К концу своего третьего срока полномочий он предложил пересмотреть систему и перейти к системе опосредованных выборов. К этому моменту город Улан-Удэ после масштабного строительства имел огромные долги. Поэтому переход к системе выборов мэра – главы горсовета и сити-менеджера, во многом преследовал целью усилить позиции именно сити-менеджера. На должность сити-менеджера действующий глава предложил свою кандидатуру. Сити-менеджер в условиях больших долгов мог, фактически не оглядываясь на горсовет, управлять городом. Однако данную стратегию последний не согласовал с главой региона. В результате чего уже бывшего чиновника на данную должность не утвердили. В последующем эту должность упразднили вообще [3, с. 142].

Новым мэром – председателем горсовета стал Голков А.М., занимавший этот пост два срока подряд. Будучи креатурой действующего главы региона, он в полной мере ощутил навал критики, обрушившегося на него, так же как и его патрона, поэтому и был вынужден уйти в отставку досрочно в 2019 году. Градус неудовольствия политикой городской администрации среди жителей республики был настолько высок, что новый глава республики А.С. Цыденов в сложившейся обстановке, дабы закрепить свой авторитет, был вынужден открыто заявлять о необходимости возврата к прямым выборам мэра столичного Улан-Удэ.

Выборы мэра в 2019 году проходили при небывалом ажиотаже и чуть было не стали причиной политического кризиса, который удалось избежать лишь благодаря готовности действующего главы идти на прямой диалог как с народом, так и с политической оппозицией [4, с. 48–59].

Последним избранным мэром Петропавловск-Камчатского в 2009 г. стал В.В. Скворцов, который досрочно покинул данную должность в 2011 г. Во многом причиной его ухода стало то обстоятельство, что он не сработался с новым назначенным губернатором В.И. Илюхиным (2011–2020). Нового мэра избрали уже депутаты Петропавловск-Камчатской Думы, им стал Семчев В.А, который проработал в данной должности около года. Следующий мэр Слыщенко К.Г. проработал почти полный срок с 2012 по 2016 гг., но ушел на повышение, пройдя в состав Госдумы в 2016 году. Новым мэром стал Иваненко В.Ю., который не доработал весь срок полномочий, ушел в отставку, был обвинен в коррупции и осужден. С 2020 года обязанности мэра исполняет Брызгин К.В. [11]

В Забайкалье, в отличие от Бурятии, стратегию сохранения должности без проведения выборов удалось реализовать "новым" – "старым" мэром, коим был и стал Михалев А.Д. Сама по себе схема была похожа на Улан-Удэнскую, где глава города – он же мэр. Михалев А.Д. последний избранный мэр (2001–2014), он же мэр – глава Думы городского округа "Город Чита" (2014–2019). В 2019 году он умер. В 2019 до конца срока полномочий думы (2019) мэром был избран Ядрищенский А.П. В 2019 г. в новом созыве городской думы мэром был избран Ярилов Е.В [11].

Одним из самых "спокойных" переходов к новой системе в ДФО был, пожалуй, лишь случай Магадана. Мэр Магадана В.П. Печеный, занимавший эту должность два срока подряд (2004–2013), был назначен губернатором Магаданской области [5]. В последующем пост мэра занимал С.В. Абрамов, который был избран депутатом Магаданской областной думы, позже став ее председателем. С 2015 г., в момент перехода к новой системе, мэром Магадана стал Гришан Ю.Ф. Учитывая положительную динамику карьерного роста всех бывших руководителей города, следует отметить, что противников и конфликтных линий взаимодействия здесь нет. Небольшая проблема возникла в 2020 году, когда новым главой региона был назначен Носов С.К. – варяг – бывший мэр Нижнего Новгорода. Но именно он утвердил Гришана Ю.Ф. на должность вновь [6]. Вместе с тем после урегулирования вопросов нового главы региона и мэра Магадана, который в 2023 году должен идти на второй срок, больших перемен в городе не планируется.

Переход к модели назначения относительно безболезненно осуществился в Южно-Сахалинске. Переход к системе назначения, как и везде, преследовал задачу повышения управляемости городом. Но если в случае с другим субъектами ДФО переход во многом был связан со стремлением навязать эту стратегию главой региона, то в случае Южно-Сахалинска на первое место вышли личные интересы мэра. Мэр Южно-Сахалинска, избранный в 2014 году, С.А. Надсадин в условиях нестабильной политической конъюнктуры¹, дабы "застраховать" свои позиции, легко пошел на размен, став первым избранным депутатами городского совета – мэром в 2019 году [26].

¹ Губернатора Сахалинской области осудили за коррупцию и сняли с должности в 2015 г., главой региона был назначен Кожемяко О.Н. Последний был экстренно переведен из Амурской области, где недоработал весь срок в должности назначенного губернатора. Кожемяко О.Н. недоработал весь срок полномочий и тут, в 2018 г. переведен в Приморский край, врио стала Щербина В.Г., и лишь в 2018 г. главой области стал Лимаренко В.И.

Еврейская автономная область являлась одним из самых слабых регионов в составе ДФО. Именно это обстоятельство стало причиной того, что губернатора Винникова А.А. сняли с должности, не удовлетворив новое руководство и избранный еще при нем мэр Биробиджана Пархоменко А.Г., который уходил с большим скандалом. Новый губернатор Левинталь А.Б. (2015–2019), назначенный на пост губернатора, нуждался в поддержке на местах и лично преданных ему лиц, в результате первым назначенным мэром Биробиджана стал беспартийный Коростелев Е.В.

Смена мэра вновь произошла при назначении нового губернатора. Гольдштейн Р.Э., как и предыдущий губернатор, нуждался в "своем" мэре, таковым стал Головатый А.С. (2019–2021), который был обвинен общественностью в чрезмерных тратах на обслуживание аппарата мэрии и был вынужден досрочно уйти в отставку. В результате в Биробиджане новый мэр – Семенов М.А.

Полным провалом в развитии системы управления (по-другому и не назвать) является ситуация во Владивостоке. Формально переход к новой системе назначения был осуществлен еще в 2014 году, благодаря чему губернатор Миклушевский В.В. сумел подчинить себе все региональные МСУ. Будучи не местным, но довольно долго проживавшем в регионе, он не сумел решить проблему коррумпированности чиновников, хотя в начале старта своей деятельности активно заявлял об этом. Более того, активно взявшись за решение этой задачи, он откровенно отрицательно настроил против себя политическую элиту. Особенно остро протекал конфликт между губернатором и избранным мэром Пушкаревым Г.В., который был арестован, а после сложил свои полномочия в 2017 году [13].

С этого момента мэры Владивостока не задерживаются на этой должности. Так, Литвинов А.А., Лобода К.А., Межонов К.А., Веркеенко В.В. занимали эту должность на срок не более чем полгода. В это время главой региона был назначен Тарасенко А.В. – "варяг", который не сумел "честно" одержать победу на выборах над местным коммунистом Ищенко А.С.

Ситуация, казалась бы, стабилизировалась только тогда, когда главой региона становится Кожемяко О.Н., а мэром назначен Гуменюк О.В. Последний исполнял свои обязанности мэра почти 3 года, но ушел со скандалом, обвинен во взяточничестве и был осужден. Новым мэром стал Шестаков К.В.

В числе регионов не перешедших к новой системе отбора мэра регионального столичного центра относятся Хабаровск, Якутск и Анадырь.

Условно процесс перехода к новой системе в столицах ДФО можно разделить на три группы: плавный, параллельный и конфликтный переход.

Плавный переход – Южно-Сахалинск, Магадан, Чита. Здесь следует отметить, что главой города в случае назначения, как правило, становился действующий градоначальник, сумевший войти в команду "назначенного" губернатора.

Параллельный переход – Благовещенск, Петропавловск-Камчатский. Переход к системе опосредованного выбора главы осуществлялся в условиях назначения губернатора, который не всегда мог найти общий язык с действующим накануне перехода градоначальником в результате, чего возникали конфликты. Поэтому смена руководства города практически совпадала с процессом назначения нового губернатора.

Конфликтный переход – Владивосток, Улан-Удэ, Биробиджан. Нестабильная политическая ситуация, когда глава региона – "варяг" – не сумел плавно войти в региональное политическое пространство, привело к конфликтной линии взаимодействия, где каждый актер стремился усилить свои позиции за счет ослабления оппонентов.

Сама схема перехода к системе опосредованного выбора мэра столичного округа дает возможность оценить масштаб проблем, с которыми может столкнуться руководство региона. Но при этом полученные данные не дают однозначного решения на вопрос, что надо сделать для повышения управляемости городом.

Показательным является возвращение к выборам мэра столичного округа в ситуации кризиса власти, как это произошло в Бурятии в 2019 году и в Благовещенске в 2014 г.

В результате полученных данных явно бросается в глаза обстоятельство того, каким был и является расклад сил в городской легислатуре, которая и принимала ключевое решение о переходе к новой системе опосредованных выборов мэра.

Переход к новой системе выборов мэра параллельно осуществлялся со сменой механизма формирования городской легислатуры. Так, до перехода во всех городах ДФО городские законодательные органы формировались на основе мажоритарной системы. Но с началом муниципальных реформ в качестве основы была использована смешанная избирательная система.

Основной задачей перехода к смешанной избирательной системе было стремление властей перевести на партийно-фракционную основу деятельность муниципальных легислатур. В короткий срок почти все муниципальные парламенты стали "партийными". Но если в условиях доминирования "партии власти" схема работала почти без проблем, то в условиях "переходного периода" 2008–2011 гг. это привело к многочисленным акциям протеста, инициированным миноритарными партиями, которые только благодаря пропорциональной части избирательной системы прошли в муниципальные парламенты.

Для того периода важен был скорее переход к партийной составляющей политического процесса, благодаря которому удалось взять под общий контроль всю вертикаль власти. И лишь позже, после "укоренения" партийной составляющей процесса принятия решений, муниципалитеты отказываются от смешанной избирательной системы. Для этого обратите внимание на приведенные ниже данные *таблицы № 2*.

Как показывают данные таблицы, со временем практически везде отмечается тенденция либо сокращения доли парламентариев, избираемых по пропорциональной части, либо полного отказа от использования и перехода к мажоритарной. Доля членом "партии власти" увеличивается за счет депутатов одномандатников, как партийных изначально, так и самовыдвиженцев. Последние, оказавшись в парламенте, чаще всего вступают в "партию власти", поскольку в этом случае их шансы на успех лоббирования интересов жителей своего округа многократно повышаются.

В результате данной стратегии действия практически повсеместно повысилась доля членом "партии власти" в столичных муниципальных легислатурах, что, безусловно, сказалось на управляемости городским парламентом.

Это и другие обстоятельства позволяют утверждать, что основным механизмом повышения управляемости городом является наличие "управляемого" партией власти муниципального парламента. В отдельных случаях, когда политический режим стабилизируется и формируется система преемственности власти, политическая элита консолидируется. Эффективным становится и переход к системе выборного мэра столичного городского центра.

В городах ДФО отмечается несколько противоречивых тенденций. С одной стороны, вслед за Республикой Бурятия и ее столичным Улан-Удэ, активно заявляют о своем стремлении вернуться к модели выборного мэра Приморский и Забайкальский края. Губернатор Кожемяко О.Н обещал вернуться к прежней схеме еще в 2018 году, однако реализовать ему эту идею не удалось, против выступила даже не общественность города Владивостока, а депутаты Думы города.

В целом не против данной практики выступал и губернатор Забайкальского края А.М. Осипов, поддержал данную стратегию председатель Законодательного собрания Забайкальского края Ю.М. Кон. В данный момент известные общественники братья Лихановы выступили с инициативой проведения референдума о возвращении прямых выборов мэра.

Еще в ноябре 2022 года активно обсуждался вопрос отказа от прямых выборов в Хабаровске и Новосибирске [9]. Примером для последних должен был стать город Томск, который перешел к новой системе в 2021 году. В результате 20 февраля 2023 года город Новосибирск отказался от системы прямых выборов мэра, а чуть раньше – 13 февраля – стало известно, что по прежней системе выборов пройдет голосование в Хабаровске.

Отказ от прямых выборов мэров столичных городов в субъектах ДФО проходил параллельно с процессом перехода к механизму назначения глав субъектов РФ и был призван усилить позиции назначенных глав – "варягов".

	Город	Кол-во депутатов	Схема формирования (проп./ мажор)	ЕР (проп./ мажор)	КПРФ(проп./ мажор)	ЛДПР(проп./ мажор)	СР(проп./ мажор)	НЛ(проп./ мажор)	Пенс. (проп./ мажор)	Другие	Сам
7	Биробиджан 2019–2024	21	Мажор	16	4	0	0	0	0	0	1
	2014–2019	21	Мажор	11	1	-	-	-	1	-	8
	2009–2014	20	Мажор	13	1	-	-	-	1	-	5
8	Чита 2019–2024	30	Мажор	19	2	2	2	0	0	-	5
	2014–2019	30	Мажор	21	2	1	2	-	-	-	4
	2009–2014	30	15/15	21 8/13	2 2/0	2 2/0	5 3/2	-	-	-	-
9	Магадан 2020–2025	20	Мажор	15	0	1	1		0	0	3
	2015–2020	28	14/14	23 9/14	2 2/0	1 1/0	2 2/0	-	-	-	-
	2011–2015	28	Мажор	25	-	1	-	-	-	-	2
10	Южно-Сахалинск 2019–2024	25	Мажор	16	1	-	1	3		"Горсвет" - 4	2
	2014–2019	25	Мажор	16	2	-	1	-	-	-	6
	2009–2014	26	13/13	12 6/6	6 4/2	1 1/0	7 2/5	-	-	-	-
	2005–2014	26	Мажор	-	-	-	-	-	-	-	-
11	Благовещенск 2019–2024	30	Мажор	25	2	1	1	0	0	0	1
	2014–2019	30	10/20	23 5/18	3 2/1	3 2/1	-	-	1/0	-	-
	2009–2014	30	15/15	19 8/11	3 3/0	4 2/2	4 2/2	-	-	-	-
	2005–2009	30	Мажор	-	-	-	-	-	-	-	-

Источник: составлено автором на основе: [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

Source: compiled by the author based on: [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

Процесс перехода к системе опосредованных выборов мэра также был связан с использованием смешанной избирательной системы на выборах городских legislatures. Цель перехода к смешанной системе состояла в том, чтобы сделать городские legislatures партийными. В последствии, когда партийный механизм принятых решений укоренился в городской legislature, произошел плавный переход либо к прежней схеме мажоритарной системы, либо была сокращена доля парламентариев, избираемых по пропорциональной части. Последний факт позволил увеличить эффект от управляемости городскими legislatures, поскольку таким образом сократилась доля депутатов, избираемых миноритарными партиями, доля же парламентариев, избираемых "партией власти", значительно выросла.

С возвращением практики прямых выборов глав субъектов РФ актуализовался и вопрос возвращения к такой и на уровне мэров столичных городов. Особенно остро вопрос перехода к прямым выборам мэров и/или сохранения

ее стоит в Хабаровске, Владивостоке, Улан-Удэ, Якутске, Чите и Благовещенске. Во многом причина заключается в соответствующем уровне доверия к властям. Чем выше уровень муниципалитета, тем шире число проблем его окружающих. В таковых условиях для жителей региональных столиц наиболее важным становится наличие независимого от региональной власти политического игрока, способного отстаивать интересы города.

Литература

1. Авдониин В.С. Трансформация института сити-менеджера в Рязани на фоне реформы МСУ // *Pro nunc*. 2015. № 1 (14). С. 99–121.
2. Антипов К.А. Политизация местного самоуправления в современной России // *Власть*. 2012. № 1. С. 52–54.
3. Будаев Б.С. Современные политические партии в Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2011.
4. Будаев Б.С., Бадмацыренов Т.Б. Политические партии и "длинный" электоральный цикл в Республике Бурятия 2016–2019 гг. // *Вестник Забайкальского государственного университета*. Чита. 2020. Том 26. № 4. С. 48–59.
5. В Магадане депутаты отменили прямые выборы мэра. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1647306.html> (дата обращения: 24.04.2023).
6. Выборы мэра Магадана не состоялись из-за отсутствия кандидатов. URL: <https://iz.ru/1078977/2020-10-27/vybory-mera-magadana-ne-sostoiis-iz-za-otsutstviia-kandidatov> (дата обращения: 24.04.2023).
7. Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб: Норма, 2008.
8. Городецкая Н. Мэров выдворяют с Дальнего Востока. *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1616698> (дата обращения: 20.04.2023).
9. Гробман Е., Мухаметшина Е. В регионах начали обсуждать отмену прямых выборов мэров. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/11/03/948667-nachali-obsuzhdat-vopros-otmeni-viborov-merov> (дата обращения: 20.04.2023).
10. Кошеленко П. Гордума Благовещенска вернула всенародные выборы мэра. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2305649> (дата обращения: 24.04.2023).
11. Михалёв назвал победой отмену прямых выборов мэра. URL: <https://www.chita.ru/text/politics/2014/06/29/70921307/> (дата обращения: 24.04.2023).
12. Мухаметов Р.С. Институциональная муниципальная реформа в России: акторы и их стратегии (на примере "малой" реформы МСУ) // *Полит. наука*. 2021. № 2. С. 207–228.
13. Политика Приморья в 2014 году: получили избранного губернатора, но потеряли МСУ. URL: <https://primamedia.ru/news/412520/> (дата обращения: 24.04.2023).
14. Сайт Администрации города Улан-Удэ. URL: <https://ulan-ude-eg.ru/>; (дата обращения: 24.04.2023).
15. Сайт Администрация городского округа Анадырь. URL: <https://anadyr-adm.ru/> (дата обращения: 24.04.2023).
16. Сайт Благовещенской городской думы. URL: <https://www.blagduma.ru/> (дата обращения: 24.04.2023).
17. Сайт Городской думы города Южно-Сахалинск. URL: <https://duma-ys.ru/>; (дата обращения: 24.04.2023).
18. Сайт Городской думы муниципального образования "Город Биробиджан", Еврейской автономной области. URL: <http://www.birduma.ru/>; (дата обращения: 24.04.2023).
19. Сайт Городской думы Петропавловск-Камчатского городского округа. URL: <https://duma.pkgo.ru/>; (дата обращения: 24.04.2023).
20. Сайт Думы города Владивосток. URL: <https://dumavlad.ru/>; (дата обращения: 24.04.2023).
21. Сайт Думы городского округа "Город Чита". URL: <http://gorduma.msuchita.ru/>; (дата обращения: 24.04.2023).
22. Сайт Магаданской городской Думы. URL: <http://www.maggorduma.ru/>; (дата обращения: 24.04.2023).
23. Сайт Хабаровской городской думы. URL: <https://dumakhv.ru/> (дата обращения: 24.04.2023).
24. Сайт Якутской городской думы. URL: <https://yktgorduma.ru/>; (дата обращения: 24.04.2023).
25. Сельцер Д.Г. "Варяги" в практике локального управления современной России // *Pro nunc*. 2015. № 1 (14). С. 122–141.
26. Сергея Надсадина вновь выбрали мэром Южно-Сахалинска. URL: <https://sakhalinmedia.ru/news/862242/> (дата обращения: 24.04.2023).
27. Moses J.C. Russian local politics in the Putin–Medvedev era // *Europe-Asia studies*. 2010. Vol. 62, No 9. P. 1427–1452.

References

1. Avdonin V.S. Transformation of the city manager institution in Ryazan against the backdrop of the LSG reform // *Pro nunc*. 2015. № 1 (14). P. 99–121.
2. Antipiev K.A. Politicization of local self-government in modern Russia // *Power*. 2012. № 1. P. 52–54.
3. Budaev B.S. Modern political parties in the Republic of Buryatia. Ulan-Ude. 2011 (In Russ.).
4. Budaev B.S., Badmatsyrenov T.B. Political parties and the "long" electoral cycle in the Republic of Buryatia 2016–2019 // *Bulletin of the Transbaikal State University*. Chita, 2020. Том 26, № 4. P. 48–59 (In Russ.).
5. In Magadan, deputies canceled direct elections of the mayor. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1647306.html>, (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
6. Elections of the mayor of Magadan did not take place due to the lack of candidates. URL: <https://iz.ru/1078977/2020-10-27/vybory-mera-magadana-ne-sostoialis-iz-za-otsutstviia-kandidatov>, (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
7. Gelman V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. Local government reform in Russian cities, 1991–2006. St. Petersburg: Norma, 2008. (In Russ.).
8. Gorodetskaya N. Mayors are expelled from the Far East. *Merchant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1616698>, (accessed 20.04.2023) (In Russ.).
9. Grobman E., Mukhametshina E. In the regions began to discuss the abolition of direct elections of mayors. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/11/03/948667-nachali-obsuzhdat-vo-pros-otmeni-viborov-merov>, (accessed 20.04.2023) (In Russ.).
10. Koshelenko P. The City Duma of Blagoveshchensk returned the nationwide mayoral elections. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2305649>. (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
11. Mikhalev called the abolition of direct mayoral elections a victory. URL: <https://www.chita.ru/text/politics/2014/06/29/70921307/>, (accessed 04/24/2023) (In Russ.).
12. Mukhametov R.S. Institutional municipal reform in Russia: actors and their strategies (on the example of the "small" LSG reform) // *Polit. the science*. 2021. № 2. P. 207–228.
13. Politics of Primorye in 2014: We got an elected governor, but lost LSG. URL: <https://primamedia.ru/news/412520/> (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
14. Website of the Administration of the city of Ulan-Ude. URL: <https://ulan-ude-eg.ru/>; (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
15. Site Administration of the urban district of Anadyr. URL: <https://anadyr-adm.ru/> (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
16. Website of the Blagoveshchensk City Council. URL: <https://www.blagduma.ru/> (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
17. Site of the City Duma of the city of Yuzhno-Sakhalinsk. URL: <https://duma-ys.ru/>; (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
18. Website of the City Duma of the municipal formation "City of Birobidzhan", Jewish Autonomous Region. URL: <http://www.birduma.ru/>; (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
19. Site of the City Duma of the Petropavlovsk-Kamchatsky City District. URL: <https://duma.pkgo.ru/>; (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
20. Website of the City Duma of Vladivostok. URL: <https://dumavlad.ru/>; (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
21. Site of the Duma of the urban district "City of Chita". URL: <http://gorduma.msuchita.ru/>; (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
22. Website of the Magadan City Duma. URL: <http://www.maggorduma.ru/>; (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
23. Website of the Khabarovsk City Council. URL: <https://dumakhv.ru/> (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
24. Site of the Yakut City Duma. URL: <https://yktgorduma.ru/>; (accessed 24.04.2023) (In Russ.).
25. Seltser D.G. "Varangians" in the practice of local government in modern Russia // *Pro nunc*. 2015. № 1 (14). P. 122–141.
26. Sergei Nadsadin was again elected mayor of Yuzhno-Sakhalinsk. URL: <https://sakhalinmedia.ru/news/862242/>, (accessed 04/24/2023) (In Russ.).
27. Moses J.C. Russian local politics in the Putin–Medvedev era // *Europe-Asia studies*. – 2010. – Vol. 62, No. 9. P. 1427–1452. <https://doi.org/10.1080/09668136.2010.515791>

Информация об авторе

Батор Солбонович Будаев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: brotabs83@mail.ru

Information about the author

Bator S. Budaev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology, Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia, e-mail: brotabs83@mail.ru

Поступила в редакцию 25.04.2023

Одобрена после рецензирования 09.08.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Received 25.04.2023

Approved 09.08.2023

Accepted 24.08.2023

Конструирование имиджа России в газете "Жэньминь жибао"

Ся Линь

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, a1010441893@163.com

Аннотация. В данном исследовании подсчитываются основные репортажи, связанные с Россией, в газете "Жэньминь жибао" за период 2015–2022 гг. С точки зрения международных отношений анализируется конструирование имиджа России в газете "Жэньминь жибао". На основе теории конструктивизма международных отношений, автор выявляет причины создания имиджа РФ.

Ключевые слова: Россия, Китай, стратегическое партнёрство, газета "Жэньминь жибао", имидж страны
Для цитирования: Ся Линь. Конструирование имиджа России в газете "Жэньминь жибао" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 130–140. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/130-140>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/130-140>

The construction of Russian image by People's Daily

Xia Lin

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, a1010441893@163.com

Abstract. This study counts the main reports related to Russia in the People's Daily from 2015 to 2022. Analyze the construction of Russia's image by People's Daily from the perspective of international relations. Based on the theory of international relations constructivism, the author further analyzes the reasons for the image building of the Russian Federation.

Key words: Russia, China, strategic partnership, People's Daily newspaper, country's image

For citation: Xia Lin. The construction of Russian image by People's Daily // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 130–140. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/130-140>

Введение

Средства массовой информации являются одним из важнейших средств формирования имиджа государства. Анализируя сообщения китайских основных СМИ о России, мы можем понять, как формируется образ России в Китае с разных точек зрения. СМИ также представляют важное окно для наблюдения за развитием российско-китайских отношений. В Китае проводится достаточное количество исследований в области формирования имиджа государства в СМИ: "Исследование национального имиджа Китая в основных СМИ Бразилии" [51], "Анализ образа Китая в российских СМИ в 2019 году" [11] и "Исследование имиджа Китая в основных российских газетах (2012–2015)" [9]. Эти исследования в основном посвящены изучению имиджа Китая в зарубежных СМИ. Когда видишь мудрого человека, подумай о том, чтобы уподобиться ему. Когда видишь человека, который не обладает мудростью, взвесь свои собственные поступки [23]. Из "Аналектов Конфуция" мы видим, что китайцы с древних времён любили самоанализ. При этом китайские учёные предпочитают изучать образ Китая в зарубежных СМИ, чтобы понимать, как лучше создать положительный образ КНР в мире. В последние годы исследования имиджа страны в СМИ стали популярны и в России: "Формирование международного имиджа России зарубежными СМИ" [5], "Отражение внешнеполитического имиджа России в СМИ Великобритании" [6], "Языковые аспекты формирования имиджа России в китайских СМИ" [3]. Многие российские учёные уделяют большое внимание созданию имиджа РФ и даже думают, что формирование международного имиджа страны является стратегической задачей [5, с. 90]. Неважно, с точки зрения истории, геополитики или торгово-экономических отношений Китай и Россия являются добрыми соседями, хорошими партнёрами и особенно незаменимыми силами в многополярности. Однако восприятие между Китаем и Россией все ещё отличается и существуют заблуждения. В современном Китае все больше распространяется представление о России как не очень трудолюбивой стране, богатой благодаря лишь наличию огромного ресурсного потенциала и сохраняющей влияние вследствие обладания ядерным оружием [4, с. 57]. А для многих простых россиян политическая система Китая представляется непрозрачной, а долгосрочная стратегия его руководства – неясной. Большинство из них не имеют

Таблица 1. Динамика количества сообщений, связанных с Россией в газете "Жэньминь жибао" в 2015–2022 гг.

Table 1. Dynamics of the number of reports related to Russian in The People's Daily newspaper in 2015–2022.

Годы	Количество связанных с РФ сообщений
2015	225
2016	200
2017	167
2018	148
2019	107
2020	75
2021	64
2022	46

Источник: составлено автором на основе: [36].

Source: compiled by the author based on: [36].

чёткого мнения о соседней стране, многие относятся к ней с подозрением [7, с. 20]. В 2020 году был опубликован доклад Совета по СМИ Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития, в котором был сделан вывод о том, что беспрецедентно высокий уровень российско-китайских связей и их солидная общественная поддержка бросают некий вызов СМИ, требуя от них большей глубины в освещении взаимоотношений двух стран [2]. Объект исследования – имидж России в китайских СМИ. В связи с этим мы можем не только понять истинное отношение основных китайских СМИ к России, но и устранить недопонимание между двумя народами, углубить дружбу двух стран, и ещё больше расширить каналы сотрудничества между Китаем и Россией. Конструктивизм в международных отношениях является методологической основой исследования. В данной работе используется сочетание количественного и качественного анализа. В общей сложности было собрано 1032 сообщения, связанные с Россией, из газеты "Жэньминь жибао" за период с января 2015 года по 31 декабря 2022 года.

Основные информационные поводы, связанные с Россией, в газете "Жэньминь жибао"

Газета "Жэньминь жибао" является одной из ведущих газет в мире и самой влиятельной газетой в Китае [1]. Общее количество пользователей, охваченных газетой "Жэньминь жибао", превышает 900 миллионов человек [35]. Поэтому выбор "Жэньминь жибао" в качестве исследовательских материалов имеет большое практическое значение. Анализируя темы, эмоциональное направление (позитивное, отрицательное и нейтральное) и частоты слов в репортажах, мы отметили, что газета "Жэньминь жибао" конструирует образ России с таких аспектов: экономика, политика, общество, культура, военное дело, спорт и история. Несмотря на сокращение количества сообщений, связанных с Россией, в 2020 году из-за эпидемии, как показывают данные *таблиц 1 и 2*, в центре внимания по-прежнему были политика, а затем экономика.

В данной статье также анализируется модальность освещения событий, связанных с Россией, в газете "Жэньминь жибао": позитивная, нейтральная и негативная. В настоящее время не существует строгого определения "позитивной отчётности" и "негативной отчётности". Поэтому автор согласен со следующими взглядами: позитивные репортажи – это те, которые восхваляют Россию, показывают ее положительные и светлые стороны и способствуют формированию современного и цивилизованного образа России в новую

Таблица 2. Статистика категоризации тем, связанных с РФ в газете "Жэньминь жибао" в 2015–2022 гг.
Table 2. Statistics on the categorisation of topics related to the Russian Federation in The People's Daily newspaper in 2015–2022.

Темы	Количество связанных с РФ сообщений
политика	548
экономика	219
общество	84
культура	59
военное дело	57
спорт	40
история	25

Источник: составлено автором на основе: [36].

Source: compiled by the author based on: [36].

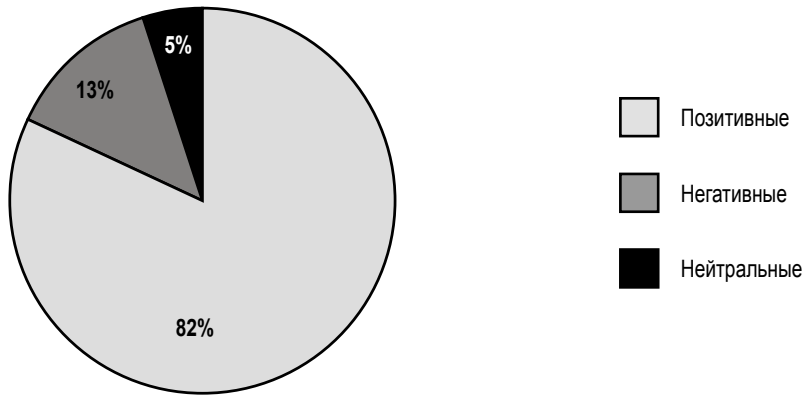
эпоху; негативные репортажи – те, которые представляют государство с отрицательной стороны; нейтральные репортажи, основанные на объективных фактах и не имеющие ни положительного, ни отрицательного оттенка [22, с. 31]. Как видно из *рисунка 1*, освещение событий, связанных с Россией, в газете "Жэньминь жибао" в 2015–2022 годах было в основном позитивным, но и негативное освещение также имело определённую долю.

Политический аспект. В этом аспекте газета "Жэньминь жибао" уделяет большое внимание взаимодействию на высших уровнях между Россией и Китаем. Автор ведёт статистику частотностей слов в заголовке политических сообщений в газете "Жэньминь жибао" в 2015–2022 гг., и отметил, что 会见 (провести встречу), 访问 (нанести визит), 会晤 (встретиться), 会谈 (провести разговор), являются частотными словами в политическом аспекте (*таблица 3*). Газета "Жэньминь жибао" ещё изобразила скачкообразное развитие отношений двух стран, часто публикуя такие позитивные сообщения, как "Китайско-российское партнёрство всеобъемлющего стратегического сотрудничества соответствует пожеланиям народов двух стран" [46], "Китайско-российские отношения вступают на новый путь" [55], "Китайско-российские отношения привнесли стабильность в нынешнюю ситуацию в мире" [8]. Кроме этого, с точки зрения формирования позитивного политического имиджа газета "Жэньминь жибао" в 2015–2022 годах обрисовывает в России стабильность политической системы: внутри страны Россия упорно боролась с коррупцией: "Борьба с коррупцией, Россия будет вести затяжную войну" [26]. Внешне Россия активно подаёт дружественный сигнал странам в мире: "Россия активизирует сотрудничество с Ираном" [31], "Россия сигнализирует об улучшении отношений с Европой" [25]. Негативные сообщения о политическом имидже России в основном относятся к отношениям между Россией и странами Запада, а также к отношениям между РФ и США: "Суверенный кредит понижен, западные санкции не ослабевают" [48], "Войска увеличиваются в Восточной Европе, НАТО приближается к России" [37], "США применяют санкционную "дубинку", Россия готовит контрмеры" [13], "В серии диалогов между Россией и США и Западом не было достигнуто существенного прогресса." [40].

В общем описание газеты "Жэньминь жибао" показывает благодарный российско-китайский механизм встреч. Однако из негативных отчётов мы также видим растущее напряжение в отношениях между Россией и Западом и трудности в достижении существенного прогресса в отношениях между Россией и США, так как НАТО продолжает расширяться на Восток.

Экономический аспект. На долю газеты "Жэньминь жибао" приходится 91,7% положительных публикаций в экономической категории, касающихся России. Негативные экономические отчёты были сосредоточены на 2015–2016

Рис. 1. Тональность освещения событий о России в газете "Жэньминь жибао" в 2015–2022 гг.
Figure 1. The tone of the coverage of reports about Russia in the newspaper "People's Daily" in 2015–2022.

Источник: составлено автором на основе: [36].

Source: compiled by the author based on: [36].

годах, включая вопросы экспорта энергоносителей, дисбаланс обменного курса, экономический спад и коррупцию и т. д. Однако в последние годы, по мере улучшения деловой среды в России, повышения решимости бороться с коррупцией и активизации торговли между Китаем и Россией, имидж РФ получил положительную оценку и подтверждение: "Российский рынок электронной коммерции быстро растёт" [53], "Экономика России в 2019 году выросла на 1,3%" [45], "В первом полугодии ВВП вырос на 4,6% в годовом исчислении, российская экономика ускорила восстановление" [41], "Китай был крупнейшим торговым партнёром России 12 лет подряд – китайско-российское экономическое и торговое сотрудничество достигло плодотворных результатов" [54]. В целом на экономическом фронте газета "Жэньминь жибао" рисует образ российского государства с богатыми запасами энергии, быстро восстанавливающейся экономикой и углубляющимися экономическими контактами между Россией и Китаем.

Социальный аспект. Положительное и нейтральное освещение в социальной категории составило 50% и 21,5% соответственно. Широкий спектр освещения, включая научные и технические достижения России, образовательные экзамены, профилактику и борьбу с эпидемиями, гуманитарные обмены, способствует формированию положительного имиджа страны. Однако нельзя игнорировать и негативное освещение, которое составляет 28,5%. Негативное освещение включает: кораблекрушения, авиакатастрофы, перестрелки, пожары и т. д. В целом газета "Жэньминь жибао" показывает российское общество, которое позитивно развивается по всем направлениям, но вопросы социальной защиты и безопасности все еще требуют решения.

Культурный аспект. В период 2015–2022 годов культурное освещение, связанное с Россией, в газете "Жэньминь жибао" было как позитивным, так и нейтральным: "Русское искусство и Китай" [47], "Незабываемый Ансамбль песни и пляски Российской армии" [44], "Антология русской лирики" [14], "Китайский кинофестиваль 2016 пройдёт из Москвы в Ростов-на-Дону с 8 по 27 ноября" [43], "Свет русского национального искусства" [30] и др. Эти сообщения создают образ культурной державы с глубоким литературным, художественным и кинематографическим наследием и акцентом на культурные обмены с Китаем.

Военный аспект. Военные репортажи – это в основном положительные и нейтральные репортажи, касающиеся военных учений, военной техники и антитеррористического сотрудничества. Например: "Россия и Белоруссия провели совместные военные учения" [10], "Восточный военный округ России провёл многоцелевые антитеррористические учения" [32], "Россия запустила новый стелс-беспилотник самоподрыва" [12]. Россия, как страна-преемница

Табл. 3. Частотности слов в заголовке политических сообщений в газете "Жэньминь жибао" в 2015–2022 гг.

Table 3. The frequency of words in the headline of political reports in The newspaper "People's Daily" in 2015–2022.

№	Слово	Частотность слова
1	会见 (провести встречу)	139
2	习近平 (Си Цзиньпин)	114
3	普京 (В. Путин)	105
4	总理 (премьер-министр)	79
5	王毅 (Ван И)	50
6	外长 (министр иностранных дел)	50
7	访问 (нанести визит)	47
8	会议 (собрание)	38
9	李克强 (Ли Кэцян)	37
10	梅德韦杰夫 (Д. Медведев)	36
11	通电话 (провести телефонный разговор)	36
12	拉夫罗夫 (С. Лавров)	31
13	合作 (сотрудничать)	27
14	会晤 (встретиться)	26
15	会谈 (провести разговор)	25

Источник: составлено автором на основе: [36].

Source: compiled by the author based on: [36].

основных достижений Советского Союза, обладает очевидной военной мощью. Чтобы поддерживать своё превосходство в военной сфере и обеспечить государственную безопасность, Россия непрерывно увеличивает инвестиции в вооружённые силы, модернизирует военную технику и проводит совместные военные учения. Кроме того, Россия активно укрепляет антитеррористическое сотрудничество с другими странами, эффективно противодействует намерениям террористов, что приносит мощный стабилизирующий фактор мировой безопасности. Можно сказать, что Россия – незаменимый полюс в многополярном мире. К негативным сообщениям в военной категории можно отнести следующие: "Серия столкновений между Россией и НАТО в Балтийском море привела к росту напряжённости между двумя сторонами" [33] и "Система противоракетной обороны под руководством США была установлена на пороге

России, а расширение НАТО на восток не останавливается" [38]. Сообщений с негативным подтекстом немного, но они создают ощущение, что Россия часто использует жёсткую военную тактику для обеспечения своей национальной безопасности при решении вопросов международных отношений.

Спортивный аспект. В газете "Жэньминь жибао" до 2018 года российский спорт вызывал споры из-за злоупотреблений допингом: "IAAF продлевает дисквалификацию, Россия пропустит чемпионат мира по лёгкой атлетике" [17], "МОК наказывает 4 российских снегоходчиков" [15], "Исполком МОК принял решение запретить участие российской делегации в зимних Олимпийских играх в Пхенчхане" [16]. С проведением Чемпионата мира по футболу 2018 года в России спортивная карьера и позитивный национальный имидж России достигли своей второй высшей точки после зимних Олимпийских игр 2014 года в Сочи. Газета "Жэньминь жибао" подготовила долгосрочный отчёт о чемпионате мира по футболу в России и высоко оценила российскую футбольную команду: "Россия может покинуть поле с гордостью (прямая трансляция с поля)" [29], "Россия выигрывает Кубок АТР" [27], "(Встреча на зимних Олимпийских играх в Пекине) продолжает писать новую главу российско-китайской дружбы" [33]. Благодаря успешному проведению чемпионата мира по футболу в России в 2018 году и Зимних Олимпийских игр в Пекине в 2022 году дружба между народами России и Китая укрепилась ещё больше, а образ России как спортивной державы постепенно получает признание в обеих странах.

Исторический аспект. Репортажи на историческую тематику в основном посвящены празднованию Победы в Великой Отечественной войне: "Президент России Путин отметил: что знаменательно, что Россия и Китай отмечают 70-летие победы во Второй мировой войне" [49], "Отмечая великую победу во Второй мировой войне, пишем новую главу сотрудничества на Шёлковом пути" [20], "Россия проводит мероприятия по обзору истории Великой Отечественной войны" [39]. И Россия, и Китай подвергались преследованиям со стороны фашистского государства и "скрепили крепкую дружбу своей жизнью и кровью во Второй мировой войне" [50]. Эти доклады показывают, что Россия уважает историю, демонстрируя, что правительства и народы двух стран дорожат миром, что является прочной исторической основой для продолжения развития российско-китайских отношений.

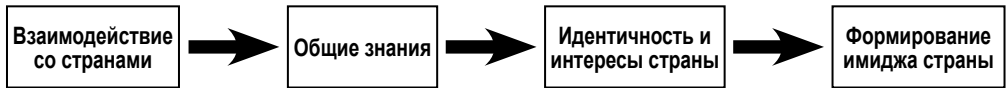
Причины построения образа России

В различных дисциплинарных областях понимание образа государства различно. Большинство интерпретаций сосредоточено на том, что образ государства – это субъективная оценка объективного существования государства. Однако те страны, которые обладают высокой общей мощностью и хорошим гражданским качеством, не обязательно имеют отличный национальный имидж. А страна с относительно низким уровнем жизни населения, наоборот, может обладать прекрасной репутацией в мире.

Учёные-конструктивисты в лице Вендта верят в то, что отношения можно конструировать. Конструктивизм считает, что всё в мире конструируется и, таким образом, наделяется смыслом. Вещи, оторванные от социальных отношений, неопределимы и бессмысленны [3, с. 29]. Исходя из этого, некоторые учёные предполагают, что имидж страны часто не является истинным отражением объективного профиля страны, а становится продуктом взаимодействия между странами [5, с. 28]. По словам Ли Чжи, необходимыми факторами, определяющими имидж страны, являются общие представления и структуры знаний, которые проходили во взаимодействии между странами в международном сообществе [3, с. 27]. В современном обществе СМИ играют важную роль во взаимодействии между странами. Взаимодействие и общая идея между странами часто отражаются в основных средствах массовой информации. По мере того, как российско-китайское всеобъемлющее стратегическое партнёрство вступает в новую эру, СМИ обеих стран уделяют ему всё больше внимания.

Анализ общего объёма, тем, тенденций и освещений, связанных с Россией, в газете "Жэньминь жибао" за 2015–2022 годы показывает, что в соответствии с взаимодействием между двумя странами, помимо политических и экономических тем, отчёты каждый год будут посвящены другим аспектам. В

Рис. 2. Схематическое изображение построения имиджа страны
 Figure 2. Schematic representation of building the image of the country

Источник: составлено автором на основе: [3].

Source: compiled by the author based on: [3].

целом газета "Жэньминь жибао" строит тесные политические отношения, частые экономические обмены и многообещающее сотрудничество в различных областях между Россией и Китаем.

Судя по анализу сообщений в газете "Жэньминь жибао", Китай и Россия взаимодействуют, включая встречи лидеров, экономическое сотрудничество, образовательные и культурные обмены и т.д. Целью взаимодействия является углубление взаимных знаний двух народов, стимулирование чувства идентификации китайского народа с Россией и, таким образом, установление позитивной взаимной идентичности с Россией, а в конечном итоге – формирование хорошего имиджа российского государства. Совместное восприятие, состоящее из идентичности, идентификации и других факторов, формирует основную систему для построения национального образа, и чем интенсивнее взаимодействие, тем сильнее совместное восприятие, тем отчётливее взаимно конструируемые национальная идентичность и образ. Приведённые выше взаимосвязи показаны на *Рис. 2*.

Китай и Россия имеют богатую историю сотрудничества и консенсуса. В 1992 г. Россия и Китай выступили с совместным заявлением. В 1996 г. было подтверждено стратегическое партнёрство. В 2001 г. был подписан "Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР". В 2019 г. Россия и Китай приняли совместное заявление о стратегическом партнёрстве в новой эпохе. Как видно из углубления российско-китайских отношений, Россия и Китай активно взаимодействуют. Российско-китайские отношения всегда развивались по восходящей [9, с. 43]. Но сегодня Китай и Россия сталкиваются со многими общими угрозами и вызовами: расширение НАТО на Восток, санкции США, экономическое развитие в пост-эпидемическую эпоху и т.д. Тем самым Китай и Россия должны продолжать укреплять консенсус, совместно работать над глобальными вызовами, продвигать качественное и модернизированное сотрудничество и укреплять добрососедские отношения между Россией и Китаем.

Литература

1. Википедия – Жэньминь жибао. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Жэньминь_жибао (дата обращения: 05.02.2023).
2. Доклад Совета по СМИ Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития // Обзор России в китайских СМИ (2014–2016). URL: <https://ria.ru/20170911/1499895001.html> (дата обращения: 05.02.2023).
3. Лай Линджи. Языковые аспекты формирования имиджа России в китайских СМИ // Гуманитарный вектор. 2018. № 1. С. 130–135.
4. Песцов К. Россия и Китай: восприятие друг друга и перспективы сотрудничества. // *Russia in the global world*. 2017. № 11. (34). С. 51–63.
5. Романова В., Черенкова. В. Формирование международного имиджа России Зарубежными СМИ // Вестник ЗабГУ. 2022. № 6. С. 90–100.
6. Сагалаева С., Харичкин Н. Отражение Внешнеполитического имиджа России в СМИ Великобритании. // Огарёв-Online. 2019. С. 1–7.
7. Тренин Д. Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. М.: Центр европейских реформ, Московский Центр Карнеги, 2012. 70 с.
8. 白紫微. 俄罗斯驻华大使—俄中关系为当今国际局势注入稳定因素[N]. 人民日报. 2020-11-04(16) = Бай Цзвэй. Китайско-российские отношения привнесли стабильность в нынешнюю ситуацию в мире // Жэньминь жибао. 2020. 04 ноября. № 16.

9. 陈学貌. 俄罗斯主流报纸中的中国形象研究 (2012–2015) = Чэнь Сюемао. Исследование имиджа Китая в основных российских газетах (2012–2015). // 黑龙江大学 = Вестник Хэйлунцзянского университета. 2017.
10. 陈效卫. 俄罗斯与白俄罗斯举行联合军演[N]. 人民日报. 2015-09-11(21) = Чэнь Сяовэй. Россия и Белоруссия провели совместные военные учения // Жэньминь жибао. 2015. 11 сентября. № 21.
11. 崔欣宇. 2019年俄罗斯媒体中的中国形象分析. = Цуй Синьюй. Анализ имиджа Китая в российских СМИ в 2019 г. // 公关世界 = Мир пиара. 2021. № 10. С. 87–88.
12. 俄罗斯推出新型隐形自爆型无人机[N]. 人民日报. 2019-02-19(17) = Россия запустила новый стелс-беспилотник самоподрыва // Жэньминь жибао. 2019. 19 февраля. № 17.
13. 高石, 曲颂. 美国挥舞制裁"大棒" 俄罗斯酝酿反制措施, 美俄紧张关系再度升级[N]. 人民日报. 2018-08-14(21) = Гао Ши, Цюй Сун. США применяют санкционную "дубинку", Россия готовит контрмеры // Жэньминь жибао. 2018. 14 августа. № 21.
14. 顾蕴璞, 曾思艺. 《俄罗斯抒情诗选》[N]. 人民日报. 2017-07-11(24) = Гу юньпу, Цзэн Сыи. Антология русской лирики // Жэньминь жибао. 2017. 11 июля. № 24.
15. 国际奥委会处罚4名俄罗斯雪车选手[N]. 人民日报. 2017-11-25(06) = МОК наказывает 4 российских снегоходчиков // Жэньминь жибао. 2017. 25 ноября. № 6.
16. 国际奥委会执委会决定, 禁止俄罗斯代表团参加平昌冬奥会[N]. 人民日报. 2017-12-07(23) = Исполком МОК принял решение запретить участие российской делегации в зимних Олимпийских играх в Пхенчхане // Жэньминь жибао. 2017. 07 декабря. № 23.
17. 国际田联延长禁令, 俄罗斯队无缘田径世锦赛[N]. 人民日报. 2017-02-08(15) = IAAF продлевает дисквалификацию, Россия пропустит чемпионат мира по легкой атлетике // Жэньминь жибао. 2017. 08 февраля. № 15.
18. 范祖奎, 房玉霞. 俄罗斯媒体上的中国形象塑造—基于《真理报》的调查 = Фань Цзукуй, Фан Юйся. Формирование имиджа Китая в российских СМИ – исследование на основе газеты "Правда". // 新疆社会科学 = Синьцзянские общественные науки. 2014. № 4. С. 84–89.
19. 姜可雨. 建构主义视域下"国家形象"的概念辨析. = Цзян Кэюй, Дискриминация и анализ понятия "национальный образ" с точки зрения конструктивизма // 湖北社会科学 = Социальные науки Хубэй. 2016. № 5. С. 27–34. <https://doi.org/10.13660/j.cnki.42-1112/c.013587>.
20. 纪念二战伟大胜利, 谱写丝路合作新篇章[N]. 人民日报. 2015-05-13(01) = Отмечая великую победу во Второй мировой войне, пишем новую главу сотрудничества на Шёлковом пути // Жэньминь жибао. 2015. 13 мая. № 1.
21. 姜毅. 不断深化的战略协作伙伴关系. = Цзян И. Постоянное углубление стратегического партнерств. // 中国党政干部论坛 = Китайский форум партийных и государственных кадров. 2008. № 2. С. 41–43.
22. 柯惠新, 郑春丽, 吴彦. 中国媒体中的俄罗斯国家形象—以对《中国青年报》的内容分析为例. = Кэ Хуэйсинь, Чжэн Чунли, У Янь. Национальный образ России в китайских СМИ в газете "Молодежной газеты Китая". // 现代传播(中国传媒大学学报) = Современная коммуникация (Журнал Коммуникационного университета Китая). 2007. № 5. С. 31–34.
23. 孔子:《论语》. = Конфуций. "Лунь Юй". URL: <https://lunyu.5000yan.com/> (дата обращения: 05.02.2023).
24. 李智. 中国国家形象: 全球传播时代建构主义的解读. = Ли Чжи. Национальный образ Китая: интерпретация конструктивизма в эпоху глобальной коммуникации // 北京: 新华出版社, 2011. = Пекин: Издательство Синьхуа, 2011.
25. 林雪丹. 俄罗斯传递改善对欧关系信号[N]. 人民日报. 2015-12-22(10) = Линь Сюедань. Россия сигнализирует об улучшении отношений с Европой // Жэньминь жибао. 2015. 22 декабря. № 10.
26. 林雪丹. 反腐败, 俄罗斯要打"持久战"[N]. 人民日报. 2015-04-05(03) = Линь Сюедань. Борьба с коррупцией, Россия будет вести затяжную войну // Жэньминь жибао. 2015. 05 апреля. № 3.
27. 李硕. 俄罗斯队获得ATP杯冠军[N]. 人民日报. 2021-02-09(21) = Ли Шо. Россия выигрывает Кубок ATP // Жэньминь жибао. 2021. 09 февраля. № 21.
28. 刘莹. 共有观念与中俄战略协作伙伴关系—以建构主义理论为视角 = Лю Ин. Общие концепции и российско-китайское стратегическое сотрудничество – с точки зрения теории конструктивизма. // 东北亚论坛 = Форум Северо-Восточной Азии. 2013. № 22(04). С. 10–18. <https://doi.org/10.13654/j.cnki.naf.2013.04.012>.
29. 马剑. 俄罗斯队可以骄傲离场(赛场直击)[N]. 人民日报. 2018-07-09(21) = Ма Цзянь. Россия может покинуть поле с гордостью (прямая трансляция с поля). 2018. 09 июля. № 21.
30. 屈佩. 俄罗斯民族艺术之光[N]. 人民日报. 2020-09-12(07) = Цюй Пэй. Свет русского национального искусства // Жэньминь жибао. 2020. 12 сентября. № 7.
31. 曲颂. 俄罗斯提升与伊朗合作关系[N]. 人民日报. 2015-11-25(11) = Цюй Сун. Россия активизирует сотрудничество с Ираном // Жэньминь жибао. 2015. 25 ноября. № 11.
32. 曲颂. 俄罗斯东部军区举行多兵种反恐演习[N]. 人民日报. 2017-02-07(21) = Цюй Сун. Восточный военный округ России провёл многоцелевые антитеррористические учения // Жэньминь жибао. 2017. 07 февраля. № 21.
33. 曲颂. 扩充军力, 俄罗斯与北约"硬碰硬"[N]. 人民日报. 2016-05-06(21) = Цюй Сун. Нарращивая свою военную мощь, Россия и НАТО "лоб в лоб" // Жэньминь жибао. 2016. 06 мая. № 21.

34. 曲颂, 屈佩. "冬奥之约"续写俄中友好新篇章 (相约北京冬奥) [N]. 人民日报. 2022-02-02(03) = Цюй Сун, Цюй Пэй. "Встреча на зимних Олимпийских играх в Пекине" продолжает писать новую главу российско-китайской дружбы // Жэньминь жибао. 2022. 02 февраля. № 3.
35. 人民日报社社会责任报告 (2020年度) = Доклад о социальной ответственности газетам "Жэньминь жибао" (2020). URL: <http://gongyi.people.com.cn/n1/2021/0623/c151132-32138755.html> (дата обращения: 05.02.2023).
36. 人民日报图文数据库 = База данных Газеты "Жэньминь жибао". URL: <http://data.people.com.cn/rmrb/20230321/1?code=2> (дата обращения: 05.02.2023).
37. 任彦. 增兵东欧, 北约近逼俄罗斯[N]. 人民日报. 2016-10-19(11) = Жэнь Янь. Войска увеличиваются в Восточной Европе, НАТО приближается к Антология русской лирики // Жэньминь жибао. 2016. 29 октября. № 11.
38. 宋豪新, 曲颂, 任彦. 俄罗斯与西方—战略焦虑导致"安全困境"[N]. 人民日报. 2016-08-22(22) = Сун Хаосинь, Цюй Сун, Жэнь Янь. Россия и Запад: стратегическая тревога ведет к "дилемме безопасности" // Жэньминь жибао. 2016. 22 августа. № 22.
39. 荣翌. 俄罗斯举办活动重温卫国战争历史[N]. 人民日报. 2021-11-17(16) = Жун И. Россия проводит мероприятия по обзору истории Великой Отечественной войны // Жэньминь жибао. 2021. 17 ноября. № 16.
40. 隋鑫. 俄罗斯与美西方系列对话未取得实质性进展[N]. 人民日报. 2022-01-18(17) = Суй Синь. В серии диалогов между Россией и США и Западом не было достигнуто существенного прогресса // Жэньминь жибао. 2022. 18 января. № 17.
41. 隋鑫. 上半年GDP同比增长4.6%俄罗斯经济加快复苏[N]. 人民日报. 2021-08-02(16) = Суй Синь. В первом полугодии ВВП вырос на 4,6% в годовом исчислении, российская экономика ускорила восстановление // Жэньминь жибао. 2021. 02 августа. № 16.
42. 魏侨. 俄罗斯媒体报道中的中国形象研究 = Вэй Цяо. Исследование имиджа Китая в сообщениях российских СМИ. // 上海外国语大学 = Шанхайский университет международных исследований. 2020. <https://doi.org/10.27316/d.cnki.gswyu>. 2020.
43. 魏良磊, 胡晓光, 刘延东出席俄罗斯2016中国电影展[N]. 人民日报. 2016-11-17(03) = Вэй Лянлэй, Ху Сяогуан. Лю Яньдун посетил китайский кинофестиваль 2016 г. в России // Жэньминь жибао. 2016. 17 ноября. № 3.
44. 伍安娜. 难忘俄罗斯红旅歌舞团[N]. 人民日报. 2016-12-29(19) = Ву Аньна. Незабываемый Ансамбль песни и пляски Российской армии // Жэньминь жибао. 29 декабря. 2016. № 19.
45. 吴刚. 俄罗斯2019年经济增长1.3% [N]. 人民日报. 2020-02-14(17) = Ву Ган. Экономика России в 2019 году выросла на 1,3% // Жэньминь жибао. 2020. 14 февраля. № 17.
46. 习近平主席和俄罗斯总统普京互致新年贺电[N]. 人民日报. 2015-01-01(01). = Председатель КНР Си Цзиньпин и президент России Владимир Путин обмениваются новогодними поздравлениями. // Жэньминь жибао. 2015. 01 января. № 1.
47. 奚静之. 俄罗斯美术与中国[N]. 人民日报. 2015-05-24(12) = Си Цзинчжи. Русское искусство и Китай // Жэньминь жибао. 2015. 24 мая. № 12.
48. 谢亚宏. 主权信用遭降级,西方制裁不放松[N]. 人民日报. 2015-01-28(22) = Се Яхун. Суверенный кредит понижен, западные санкции не ослабевают // Жэньминь жибао. 2015. 28 января. № 22.
49. 谢亚宏. 俄罗斯总统普京表示 俄中两国庆祝二战胜利70周年意义深远[N]. 人民日报. 2015-04-17(03) = Се Яхун. Президент России Путин отметил: что знаменательно, что Россия и Китай отмечают 70-летие победы во Второй мировой войне // Жэньминь жибао. 2015. 17 апреля. № 3.
50. 谢亚宏. 王正伟出席俄罗斯驻华使馆举办的"卫国战争胜利70周年"奖章颁奖仪式[N]. 人民日报. 2015-04-16(03) = Се Яхун. Ван Чжэнвэй принял участие в церемонии вручения медали "70-летие Победы в Великой Отечественной войне", организованной Посольством России в Китае // Жэньминь жибао. 2015. 16 апреля. № 3.
51. 闫欢欢."今日俄罗斯"重塑国家形象的经验与启示 = Янь Хуаньхуань. Опыт и просвещение перекройки имиджа "Россия сегодня". // 青年记者 = Молодые журналисты. 2020. № 33. С. 99–100. <https://doi.org/10.15997/j.cnki.qnjz>.
52. 颜露. 巴西主流媒体中的中国国家形象研究 (2004–2016) = Янь Лу. Исследование национального имиджа Китая в основных СМИ Бразилии. // 北京外国语大学 = Вестник Пекинского университета иностранных языков. 2017.
53. 殷新宇. 俄罗斯电商市场增长迅速[N]. 人民日报. 2019-12-30(16) = Инь Синьюй. Российский рынок электронной коммерции быстро растёт // Жэньминь жибао. 2019. 30 декабря. № 16.
54. 于宏建, 隋鑫. 中国连续12年稳居俄罗斯第一大贸易伙伴国—中俄经贸合作成果丰硕[N]. 人民日报. 2022-02-09(03) = Юй Хунцзянь, Суй Синь. Китай был крупнейшим торговым партнёром России 12 лет подряд – китайско-российское экономическое и торговое сотрудничество достигло плодотворных результатов // Жэньминь жибао. 2022. 09 февраля. № 3.
55. 张光政, 裴广江. 中俄关系踏上新征程 [N]. 人民日报. 2017-11-07(21) = Чжан Гуанчжэн, Пей Гуанцзянь. Китайско-российские отношения вступают на новый путь // Жэньминь жибао. 2017. 01 ноября. № 21.

References

1. Wikipedia – People's Daily. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Жэньминь_жибао (accessed 05.02.2023) (In Russ.).
2. Report of the Media Council of the Russian-Chinese Friendship, Peace and Development Committee. // Image of Russia in Chinese media (2014–2016). URL: <https://ria.ru/20170911/1499895001.html> (accessed 05.02.2023) (In Russ.).
3. Lai Lingzhi. Language Aspects of the Russia's Image in the Chinese Media. // Humanitarian vector. 2018. № 1. P. 130–135.
4. Pestsov. S. Russia and China: perception of each other and prospects for cooperation. // Russia in the global world. 2017. № 11. (34). P 51–63. (In Russ.).
5. Romanova. I., Cherenkova. E. Formation of the international image of Russia by foreign media. Bulletin of ZabGU. 2022. Vol. 28. № 6 P. 90–100. <https://doi.org/10.21209/22279245202228690100>. (In Russ.).
6. Sagalaeva. S., Kharichkin I. Russia's perceived image in media discourse of The United Kingdom. Orapëb-Online. 2019. P. 1–7. (In Russ.).
7. Trenin. D. Faithful friends? How Russia and China perceive each other. Center for European Reform, Carnegie Moscow Center. 2012. P. 70 (In Russ.).
8. Bai Ziwei. Russian Ambassador to China – Russian-Chinese relations are a stabilizing factor for the current international situation. // People's Daily. 2020. 04 November. № 16 (In Chin.).
9. Chen Xuemao. Research on China's image in mainstream Russian newspapers (2012–2015). // Heilongjiang University. 2017. (In Chin.).
10. Chen Xiaowei. Russia and Belarus hold joint military exercises. // People's Daily. 2015. 11 September. № 21. (In Chin.).
11. Cui Xinyu. Analysis of the image of China in the Russian media in 2019. // World of Public Relations. 2021. № 10. P. 87–88. (In Chin.).
12. Russia unveils new stealthy self-destructive drones. // People's Daily. 2019. 19 February. № 17. (In Chin.).
13. Gao Shi, Qu Song. Russia mulls countermeasures as U.S. escalates tensions. // People's Daily. 2018. 14 August. № 21. (In Chin.).
14. Gu Yunpu, Zeng Siyi. Selected Russian lyric poems. // People's Daily. 2017. 11 July. № 24. (In Chin.).
15. IOC punishes 4 Russian snowmobilers. // People's Daily. 2017. 25 November. № 6. (In Chin.).
16. IOC Executive Board decides to ban Russian delegation from PyeongChang Winter Olympics. // People's Daily. 2017. 7 December. № 23. (In Chin.).
17. IAAF extends ban, no Russian team for athletics world championships. // People's Daily. 2017. 08 February. № 15. (In Chin.).
18. Fan Zukui, Fang Yuxia. Image Building of China in Russian Media – Based on Pravda's Survey. // Xinjiang Social Sciences. 2014. № 4. P. 84–89. (In Chin.).
19. Jiang Keyu. A conceptual analysis of "national image" in the constructivist perspective. // Hubei Social Science. 2016. № 5. P. 27–34. <https://doi.org/10.13660/j.cnki.42-1112/c.013587>. (In Chin.).
20. Commemorating the Great Victory of World War II and Writing a New Chapter of Silk Road Cooperation. // People's Daily. 2015. 13 May. № 01. (In Chin.).
21. Jiang Yi. Deepening Strategic Collaborative Partnership. // China Party and Government Cadres Forum. 2008. № 2. P. 41–43. (In Chin.).
22. Ke Huixin, Zheng Chunli, Wu Yan. The image of Russian state in Chinese media – an analysis of the content of China Youth Daily as an example. // Modern Communication (Journal of Communication University of China). 2007. № 5. P. 31–34. (In Chin.).
23. Confucius: The Analects. URL: <https://lunyu.5000yan.com/> (accessed 05.02.2023) (In Chin.).
24. Li Zhi. China's national image: A constructivist interpretation in the era of global communication. // Beijing: Xinhua Publishing House, 2011. (In Chin.).
25. Lin Xuedan. Russia signals improvement in relations with Europe. // People's Daily. 2015. 22 December. № 10. (In Chin.).
26. Lin Xuedan. Russia to fight a "protracted war" against corruption. // People's Daily. 2015. 05 April. № 3. (In Chin.).
27. Li Shuo. Russian team wins ATP Cup. // People's Daily. 2021. 09 February. № 21. (In Chin.).
28. Liu Ying. Shared Ideas and Sino-Russian Strategic and Cooperative Partnership: In the Perspective of Constructivism. // Northeast Asia Forum. 2013. № 22(04). P. 10–18. <https://doi.org/10.13654/j.cnki.naf.2013.04.012>. (In Chin.).
29. Ma Jian. The Russian team can leave the field with pride (direct from the field). // People's Daily. 2018. 09 July. № 21. (In Chin.).
30. Qu Pei. The Light of Russian National Art. // People's Daily. 2020. 12 September. № 07. (In Chin.).
31. Qu Song. Russia boosts ties with Iran. // People's Daily. 2015. 25 November. № 11. (In Chin.).

32. Qu Song. Russia's eastern military district holds multi-service counter-terrorism drills. // People's Daily. 2017. 07 February № 21. (In Chin.).
33. Qu Song. Russia and NATO to "fight hard" with military expansion. // People's Daily. 2016. 06 May. № 21. (In Chin.).
34. Qu Song, Qu Pei. "A new chapter of friendship between Russia and China on the occasion of the Winter Olympics. // People's Daily. 2022. 02 February. № 03. (In Chin.).
35. People's Daily Social Responsibility Report (2020). URL: <http://gongyi.people.com.cn/n1/2021/0623/c151132-32138755.html> (accessed 05.02.2023). (In Chin.).
36. Database of The People's Daily. URL: <http://data.people.com.cn/rmr/20230321/1?code=2> (accessed 05.02.2023). (In Chin.).
37. Ren Yan. NATO closes in on Russia as troops increase in Eastern Europe. // People's Daily. 2016. 19 October. № 11. (In Chin.).
38. Song Haoxin, Qu Song, Ren Yan. Russia and the West – Strategic anxiety leads to a "security dilemma". // People's Daily. 2016. 22 August. № 22. (In Chin.).
39. Rong Yi. Russia holds event to revisit the history of the Patriotic War. // People's Daily. 2021. 17 November. № 16. (In Chin.).
40. Sui Xin. No substantive progress in the series of dialogues between Russia and the US and the West. // People's Daily. 2022. 18 January. № 17. (In Chin.).
41. Sui Xin. Russia's economy accelerates recovery with 4.6% year-on-year GDP growth in first half. // People's Daily. 2021. 02 August. № 16. (In Chin.).
42. Wei Qiao. Research on China's image in Russian media reports. // Shanghai International Studies University. 2020. <https://doi.org/10.27316/d.cnki.gswyu>. (In Chin.).
43. Wei Lianglei and Hu Xiaoguang. Liu Yandong attends Russia's 2016 China Film Festival . // People's Daily. 2016. 17 November. № 03. (In Chin.).
44. Wu Anna. Unforgettable Russian Red Flag Song and Dance Troupe. // People's Daily. 2016. 29 December. № 19. (In Chin.).
45. Wu Gang. Russia's economy to grow 1.3% in 2019 . // People's Daily. 2020. 14 February. № 17. (In Chin.).
46. President Xi Jinping and Russian President Vladimir Putin exchange New Year messages . // People's Daily. 2015. 01 January. № 01. (In Chin.).
47. Xi Jingzhi. Russian art and China. // People's Daily. 2015. 24 May. № 12. (In Chin.).
48. Xie Yahong. Sovereign credit downgraded, Western sanctions not eased. // People's Daily. 2015. 28 января. № 22. (In Chin.).
49. Xie Yahong. Russian President Vladimir Putin says it is meaningful for Russia and China to celebrate the 70th anniversary of the victory in World War II. // People's Daily. 2015. 17 April. № 03. (In Chin.).
50. Xie Yahong. Wang Zhengwei attends the medal awarding ceremony of the 70th anniversary of the victory in the Patriotic War organized by the Russian Embassy in Beijing. // People's Daily. 2015. 16 April. № 03. (In Chin.).
51. Yan Huanhuan. The Experience and Enlightenment of "Russia Today" Reshaping the National Image. // Youth Journalists. 2020. № 33. P. 99–100. <https://doi.org/10.15997/j.cnki.qnjz>. (In Chin.).
52. Yanlu. Research on China's National Image in Brazilian Mainstream Media. // Beijing foreign language university. 2017.
53. Yin Xinyu. Russian e-commerce market grows rapidly. // People's Daily. 2019. 30 December. № 16. (In Chin.).
54. Yu Hongjian, Sui Xin. China remains Russia's top trading partner for 12 consecutive years – China-Russia economic and trade cooperation is fruitful. // People's Daily. 2022. 09 February. No.03. (In Chin.).
55. Zhang Guangzheng, Pei Guangjiang. China-Russia relations embark on a new journey. // People's Daily. 2017. 07 November. № 21. (In Chin.).

Информация об авторе

Ся Линь, аспирант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: a1010441893@163.com

Information about the author

Xia Lin, Postgraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: a1010441893@163.com

Поступила в редакцию 26.02.2023

Одобрена после рецензирования 01.08.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Received 26.02.2023

Approved 01.08.2023

Accepted 24.08.2023

Институционализация аналитических центров Вьетнама и их роль в публичной политике. Часть 2

Семен Алексеевич Войтов
НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия, cema2055@gmail.com
Евгений Викторович Журбей

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
Владивостокский государственный университет, Находка, Россия, zhurbey.ev@dvfu.ru

Аннотация. В данном исследовании авторы рассматривают процесс институционализации аналитических центров в публичной политике Вьетнама. Начиная с 1986 года аналитические центры играли важную роль во время рыночного перехода СРВ. Именно в тот период были сформированы организационные особенности вьетнамских фабрик мысли, которые наблюдаются до сих пор: низкая политическая самостоятельность, присутствие идеологического нарратива в исследованиях, ориентированность на государство как на основного потребителя экспертного знания, и, как следствие, ресурсная зависимость от него. Отметим, что данные особенности были также обнаружены во время нашего анализа десяти современных вьетнамских аналитических центров.

Ключевые слова: Вьетнам, аналитические центры, публичная политика, экспертное знание

Для цитирования: Войтов С. А., Журбей Е. В. Институционализация аналитических центров Вьетнама и их роль в публичной политике. Часть 2 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 141–154. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/141-154>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/141-154>

Institutionalization of think tanks in Vietnam and their role in public policy. Part 2

Semyon A. Voitov
Higher School of Economics, Moscow, Russia, cema2055@gmail.com
Evgeny V. Zhurbey

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia;
Vladivostok State University, Nakhodka, Russia, zhurbey.ev@dvfu.ru

Abstract. In this research the authors examine the process of institutionalization of think tanks in Vietnamese public policy. Since 1986, think tanks have played an important role during the market transformation of SRV. At that period the organizational features of the Vietnamese think tanks were formed. These features can also be seen today: low policy independence, the presence of an ideological narrative in research, a focus on the state as the main consumer of expert knowledge, and, as a result, resource dependence on it. It is important to note that these features were also found during our analysis of ten modern Vietnamese think tanks.

Key words: Vietnam, think tanks, public policy, expert knowledge

For citation: Voitov S. A., Zhurbey E. V. Institutionalization of think tanks in Vietnam and their role in public policy. Part 2 // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 141–154. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/141-154>

Первые экспертные сообщества начали появляться во Вьетнаме в середине XX века. Коммунистический северный Вьетнам активно использовал ученых и журналистов для распространения коммунистических идеалов на Юге с дальнейшей целью объединить страну.

Ярким представителем является Вьетнамский институт экономики (Vietnam Institute of Economics). Основанный 6 февраля 1960 ВІЕ в начале использовался как инструмент продвижения коммунистических идей Северного Вьетнама на Юге с помощью статей, монографий и учебников. Институт также разрабатывал стратегии национального объединения, как необходимого условия для развития всего Вьетнама. При этом вплоть до середины 80-х годов XX века институт обеспечивал академическую обособленность использования социалистической модели развития Вьетнама [10].

Высокий спрос на академическое и прикладное знание возник после начала политики обновления в 1986 году. Экономическая и политическая либерализация способствовала становлению и развитию новых отношений между

Окончание – начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 157–170.

акторами внутри пространства публичной политики. Вместе с этим возросла и их ресурсная база. Поэтому не удивительно, что акторы (государственные и негосударственные), попав в новые условия, испытывали трудности при взаимодействии друг с другом [1, p. 5].

Возникший спрос готовы были удовлетворить в первую очередь государственные институты и научно-исследовательские центры. Университет социальных и гуманитарных наук (VNU-USSH), Государственная академия политических наук имени Хо Ши Мина (НСМА), Центральный институт экономики и менеджмента (СИЕМ) и Институт мировой экономики и политики (IWEP) первыми начали осуществлять прикладные исследования по прямому поручению правительства СРВ. Однако стоит отметить, что данным учреждениям не хватало опыта работы с рыночными отношениями, так как до этого свои исследования они проводили исключительно в рамках социалистической парадигмы [5, p. 35–36]. Вместе с недостатком опыта наблюдалась и нехватка необходимой научной литературы: многие зарубежные исследования не имели перевода на вьетнамский язык, а к некоторым академическим ресурсам у вьетнамских исследователей вообще не было доступа [5, p. 36]. Таким образом, можно утверждать, что, обучая других акторов, аналитические центры обучались и сами.

Подчеркнём, что в период политики обновления "Дой мой" процесс институционализации экспертных сообществ Вьетнама также отличался географически. Чиновники северного Вьетнама, политико-административного центра страны, опирались на государственные и квази-государственные научно-исследовательские учреждения. Объяснялось это, в первую очередь, идеологическим аспектом. Чиновники южного Вьетнама отличались несколько более либеральными взглядами, вследствие чего нередко собирали *ad hoc* рабочие группы из независимых экспертов. Также стоит понимать, что сосредоточение финансовых ресурсов на юге было больше, чем на севере. Вследствие чего между бизнесом, поддерживающим внедрение рыночных отношений, и властью, стремящейся не потерять своего влияния, было много как разногласий, так и точек соприкосновения.

Заметна роль аналитических центров и в создании обновлённой нормативно-правовой базы. Правительственному аппарату в сжатые сроки было необходимо адаптировать бюрократические механизмы под международные стандарты, что вызывало определённые сложности. Поэтому такие учреждения, как Институт изучения труда и общественных вопросов (ILSSA), Центральный институт экономики и менеджмента (СИЕМ) и Институт политического планирования по развитию сельскохозяйственных районов (IPSARD), внесли весомый вклад, который в итоге позволил Вьетнаму в 1995 году вступить в АСЕАН, а в 2007 году – в ВТО. Консультации получали не только чиновники, но и бизнесмены, которые планировали выйти на международный рынок [1, p. 12–13].

Таким образом, можно утверждать, что наиболее активная фаза институционализация аналитических центров и экспертных сообществ наблюдалась в период двух первых десятилетий политики обновления "Дой мой". Резкий приток финансовых ресурсов в страну и общественный ажиотаж от политических преобразований обеспечивали ограниченный организационный плюрализм: аналитические центры имели больше свободы в формировании стратегии поведения (положение в пространстве публичной политики, ресурсная база и каналы связи с государством). В то время даже можно было говорить о некоторой степени конкуренции между учреждениями, так как одним из главных критериев была эффективность, что влияло на уровень спроса на их услуги.

На 2020 год во Вьетнаме насчитывалось 180 аналитических центров (10 позиция в мировом рейтинге) [3, p. 44]. В номинации лучших аналитических центров Южной, Юго-Восточной Азии и Океании представлено 7 вьетнамских аналитических центров: Институт мировой экономики и политики (IWEP) (18 место); Дипломатическая академия Вьетнама (DAV) (42 место); Вьетнамский институт экономики (VIE) (4 место); Вьетнамский институт экономических и политических исследований (VERP) (59 место); Вьетнамский институт американских исследований (97 место); Научно-исследовательский институт развития Меконга (105 место) и Центр по изучению аграрной политики (108 место)

[3, p. 107–113]. В номинации лучших аналитических центров по изучению социальной политики представлено 3 учреждения: Вьетнамский институт экономических и политических исследований (VERP) (90 место); Институт политики и менеджмента (IPAM) (108 место) и Исследовательский институт аграрной политики и здравоохранения (113 место) [3, p. 202–208]. То, что вьетнамские аналитические центры представлены в данном рейтинге, показывает не только их высокую эффективность, но и признание на международном уровне.

Преобладающими типами аналитических центров в СРВ являются государственные и квази-государственные [1, p. 4]. Данные учреждения либо непосредственно встроены в государственную систему (Институт мировой экономики и политики (IWEP) при Вьетнамской академии социальных наук, Дипломатическая академия Вьетнама при МИД СРВ и т. д.), либо функционируют вне государственной системы, но финансово тесно с ней связанные (Институт политики и менеджмента (IPAM), Центральный институт экономики и менеджмента (СИЕМ) и т. д.). По сравнению с независимыми аналитическими центрами данные учреждения обладают более устойчивым финансовым положением, ибо напрямую финансируются государством либо получают правительственные гранты на исследования.

В условиях постоянного сужения пространства публичной политики, давящей цензуры как оффлайн, так и онлайн аналитические центры независимого и квази-независимого типов во Вьетнаме не могут эффективно функционировать. Сам статус независимого учреждения негативно сказывается на уровне его восприятия, ибо рассматривается акторами как угроза национальной безопасности. Вследствие чего, подобным учреждениям приходится подгонять результаты своих исследований так, чтобы они не противоречили партийным установкам. В противном случае их ждёт закрытие, как это произошло в 2009 году с Вьетнамским институтом исследования развития: в одной из его работ была замечена острая критика проводимой партией экономических и финансовых преобразований в стране [2, p. 31].

Большинство аналитических центров СРВ, как и общественных организаций и НКО, функционируют в рамках демократического централизма. Это означает, что принятие решений осуществляется исключительно сверху вниз, а внутри организации существует жёсткая иерархия между начальником и подчинёнными. Более того, исследователи на стартовых и средних позициях практически никак не могут повлиять на ход проводимых исследований. Передки случаи назначения на проект без учёта мнения сотрудников. Также отмечается, что уровень заработной платы сотрудников зависит от количества проектов, в которых они принимают участие. Таким образом, во избежание внутриорганизационной конкуренции, исследователи предпочитают не выносить на обсуждение проекты, в которые им удалось попасть. Всё это ведёт к тому, что горизонтальные связи между сотрудниками аналитических центров Вьетнама развиты слабо [6].

Вряд ли можно говорить о том, что институционализация аналитических центров во Вьетнаме сегодня подошла к концу или находится на этапе завершения. Во-первых, статус аналитических центров во Вьетнаме не закреплён на законодательном уровне. Вследствие чего происходит ситуация, когда государственные и квази-государственные аналитические центры юридически рассматриваются либо как государственные департаменты, либо как образовательные учреждения. Независимые аналитические центры, в свою очередь, зачастую рассматриваются как НКО (нередко с иностранным финансированием) [11].

Вьетнам пытается следовать мировым трендам в области образования, науки и эффективного политического администрирования. Вместе с этим сегодня предпринимаются попытки создать видение аналитических центров с вьетнамской спецификой. Как ориентир берётся американский, японский и китайский опыты: вьетнамскими специалистами обсуждаются, какие зарубежные практики будут жизнеспособны в СРВ [8]. При этом интересно то, к каким выводам приходят вьетнамские исследователи. Они отмечают, что американский тип аналитического центра в условиях вьетнамской политической системы не сможет прижиться, так институциональные рамки не позволяют организациям заниматься открытым лоббированием интересов и давлением на

власть. Более того, набор персонала и финансовая политика новых аналитических центров должны осуществляться исключительно под государственным контролем [8, р. 34–35]. Таким образом, идеальный вьетнамский аналитический центр рассматривается как инструмент для проведения государственной политики, полностью управляемый и лояльный КПВ.

Мы предполагаем, что в будущем аналитические центры СРВ действительно будут развиваться в данном направлении, ведь для этого есть все условия: авторитарная политическая система, сильный идеологический нарратив, исключительная роль государственных акторов в публичной политике, слаборазвитое гражданское общество, цензура в медиа и интернет-пространстве и полная подотчётность НКО и общественных организаций вьетнамским органам власти.

Роль аналитического центра зависит от многих факторов: тип учреждения, положение в пространстве публичной политики, ресурсы влияния на публичную политику, организационная структура учреждения и т. д. Совокупность данных переменных позволяет определить стратегию поведения аналитического центра. В данном параграфе мы попробуем определить, какую роль играют аналитические центры в публичной политике СРВ и насколько эффективно они могут влиять на неё.

Нами уже было упомянуто, что большинство вьетнамских аналитических центров – это государственные и квази-государственные учреждения. Это означает, что в пространстве публичной политики они занимают ближайшее к государственным акторам положение. Более того, их финансовая база частично или полностью формируется государственными поступлениями. Иначе говоря, финансовая зависимость определяет высокую лояльность научно-исследовательских учреждений и их нежелание заниматься политическим давлением.

Государственные аналитические центры Вьетнама, по сравнению с "негосударственными коллегами", имеют более широкие каналы связи с властью. При этом взаимодействие зачастую осуществляется в виде неформальных встреч с чиновниками. О прямом лоббировании своих интересов в правительстве говорить не приходится, однако чем больше аналитический центр имеет таких связей, тем более стабильней его положение. Здесь заметна прямая взаимозависимость: позиция политика в Верховном Собрании СРВ или на заседаниях КПВ, подкреплённая научным обоснованием, имеет больше шансов получить поддержку. Это, в свою очередь, позволяет ему продвигаться по карьерной лестнице. Аналитический центр, в свою очередь, зарабатывает очки доверия среди правящей верхушки, что положительно сказывается на его финансовом положении [1, р. 9].

Опираясь на ранее указанные особенности развития гражданского общества в СРВ и ограничения на проявление политической активности, смеем предположить, что негосударственные акторы редко обращаются за услугами к аналитическим центрам. С трудом можно говорить и о том, что аналитические центры являются медиаторами знания и мнений между государством и обществом, так как принципы демократического централизма, жёсткая цензура и непрозрачная система исполнительной власти не позволяют развиваться институтам делиберативного принятия публичных решений. Общество рассматривается не как равноправный партнёр, а как нейтральный объект исследования.

Что касается взаимодействия аналитических центров с академическим полем, то оно достаточно близко. В первую очередь, это объясняется тем, что многие аналитические центры (Институт мировой экономики и политики, Институт регионального и устойчивого развития, Центр аналитики и прогнозирования и т. д.) находятся под управлением Вьетнамской академии социальных наук. Назначение на управляющие должности происходит при непосредственном участии членов академии. При этом зонтичная структура академии позволяет следить за академическими достижениями аналитических центров, проводить семинары, вебинары и конференции. Более того, аналитические центры нередко занимаются подготовкой специалистов, предоставляют услуги повышения квалификации и тренинги. Отметим, что именно через академию научно-исследовательские учреждения участвуют в международных проектах и исследованиях [9].

В рамках данного исследования нами также был осуществлён анализ влияния десяти вьетнамских аналитических центров в разных областях публичной политики: здравоохранение, экономическое развитие, защита уязвимых социальных групп, энергопотребление и т. д. (см. таблицы № 1, № 2 и № 3). Выбор учреждений также определялся доступностью их данных в сети интернет. Для поиска аналитических центров мы использовали базу данных интернет-ресурса "OnThinkTanks" [7]. Далее нами были введены 12 критериев влияния, а именно:

- тип аналитического центра;
- источники финансирования;
- сфера деятельности;
- партнёры (как доноры, так и исследовательские группы);
- фокус-группы;
- цели и деятельность;
- размер персонала и наличие учёных степеней;
- количество публикаций;
- публикуемые журналы;
- количество проекты;
- количество публикаций в медиа;
- дата создания.

Тип учреждения даёт общее представление о том, как функционирует организация, как оно воспринимается обществом, государством и какое положение в пространстве публичной политики оно занимает. Источник финансирования определяет, кто именно оказывает финансовую помощь, на каких условиях и с какой целью. Однако конкретных сумм на официальных сайтах или доступных документах нам найти не удалось. Сфера деятельности определяет, в какой области учреждение проводит исследования и проекты. Под партнёрами мы понимаем одновременно как финансирующих доноров, так и сторонние организации, участвующие в проведении совместных исследований и проектов. Фокус-группы – совокупность акторов, на которых ориентирована основная масса проводимых исследований и проектов. Цели и деятельность, в свою очередь, нередко представляют собой чётко прописанные цели и пути их достижения. Размер персонала и количество научных степеней помогают определить интеллектуальные и академические ресурсы учреждения, его возможность формировать академическую повестку. Количество публикаций включает себя сумму отчётов, аналитических записок (нами учитывались все доступные публикации на официальном сайте учреждения). Наличие рецензируемых аналитическим центром журналов говорит о высоком академическом влиянии и авторитете. Количество проектов показывает, насколько активно аналитический центр воздействует на выбранную фокус-группу (нами учитывались все упомянутые на сайте проекты, которые реализуются на данный момент или уже были реализованы). Количество публикаций в медиа, среди прочих критериев, является единственным критерием по оценке влияния на пространство медиа (нами учитывались публикации в интернет СМИ со ссылкой на экспертов аналитического центра или их работы в период с 31.12.2020–31.12.2021).

Аналізу влияния на публичную политику подверглись 10 аналитических центров, из которых 5 – университетского, 4 – независимого и 1 – государственного типов. Сразу отметим, что подобное распределение не отражает суммарного типологического распределения аналитических центров в рамках Вьетнама. Рассматривая аналитические центры университетского типа, необходимо помнить о том, что подавляющая часть высших образовательных учреждений СРВ являются государственными. Более того, многие аналитические центры и департаменты (из нашей выборки это Вьетнамский институт экономики (VIE) и Институт политики и менеджмента (IPAM)) находятся под управлением Вьетнамской академии наук. Вследствие чего трудно говорить о действительно независимом и непредвзятом исследовании относительно проводимых правительством программ. Тесную связь с государством определяют также и источники финансирования: университетский аналитический центр получает государственную поддержку либо опосредованно (через бюджет университета, частью которого он является), либо прямо через государственные гранты и заказы. Что касается финансирования независимых учреждений, то

их финансирование осуществляется путём донорских пожертвований. Основными донорами рассматриваемых аналитических центров стали международные зарубежные компании и фонды: "Азиатский банк развития", "Оксфам", Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Агентство США по международному развитию, Фонд Фридриха Наумана и т. д. (см. таблицу № 1). Донорская география достаточно широка.

Отметим, что все представленные аналитические центры в независимости от типа имеют широкие связи с зарубежными институтами и научно-исследовательскими центрами. Сфера деятельности аналитических центров разнообразна: 2 учреждения работают в сфере экономического развития Вьетнама и его международной интеграции, 5 – в сфере сельского хозяйствования и природопользования, 1 – в сфере политического менеджмента, 1 – в сфере энергетики и 1 – в сфере общественного здравоохранения (см. таблицу № 1).

Заметно различие в определении фокус-групп. Университетские и государственный аналитические центры более сфокусированы на государственных акторов. Общество также указано в их списке фокус-групп, однако его определение обширно, без выделения конкретных социальных групп. Более того, прописанные ими цели имеют заметную ориентацию на предоставление услуг, информации и анализа именно правительству СРВ и высшим эшелонам КПВ. Иная ситуация с независимыми учреждениями. Они имеют более широкий и проработанный список фокус-групп. Уже само выделение малоимущих и уязвимых групп показывает наличие существенных проблем во вьетнамском обществе, над которыми работают данные учреждения. По степени проработанности данного критерия особо выделяются "Центр развития сельскохозяйственных районов Центрального Вьетнама" и "Центр устойчивого развития сельских районов". Ими осуществляются исследования и по проблемам гендерного равенства, городской и сельской миграции, социального и экономического обеспечения малоимущих (см. таблицу № 2).

Независимые аналитические центры из данного списка также отличаются своей более высокой практико-ориентированной деятельностью. Если максимальное значение реализуемых/реализованных проектов среди университетских учреждений составляет 10 ("Вьетнамский институт экономики"), то среди независимых учреждений максимальное количество равно 175 ("Центр развития сельскохозяйственных районов Центрального Вьетнама") и 88 ("Центр устойчивого развития сельских районов") (см. таблицу № 3). При этом считаем важным обратить внимание на заказчиков данных проектов. В данном случае интересен кейс "Научно-исследовательского института развития Меконга". Такие проекты, как "Исследование гендерных последствий изменения климата во Вьетнаме" и "Оценка гендерных и социально-экономических последствий локального строительства мостов и управления дорожными ресурсами", были спонсированы "ООН-женщины" и "Всемирный банк" соответственно. Кроме того, клиентами этого аналитического центра также стали "Международная финансовая корпорация", Вьетнамский отдел "Оксфам", Вьетнамский отдел "ЮНИСЕФ", "Программа развития ООН" и т. д. [29]. Реализация этих проектов предполагает как теоретическую, так и практическую работу "в поле", где специалисты непосредственно работают с представителями выбранной социальной группы (см. таблицу № 1).

Что касается воздействия на академическое пространство, то здесь заметно доминирование университетских аналитических центров над независимыми. Во-первых, они обладают более широким штатом исследователей (лидером является Вьетнамский институт экономики – 37 исследователей). Также данные учреждения имеют больше исследователей со степенями PhD, нередко полученными за рубежом. Во-вторых, такими учреждениями, как Вьетнамский институт экономики, Институт политики и менеджмента, публикуются собственные рецензируемые журналы. Отметим, что независимые организации также имеют немалый штат сотрудников с высоким уровнем образования (см. таблицы № 2 и № 3). Однако их отличие в том, что у них отсутствует собственная, наработанная годами, академическая база и признание.

Вьетнамские аналитические центры из данного списка это в основном достаточно молодые организации, образованные после 2000 годов. При этом это не мешает им профессионально осуществлять свои функции. Более того,

многие из них нередко были реорганизованы, поэтому имеют за собой ресурсную базу прежних учреждений.

Отдельно отметим работу аналитических центров с медиа. Критерий частоты цитируемости в медиа показал, что вьетнамские СМИ не так активно обращаются за экспертным мнением сотрудников указанных центров. В период с 31.12.2020 по 31.12.2021, используя Google News с вьетнамской геолокацией, нами было обнаружено 9 упоминаний "Вьетнамского института экономических и политических исследований" и 1 упоминание "Научно-исследовательского института развития Меконга". Упоминаний остальных учреждений не было обнаружено (см. таблицу № 3).

В пространстве публичной политики СРВ каждый тип аналитических центров занимает своё положение: независимые – рядом с общественными акторами, университетские и государственные – рядом с академическим пространством и государством соответственно. Независимые центры нацелены на работу именно с определенными общественными группами и проблемами распределения, предоставления общественных благ. Вследствие чего они преимущественно осуществляют исследования и проекты прикладного характера. Однако существующие институциональные и идеологические ограничения не позволяют им заниматься открытым адвокатированием общественных интересов с сопутствующей государственной критикой.

Университетские и государственные аналитические центры более дистанцированы от общества. Основными клиентами их услуг являются органы государственной власти. При этом заметно их высокое воздействие на академическое пространство. Многие проводимые ими проекты – это семинары, мастер-классы и конференции теоретического характера.

Что объединяет все представленные аналитические центры, так это слабое взаимодействие с медиа и СМИ. При этом практически все учреждения ведут активность в социальных сетях, однако их охват аудитории достаточно узок. Также отметим, что независимые организации больше ресурсов уделяют своему имиджу и бренду: их официальные сайты визуально привлекательны и клиентоориентированы.

Таким образом, нами был проведён анализ пространства публичной политики в СРВ, который показал, что существующие институциональные рамки, авторитаризм политической системы и активная онлайн и офлайн цензура ограничивают возможность аналитических центров. Более того, гражданское общество во Вьетнаме находится на стадии своего формирования, поэтому их влияние и заинтересованность в участии в политическом процессе крайне низки. Это значит, что общество, как актор принятия публичных решений, достаточно инертен.

Нами также были изучены неформальные институты, формирующие модели как внутри общества, так и внутри организаций. Принципы демократического централизма, присущие работе органов исполнительной власти СРВ, применяются и внутри аналитических центров как основа административно-управленческих процессов. Это значительно снижает их автономность и способность осуществлять независимые исследования. Данный факт не удивителен, ведь процесс институционализации аналитических центров в СРВ начался относительно недавно и под прямым государственным патронажем. Тем не менее мы считаем, что во Вьетнаме до сих пор нет чёткого и общепринятого понимания, чем является аналитический центр. Ориентируясь на западные тренды, вьетнамские специалисты сталкиваются с трудностями, пытаются адаптировать наиболее успешные зарубежные практики.

Проведённое нами исследование 10 вьетнамских аналитических центров наглядно показало, как именно государственные, университетские и независимые учреждения используют свою ресурсную базу и влияют на пространство публичной политики. Отметим, что государственные и университетские центры более склонны выполнять классические для таких фабрик мысли функции: исследования, семинары, конференции подготовка профессиональных кадров и т. д. Независимые организации, в свою очередь, могут рассматриваться одновременно и как аналитические центры, и как НКО, так как их деятельность нередко связана с защитой уязвимых групп. Более того, их нередко финансируют международные НКО и организации и периодически обращаются за их услугами.

Таблица 1. Типология аналитических центров Вьетнама
Table 1. Typology of think tanks in Vietnam

Наименование организации	Тип	Источники финансирования	Сфера деятельности	Доноры и партнёры
Вьетнамский институт экономики (VIE)	Университетский (при Вьетнамской академии социальных наук)	Финансируется Вьетнамской академией социальных наук	Экономика СРВ, мировая экономика, интеграционные процессы	Государственные органы, Вьетнамская академия социальных наук
Вьетнамский институт экономических и политических исследований (VEPR)	Университетский (при Ханойском национальном университете)	Финансируется Ханойским национальным университетом, правительственные гранты	Проблемы вьетнамской экономики и их влияние на заинтересованные группы, торговля, экономика, финансы	Ханойский национальный университет, Фонд Фридриха Наумана, Оксфам и Фонд имени Конрада Аденауэра
Научно-исследовательский институт развития Меконга	Независимый	Пожертвования и спонсорские взносы	Продовольствие, сельское хозяйство, окружающая среда, природные ресурсы, энергетика, социальная политика	Кроуфордская школа публичной политики, Исследовательский институт Альфреда Дикина, Институт политики и стратегии развития сельских районов и сельского хозяйства
Центр по изучению аграрной политики	Государственный	Государственное финансирование	Сельское хозяйство и проблемы экологии во Вьетнаме	Азиатский банк развития, европейские и американские университеты
Институт политики и менеджмента (IPAM)	Университетский (при Вьетнамской академии социальных наук)	Финансируется Вьетнамской академией социальных наук	Политика, административно-бюрократические процессы, публичная политика	Университет общественных и гуманитарных наук, Министерство науки и технологий СРВ, Фонд Розы Люксембург, Лундский университет
Научно-исследовательский институт политики здравоохранения и сельского хозяйства	Университетский (при Университете Экономики Хошимина)	Финансируется Университетом экономики Хошимина	Социальная политика, здравоохранение, питание и продовольствие	Меконг Органик, Азиатский исследовательский институт, Австралийский национальный университет, Университет Бейлор
Центр развития сельских районов Центрального Вьетнама	Университетский (при Университете сельского и лесного хозяйства Хюэ)	Финансируется Университетом сельского и лесного хозяйства Хюэ	Окружающая среда, природные ресурсы, устойчивое развитие сельского хозяйства, защита детей, гендерное равенство, традиционная культура	Информация не найдена
Центр устойчивого развития сельских районов (SRD)	Независимый (создан с разрешения Министерства науки и технологий)	Пожертвования и спонсорские взносы	Окружающая среда, природные ресурсы, энергетика, продовольствие, сельское хозяйство	Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Агентство США по международному развитию, Оксфам, Ферн, Винрок Интернешнл и т. д.

Наименование организации	Тип	Источники финансирования	Сфера деятельности	Доноры и партнёры
Институт социальных и медицинских исследований	Независимый	Пожертвования и спонсорские взносы	Социальная политика, здоровье, контроль табакосодержащих продуктов, социальные меньшинства и уязвимые группы	Международные и отечественные НПО, фонды, университеты, государственные учреждения и частные предприятия
Вьетнамская инициатива энергетического перехода	Независимый	Пожертвования и спонсорские взносы	Окружающая среда, природные ресурсы, энергетика	Сеть из 5 иностранных аналитических центров по вопросам энергетики: вопросам энергетики: SHURA Energy Transition Center The Institute for Climate and Society; Agora energiewende; IDDRi; Renewable Energy Institute; Institute for Essential services reform; The Green Energy Strategy Institute; Iniciativa climatica de mexico и Vietnam Initiative for Energy Transition

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

Таблица 2. Аналитические центры Вьетнама: целевые аудитории, академический потенциал, количество публикаций
 Table 2. Think tanks in Vietnam: target audiences, purpose of activity, academic potential, number of publications

Наименование организации	Фокус-группы	Цели и деятельность	Численность персонала и наличие учёных степеней	Количество публикаций
Вьетнамский институт экономики (VIE)	Государство, научное сообщество	Изучение теоретических и практических вопросов экономики Вьетнама в контексте международной экономической интеграции. Предоставление научных аргументов КПВ и правительству СРВ для разработки стратегий социально-экономического развития. Предоставление последипломного образования и обучения в области экономики	37 человек (7 – PhD, 30 – информация не найдена)	Информация не найдена
Вьетнамский институт экономических и политических исследований (VEPR)	Государство, общество, бизнес	Проведение экономических и политических исследований, помогающих принятию решений директивными органами, бизнесом и заинтересованными группами. Организация курсов повышения квалификации по экономике, финансам и анализу политики	Информация не найдена	96 публикаций
Научно-исследовательский институт развития Меконга	Государство, локальные НКО, международные организации	Осуществление исследований и реализация проектов по улучшению жизни населения в районе дельты реки Меконг	16 человек (4 – PhD, 5 – магистры, 7 – бакалавры)	8 статей и 8 полит. рекомендаций
Центр по изучению аграрной политики	Государство, местные органы власти, Министерство финансов, Министерство науки и технологий, Министерство промышленности и торговли, отраслевые ассоциации	Предоставление научной основы для разработки политики и программ. Консультирование, обучение, продвижение торговли, построение моделей в области сельского хозяйства и развития сельских районов. Организация форумов для обсуждения политики между органами власти и заинтересованными сторонами.	13 человек (4 – PhD, 5 – магистры, 4 – бакалавры)	7 публикаций
Институт политики и менеджмента (IPAM)	Государство, общество	Исследование, внедрение и поиск передовых решений в корректировке политики и управленческой деятельности. Предоставление различных услуг: сбор и предоставление информации о политике управления, совершенствованию организационных процессов	9 человек (4 – PhD, 1 – магистр, 4 – бакалавры)	Информация не найдена

Наименование организации	Фокус-группы	Цели и деятельность	Численность персонала и наличие учёных степеней	Количество публикаций
Научно-исследовательский институт политики здравоохранения и сельского хозяйства	Лидеры в отрасли политики здравоохранения, медицинские учреждения и институты, государство	Консультирование правительства по вопросам политики в области здравоохранения, государственного медицинского страхования. Консультация местных органов власти по вопросам политики развития. Проведение учебных курсов по разработке и реализации региональной политики здравоохранения.	26 человек (11 – PhD, 5 – магистры, 7 – бакалавры)	40 публикаций в сторонних журналах и изданиях
Центр развития сельских районов Центрального Вьетнама	Уязвимые общественные группы (дети, женщины, бедняки, национальные меньшинства)	Проведение исследований, тренингов, в целях повышения потенциала местных сообществ, общественных организаций и муниципальных властей в области улучшения условий жизни, охраны окружающей среды социальной справедливости и продвижения демократии	15 человек (2 – PhD, 2 – магистры, 11 – бакалавры)	7 организационных и проектных отчётов
Центр устойчивого развития сельских районов (SRD)	Малообеспеченные группы населения, городские мигранты, мелкие сельскохозяйственные товаропроизводители	Поддержка людей с ограниченными возможностями; Содействие гендерному равенству и защите детей; Содействие свободной торговле между ЕС и Вьетнамом в рамках EVFTA. Сокращение бедности, защита окружающей среды, адаптация и смягчение последствий изменения климата	30 человек. Не найдено данных, касательно научных степеней	16 исследований и 12 ежегодных отчётов (с 2008 по 2019 год)
Институт социальных и медицинских исследований	Этнические меньшинства, малоимущие, дети, женщины, пожилые люди и люди, живущие с ВИЧ	Реализация исследований в области социально-медицинских наук. Предоставление надежной информации и данных для разработки и реализации стратегий общественного здравоохранения органами власти. Содействие повышению качества социально-медицинских исследований посредством обучения и сотрудничества.	Информация не найдена	44 публикации
Вьетнамская инициатива энергетического перехода	Правительство Вьетнама и партнеры, а также представители деловых, неправительственных и исследовательских сообществ	Обеспечение эффективной международной поддержки энергетического перехода Вьетнама в соответствии с национальным законодательством и международными соглашениями. Создание платформы для реализации мероприятий по сотрудничеству в целях развития энергетического сектора. Поддержка диалога между правительством Вьетнама и партнерами, представителями деловых кругов, неправительственных организаций и исследовательских сообществ по развитию энергетики в рамках энергетического перехода СРВ.	6 человек (2 – PhD), 3 – магистры 1 – бакалавр)	24 публикации

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

Таблица 3. Аналитические центры Вьетнама и их присутствие в медиапространстве страны
Table 3. Think tanks in Vietnam and their presence in the media space of the country

Наименование организации	Публикуемые журналы	Количество проектов	Количество упоминаний в медиа	Дата создания организации
Вьетнамский институт экономики (VIE)	"Журнал экономических исследований", "Социо-экономическое развитие Вьетнама"	10	Упоминания отсутствуют	06.02.1960
Вьетнамский институт экономических и политических исследований (VEPR)	Не публикует	6	9	01.01.2008
Научно-исследовательский институт развития Меконга	Не публикует	8	1	21.01.2013
Центр по изучению аграрной политики	Не публикует	Информация не найдена	Упоминания отсутствуют	29.09.2006
Институт политики и менеджмента (IPAM)	"Исследования политики и менеджмента"	Информация не найдена	Упоминания отсутствуют	16.04.2013
Научно-исследовательский институт политики здравоохранения и сельского хозяйства	Не публикует	3	Упоминания отсутствуют	13.11.2019
Центр развития сельских районов Центрального Вьетнама	Не публикует	175 проектов с 1995 по 2020 год	Упоминания отсутствуют	01.01.1995
Центр устойчивого развития сельских районов (SRD)	Не публикует	88 проектов с 2006 по 2021 год	Упоминания отсутствуют	30.03.2006
Институт социальных и медицинских исследований	Не публикует	Информация не найдена	Упоминания отсутствуют	Информация не найдена
Вьетнамская инициатива энергетического перехода	Не публикует	Информация не найдена	Упоминания отсутствуют	01.08.2018

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

Считаем, что использованное нами понимание публичной политики как институционально-регулируемого и динамичного пространства позволило выполнить все поставленные исследовательские задачи. Выбранная типология аналитических центров нами также помогла нам в этом. Таким образом, нам удалось понять, что представляет из себя вьетнамский аналитический центр (с учётом разных организационных типов) и каково его влияние на публичную политику. Отметим, что данное исследование могло быть более проработанным, если бы мы обладали открытым доступом к организационной информации.

Изучение данной темы имеет большой исследовательский потенциал. В работе мы рассматривали публичную политику в общем, широком понимании. При этом мы понимаем, что изучение аналитических центров в СРВ может осуществляться и в более предметных направлениях публичной политики: здравоохранение, общественное природопользование, социально-экономическая политика и т. д. Считаем, что эта ниша требует более повышенного внимания.

Литература

1. Datta, A. Not just a beautiful flower? Knowledge, information and economic policymaking / A. Datta, P. Huong // ODI Report. 2013. 80 p.
2. Decree № 12/2012/ND-CP dated 01/3/2012 on the Registration and Administration of Foreign Non-Governmental Organizations in Vietnam // The Official Site of the Committee for Foreign Non-Governmental Organizations Affairs. 2012. URL: <http://comingo.gov.vn/en/decree-no-12-2012-nd-cp-dated-01-3-2012-on-the-registration-and-administration-of-foreign-non-governmental-organizations-in-vietnam/> (дата обращения: 25.11.2022).
3. McGann, J. 2020 Global Go To Think Tank Index Report / J. McGann // TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. 2021. 372 p.
4. Projects of Mekong Development Research Institute // MDRI. 2022. URL: <https://mdri.org.vn/projects/> (дата обращения: 25.11.2022).
5. Rama, M. Making Difficult Choices: Vietnam in Transition / M. Rama. Washington: The World Bank, 2008. 104 p.
6. Supporting think tanks series: Developing capacities in complex environments – experiences from Vietnam // On Think Tanks. 2013. URL: <https://onthinktanks.org/articles/supporting-think-tanks-series-developing-capacities-in-complex-environments-experiences-from-vietnam/> (дата обращения: 25.11.2022).
7. World's Think Tanks Directory // On Think Tanks. 2022. URL: <https://onthinktanks.org/download-full-dataset/> (дата обращения: 25.11.2022).
8. Đoàn, Т., Phan, D. Hoạt động của "Think Tank" trong đời sống chính trị Mỹ và một số gợi ý tham khảo cho Việt Nam / Т. Đoàn, D. Phan // Châu Mỹ Ngày Nay. № 4. 2021. Tr. 34–35. = Доан, Т., Фан, З. Деятельность "Мозговых центров" в политической жизни Америки и некоторые рекомендации для Вьетнама / Т. Доан, З. Фан // Америка сегодня. № 4. 2021. С. 34–35.
9. Đơn vị thuộc và trực thuộc Viện Hàn lâm KHXH Việt Nam // Cổng thông tin điện tử của Viện hàn lâm khoa học xã hội Việt Nam. 2022. URL: <https://vass.gov.vn/noidung/cacviennghienccuu/Pages/default.aspx> = Подразделения при Вьетнамской академии социальных наук // Портал Вьетнамской академии социальных наук. 2022. URL: <https://vass.gov.vn/noidung/cacviennghienccuu/Pages/default.aspx> (дата обращения: 25.11.2022).
10. Giới thiệu chung // Viện Kinh tế Việt Nam. 2022. URL: <http://vie.vass.gov.vn/vn/gioi-thieu-vien-kinh-te-viet-nam.html> = Общая информация // Вьетнамский институт экономики. 2022. URL: <http://vie.vass.gov.vn/vn/gioi-thieu-vien-kinh-te-viet-nam.html> (дата обращения: 25.11.2022).
11. Think tanks – "túi khôn" của các chính trị gia hiện đại: một vài cảm nghĩ khi đọc chuyên khảo "Think tanks trong đời sống chính trị Hoa Kỳ, Trung Quốc, Nhật Bản và những gợi ý đối với Việt Nam" // Chính trị và phát triển. 2021. URL: <http://www.chinhtrivaphattrien.vn/Detail.aspx?id=1437> = Аналитические центры – "козырь в рукаве" современных политиков: размышления о монографии "Аналитические центры в политической жизни США, Китая, Японии и рекомендации для Вьетнама" // Политика и развитие. 2021. URL: <http://www.chinhtrivaphattrien.vn/Detail.aspx?id=1437> (дата обращения: 25.11.2022).

References

1. Datta, A. Not just a beautiful flower? Knowledge, information and economic policymaking / A. Datta, P. Huong // ODI Report. 2013. 80 p.
2. Decree № 12/2012/ND-CP dated 01/3/2012 on the Registration and Administration of Foreign Non-Governmental Organizations in Vietnam // The Official Site of the Committee for Foreign Non-Governmental Organizations Affairs. 2012. URL: <http://comingo.gov.vn/en/decree-no-12-2012-nd-cp-dated-01-3-2012-on-the-registration-and-administration-of-foreign-non-governmental-organizations-in-vietnam/> (accessed 25.11.2022).
3. McGann, J. 2020 Global Go To Think Tank Index Report / J. McGann // TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. 2021. 372 p.
4. Projects of Mekong Development Research Institute // MDRI. 2022. URL: <https://mdri.org.vn/projects/> (accessed 25.11.2022)
5. Rama, M. Making Difficult Choices: Vietnam in Transition / M. Rama. Washington: The World Bank, 2008. 104 p.
6. Supporting think tanks series: Developing capacities in complex environments – experiences from Vietnam // On Think Tanks. 2013. URL: <https://onthinktanks.org/articles/supporting-think-tanks-series-developing-capacities-in-complex-environments-experiences-from-vietnam/> (accessed 25.11.2022)
7. World's Think Tanks Directory // On Think Tanks. 2022. Mode of access: <https://onthinktanks.org/download-full-dataset/> (accessed 25.11.2022).
8. Doan, T., Phan, Z. The activities of "Think Tanks" in the political life of America and some recommendations for Vietnam / T. Doan, Z. Phan // America today. № 4. 2021. P. 34–35. (In Viet.).
9. Units under the Vietnam Academy of Social Sciences // Portal of the Vietnam Academy of Social Sciences. 2022. URL: <https://vass.gov.vn/noidung/cacvienghiencuu/Pages/default.aspx> (accessed 25.11.2022) (In Viet.).
10. Vietnam Institute of Economics. .2022. .URL: <http://vie.vass.gov.vn/vn/gioi-thieu-vien-kinh-te-viet-nam.html> (accessed 25.11.2022) (In Viet.).
11. Think Tanks – the "trump card in the sleeve" of modern politicians: reflections on the monograph "Think tanks in the political life of the USA, China, Japan and recommendations for Vietnam" // Politics and development. 2021. URL: <http://www.chinhtrivaphattrien.vn/Detail.aspx?id=1437> (дата обращения: 25.11.2022) (In Viet.).

Информация об авторах

Семен Алексеевич Войтов, магистрант Высшей школы экономики, Москва, Россия, e-mail: cema2055@gmail.com

Евгений Викторович Журбей, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия; доцент кафедры Гуманитарных и социально-экономических наук филиала Владивостокского государственного университета, Находка, Россия, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Information about the authors

Semyon A. Voitov, Master student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, e-mail: cema2055@gmail.com

Evgeniy V. Zhurbey, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Associate Professor, Department of Humanities and Social and Economic Sciences, Vladivostok State University Branch, Nakhodka, Russia, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Поступила в редакцию 19.01.2023

Одобрена после рецензирования 01.08.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Received 19.01.2023

Approved 01.08.2023

Accepted 24.08.2023

Научная статья
УДК 947:001(571.6)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/155-166>

Научные направления, школы и ведущие ученые Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ ДВО РАН)

Светлана Михайловна Дударенок
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, dudarenoksv@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена формированию и развитию академических научных школ в одном из старейших институтов Дальневосточного отделения РАН – Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Цель статьи – характеристика деятельности существующих в настоящее время в Институте истории, археологии и этнографии основных научных школ и направлений. В статье показано, что научные школы и направления, существующие в Институте, возникли путем выделения их из дальневосточной исторической школы, которая в свою очередь сформировалась под влиянием сибирской исторической и археологической школ; отмечена роль в возникновении научных школ и направлений первого директора Института академика А.И. Крушанова; определена роль Института истории ДВО РАН как центра академической исторической науки в Дальневосточном регионе и одного из центров подготовки профессиональных историков. Основными источниками для написания статьи являлись материалы текущего архива ИИАЭ – личные дела работавших в Институте научных сотрудников. Методика исследования опирается на метод научного описания, а методология основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого.

Ключевые слова: *Дальневосточное отделение РАН, историческая наука, научная школа, научное направление, научный коллектив, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Для цитирования: Дударенок С. М. Научные направления, школы и ведущие ученые Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ ДВО РАН) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 155–166. /155-166

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/155-166>

Scientific directions, schools and leading scientists of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IAE FEB RAS)

Svetlana M. Dudarenok
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, dudarenoksv@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the formation and development of academic scientific schools in one of the oldest institutes of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences – the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. The purpose of the article is to characterize the activities of the main scientific schools and trends currently existing at the Institute of History, Archeology and Ethnography. The article shows that the scientific schools and trends that exist at the Institute arose by separating them from the Far Eastern historical school, which in turn was formed under the influence of the Siberian historical and archaeological schools; the role of the first director of the Institute, Academician A.I. Krushanov; the role of the Institute of History of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences as a center of academic historical science in the Far East region and one of the training centers for professional historians is determined. The main sources for writing the article were the materials of the current IIAE archive – the personal files of scientists who worked at the Institute. The research methodology is based on the method of scientific description, and the methodology is based on a comprehensive, system-historical approach to the study of the past.

Key words: *Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, historical science, scientific school, scientific direction, scientific team, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS*

For citation: Dudarenok S. M. Scientific directions, schools and leading scientists of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IAE FEB RAS) // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 155–166. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/155-166>

Введение

Актуальность темы исследования. Дальневосточная академическая историческая наука является заметным образованием в российской исторической науке. Среди приоритетных направлений дальневосточных историков: история российского Дальнего Востока и стан АТР; проблемы первобытной и средневековой археологии Дальнего Востока; изучение истории и культуры государства Бохай и золотой империи Цзинь; быта, культуры и обычаев коренных малочисленных народов Дальнего Востока России и др.

Общероссийское признание дальневосточной академической исторической науке принесли труды известных дальневосточных ученых, создателей, руководителей и представителей научных школ и направлений, многие достижения которых не имеют аналогов в отечественной исторической науке.

Все это делает анализ развития научных школ и направлений в ИИАЭ особо актуальным, он позволяет оценить не только зарождение, становление, основные достижения научной школы, но и выявить тенденции развития дальневосточной исторической науки, показать вклад школы в создание новых, конкурентоспособных научных результатов.

Целью данной статьи является характеристика деятельности существующих в настоящее время в ИИАЭ ДВО РАН основных научных школ и направлений.

Источниковая база исследования представлена материалами текущего архива ИИАЭ (личные дела работавших в ИИАЭ исследователей, годовые отчеты ИИАЭ и др.); материалами официального сайта ИИАЭ, отражающими направления и результаты научной деятельности сотрудников ИИАЭ ДВО РАН.

Методология, избранная автором для настоящего исследования, основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на метод научного описания.

Понятия "научная школа", "научное направление", "научный коллектив", их признаки и функции

Прежде чем рассматривать историю становления и развития существующих в ИИАЭ научных школ и направлений необходимо обозначить, что мы понимаем под данными понятиями, так как в литературе понятие "научная школа" остается весьма расплывчатым.

В философской, исторической, социологической, педагогической и другой литературе, посвященной определению понятий "научная школа", "научное направление", "научный коллектив", существует масса подходов и предлагается множество их классификаций. Определения, которые даются различными авторами в разных отраслях науки, являются нередко взаимоисключающими.

Чаще всего термин "научная школа" употребляется в литературе как в расширительном, так и в сугубо конкретном смысле. В первом случае речь идет об уникальном явлении, когда возникающая между крупными учеными общность взглядов, идей и интересов приводит их к тесному и близкому сотрудничеству, привлекает новые молодые таланты и на многие годы определяет пути и темпы развития принципиально новых областей науки [4].

Во втором случае понятие "научная школа" употребляется в более узком, "локальном" смысле – применительно к относительно небольшому научному коллективу, объединенному не только структурно и конкретной тематикой, но и общей системой взглядов, идей, интересов, традиций, сохраняющейся, передающейся и развивающейся при смене научных поколений.

К признакам научной школы относят: научную значимость рассматриваемых проблем; уровень научных результатов школы и ее (школы) признание в стране и за рубежом; роль научного лидера; стабильность и перспективы школы (преемственность научных поколений, работа с научной молодежью, работа постоянного научного семинара).

Цель деятельности научных школ в современной академической и вузовской науке, по мнению исследователей, заключается в производстве нового знания; развитии методологии исследовательского процесса; разработке научной теории до уровня образовательных технологий; внедрении новых образовательных систем в учебный процесс; предложении готовой научной продукции на рынок образовательных услуг и технологий; подготовке и обучении нового поколения научных кадров, специалистов высочайшей квалификации посредством передачи готовых знаний от учителя к ученику и пр. [3; 25].

Важной функцией научной школы является *забота о научной смене, о подготовке кандидатов и докторов наук*. Руководитель научной школы и его коллеги стремятся сформировать из числа начинающих исследователей (студентов, аспирантов, докторантов) научных, а во многом и мировоззренческих единомышленников. При **оценке научных школ** учитывается цитируемость

трудов участников школы; общие научные идеи и ценности, которых придерживаются члены школы.

Когда говорится о *научном направлении* работы, то имеется в виду, что руководитель данного научного направления – доктор наук. В рамках научного направления научные исследования завершаются защищенными диссертациями и опубликованными трудами: монографиями, статьями и пр.

Основной формой организации научной школы и научного направления является *научный коллектив*, который играет основную роль как в проведении собственно научных исследований, в разработке сложных научных проблем, получении нового научного знания, так и в формировании ученых – профессиональных научных работников.

При анализе деятельности научных школ необходимо учитывать, что некоторые научные школы могут прекратить свою деятельность, когда предмет исследования школы перестает быть актуальным, так как практически исследован; либо в рамках одной научной школы формируются новые направления исследований, ставшие в ходе расширения предмета исследований самостоятельными научными школами, в рамках которых формируются новые научные направления, которые в перспективе также могут стать научными школами. Именно таким путем шел процесс формирования научных школ и направлений в ИИАЭ ДВО РАН.

Базовой была **историческая** школа или школа **комплексного анализа регионального исторического процесса** А.И. Крушанова, из которой в ходе становления и развития Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока¹ выделилось еще четыре: школа востоковедения, школа изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, этнографическая и археологическая школы, в рамках которых формируются новые значимые научные направления.

Под научными школами в данной статье мы понимаем признанные, известные, развивающиеся и формирующиеся направления научных исследований ИИАЭ, обладающие основными признаками научной школы.

Роль академика АН СССР А.И. Крушанова и его исторической школы в становлении научных исследований в ИИАЭ

Основателем признанной в стране **исторической научной школы** был первый директор ИИАЭ ДВНЦ АН СССР (1971–1991), д.и.н., академик АН СССР **Андрей Иванович Крушанов (1921–1991)** (ТА ИИАЭ. Личное дело А.И. Крушанова)², деятельности которого по организации научных исследований формированию структурных подразделений в ИИАЭ посвящена значительная литература [См. напр.: 5; 6; 21].

Огромную помощь А.И. Крушанову в создании структурных подразделений ИИАЭ, на базе которых впоследствии образовались сначала научные направления, а потом и научные школы, оказали работавшие в Отделе истории и археологии Дальневосточного филиала (ДФ) СО АН СССР в 1950–1960-е годы будущие доктора (*Э.В. Шавкунов, Ж.В. Андреева, Ю.А. Сем, Н.В. Кочешков, А.Т. Мандрик, Ю.В. Аргудяева, В.Ф. Соловьев*) и кандидаты наук (*В.Д. Леньков, Л.И. Сем, Г.А. Отаина, Н.К. Старкова, Е.А. Гаер, Л.И. Проксурин, Г.Н. Романова, Ю.Н. Осипов, Л.Е. Фетисова*) (ТА ИИАЭ. Личные дела перечисленных сотрудников) и др.

Становление структуры ИИАЭ в 1970–1980-е гг. происходило путем проб и ошибок: одни структурные подразделения открывались, другие – ликвидировались. Но базовыми подразделениями всегда были те подразделения, в рамках которых формировались новые научные направления: **подразделения историков**, исследовавшие исторический процесс на территории рус-

¹ Решение об организации во Владивостоке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока было принято Президиумом АН СССР 26 ноября 1970 г. Менее чем через год, 1 июля 1971 г., на базе существовавшего с 1954 г. в Дальневосточном филиале им. В.Л. Комарова СО АН СССР небольшого Отдела истории и археологии был создан ИИАЭ, состоявший к концу 1971 г. из 11 секторов и ставший со временем не только центром дальневосточной академической науки, но и кузницей кадров для огромного Дальневосточного региона.

² ТА ИИАЭ – Текущий архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ского (советского) Дальнего Востока в XVII – XX вв.; **археологические отдели** или **сектора**, в которых исследовались вопросы появления человека и первых средневековых государств на территории региона; **этнографическое подразделение**, сотрудники которого изучали историю и культуру коренных малочисленных народов Дальнего Востока и переселенцев.

А.И. Крушанов – крупнейший специалист в области отечественной истории. Его исследовательские интересы были весьма разнообразными: проблемы установления советской власти на Дальнем Востоке; история Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке; партизанское движение на Дальнем Востоке и его особенности; социальные отношения и общественно-политическое развитие Дальневосточного региона в разные исторические периоды; история дальневосточных городов и пр.

Наряду с изучением различных аспектов исторического процесса он уделял пристальное внимание анализу актуальных проблем современности, в числе которых одной из важнейших являлась безопасность советского Дальнего Востока. А.И. Крушанов внимательно относился к любым угрозам миру и стабильности в целом и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в частности, при этом он подчёркивал особое место Дальнего Востока в географическом и экономическом пространстве государства, отмечая выгодность его положения, огромный потенциал и большую роль в обеспечении безопасности страны.

Благодаря усилиям А.И. Крушанова Институт истории к концу 1970-х гг. стал признанным в стране центром дальневосточной исторической науки. Под его редакцией вышли в свет десятки монографий, коллективных трудов и научно-популярных изданий; активизировалась подготовка научных кадров для всего Дальнего Востока через аспирантуру, в том числе целевую: за первые 15 лет существования ИИАЭ его сотрудниками и в диссертационном совете ИИАЭ было защищено 8 докторских и 122 кандидатские диссертации [23, с. 262–276]. Он дал путевку в "большую науку" многим ученым и преподавателям высшей школы: под руководством А.И. Крушанова подготовлено 18 докторских и 130 кандидатских диссертаций; он автор более 300 научных работ, в том числе более 20 монографий.

В память о А.И. Крушанове, крупном ученом, патриоте Дальнего Востока, названы одна из улиц г. Владивостока, а также Средняя общеобразовательная школа в с. Михайловка Михайловского района Приморского края, директором которой он был после службы в армии (МБОУ СОШ им. А.И. Крушанова с. Михайловка). В ДВО РАН учреждена премия им. А.И. Крушанова в области гуманитарных наук; есть серебряная монета "Академик А.И. Крушанов – руководитель ИИАЭ ДВО РАН"; раз в два года проходит научная конференция – Крушановские чтения. В 1993 г. на здании созданного им ИИАЭ ДВО РАН была установлена мемориальная доска.

Ученики А.И. Крушанова: д.и.н., специалист по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке *Б.И. Мухачёв*; д.и.н., специалист по истории рыбной промышленности Дальнего Востока *А.Т. Мандрик*; д.и.н., исследователь истории Дальнего Востока в советский период *Ал.П. Деревянко* (ТА ИИАЭ. **Личное дело Б.И. Мухачёва; Личное дело А.Т. Мандрика; Личное дело Ал.П. Деревянко**); д.и.н., специалист по истории рабочего класса Дальнего Востока в имперский период *Л.И. Галлямова*; д.и.н., специалист по региональной социальной истории *А.С. Вацук*; д.и.н., занимающаяся историей Второй мировой войны и участия в ней дальневосточников *Г.А. Ткачева*; д.и.н., специалист по принудительным миграциям *Е.Н. Чернолуцкая*; к.и.н., специалист по истории дальневосточного казачества *О.И. Сергеев*; к.и.н., специалист по истории дальневосточного крестьянства *Ю.Н. Осипов*; к.и.н., специалист по истории дальневосточной деревни *Л.И. Проскурина* (ТА ИИАЭ. **Личное дело О.И. Сергеева; Личное дело Ю.Н. Осипова; Личное дело Л.И. Проскуриной**) и др. – с учетом вновь открывшихся источников и, дополнив анализ регионального исторического процесса современными методами гуманитарных наук, развили идеи А.И. Крушанова.

Наиболее значимым достижением исторической школы ИИАЭ ДВО РАН является издание многотомной истории Дальнего Востока [7; 8; 9; 10; 11], в которой нашли отражение основные события советского периода Дальневосточного региона.

В рамках научной школы **комплексного анализа регионального исторического процесса** (исторической школы) возникли два новых научных направления: **история Дальнего Востока России в имперский период** и **социально-политическая история Дальнего Востока России**.

Руководителем первого направления является д.и.н., профессор, главный научный сотрудник ИИАЭ *Л.И. Галлямова*. Область её научных интересов охватывает социально-экономическую историю, общественно-политическую и культурную жизнь, историю хозяйственного и культурного освоения Дальнего Востока России второй половины XIX – первой четверти XX вв. Л.И. Галлямова автор более 300 научных и научно-методических работ (монографий, статей, докладов, учебников, учебных пособий и пр.). Под её руководством защищено 11 кандидатских и 3 докторские диссертации.

Наиболее плодотворно по первому научному направлению работают к.и.н., старший научный сотрудник *Т.З. Позняк* и к.и.н., старший научный сотрудник *Р.С. Авиллов*. Фундаментальный труд Т.З. Позняк "Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории" [22] – заметный вклад в региональную историографию. Сферой научного интереса Р.С. Авиллова является военная история Дальнего Востока России во 2-й половине XIX – начале XX вв.

Руководителем второго научного направления является д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, заведующая отделом социально-политических исследований *А.С. Ващук*. Область научных интересов – социальные трансформации и процессы модернизации Дальнего Востока России в постсоветский период, трудовая миграция на Дальнем Востоке России в контексте истории социально-политической безопасности, трансформация общества и власти на Дальнем Востоке во второй половине XX – начале XXI вв. А.С. Ващук автор более 220 научных работ, в том числе опубликованных в КНР, Республике Корея, Японии, Польше, Франции. Под её руководством защищено 12 кандидатских и 3 докторские диссертации.

Проблемами социально-политической истории занимаются как уже состоявшиеся (д.и.н. *Е.Н. Чернолуцкая*, к.и.н. *С.Г. Коваленко*, к.и.н. *Ю.Н. Ковалевская*), так и молодые (к.и.н. *Е.С. Волкова*, к.и.н. *Н.С. Воронцов*, *Д.А. Пешков*) сотрудники отдела социально-политических исследований.

Дальневосточная академическая школа востоковедения

При непосредственном участии А.И. Крушанова и поддержке ведущих научных институтов Москвы и Ленинграда в ИИАЭ была сформирована **Дальневосточная академическая школа востоковедения**, которую можно определить как развивающуюся. Большое влияние на ее становление и развитие оказали в части китаеведения д.и.н. *Ф.В. Соловьев* (1913–1999), в части японоведения – д.и.н. *В.Г. Щебеньков* (1921–1992), работавший в ИИАЭ со дня его основания (**ТА ИИАЭ. Личное дело Ф.В. Соловьева; Личное дело В.Г. Щебенькова**).

Ф.В. Соловьев в 1960–1962 гг. заведовал Отделом научных кадров и аспирантурой ДФ СО АН СССР и одновременно работал младшим научным сотрудником в Отделе истории ДВФ СО АН СССР, где создал группу социально-экономической информации, которая издавала информационные бюллетени по странам зарубежного Востока (Китай, Япония, Корея).

В 1968 г. он возглавил созданный в ДВФ СО АН СССР Отдел истории и культуры зарубежных стран; впоследствии этот отдел был разделен на два самостоятельных подразделения: сектор истории и культуры Китая (руководитель Ф.В. Соловьев) и сектор истории и культуры Японии (руководитель В.Г. Щебеньков) [19].

На базе этих секторов и формировалась Дальневосточная академическая школа востоковедения. Руководство научной работой востоковедов ИИАЭ ДВНЦ АН СССР осуществлял Ф.В. Соловьев.

Сферой научных интересов Ф.В. Соловьева являлись история Китая, китайское отходничество на Дальнем Востоке России, китайская топонимика Дальнего Востока СССР. Он автор более 110 научных работ, значительная часть из них была опубликована для служебного пользования (ДСП) [20, с. 217–232].

Сферой научных интересов В.Г. Щебенькова были история и культура Японии, японская историография отношений России с сопредельными странами, японская историография русско-японских и советско-японских отношений, история айнов. Он автор более 100 научных работ и научный руководитель 3 кандидатских диссертаций.

Главное направление Дальневосточной академической школы востоковедения – комплексное изучение истории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) XVII – XX вв., воплотившееся в издании фундаментальных монографий [12; 13; 14; 15; 16]. Продолжают формироваться в школе востоковедения ИИАЭ японоведческое и корееведческое направления, однако пока еще нет фундаментальных монографий по истории и культуре Японии и Кореи, сравнимых с монографиями по истории Северо-Восточного Китая.

Представителями Дальневосточной академической школы востоковедения ИИАЭ ДВО РАН являются специалисты по истории Китая: к.и.н. Г.П. Белоглазов, к.и.н. С.А. Иванов, к.и.н. Г.С. Каретина, к.и.н. Г.Н. Романова, к.и.н. Н.П. Рябченко, к.и.н. И.В. Ставров, к.и.н. Г.А. Сухачёва, Н.Ю. Зуенко; Японии – к.и.н. Б.М. Афонин, к.и.н. В.В. Кожевников, к.и.н. Н.С. Табачко, к.и.н. Ж.М. Баженова и Кореи – к.и.н. В.А. Гайкин.

Дальневосточная этнографическая школа

А.И. Крушанов оказал влияние и на создание известной в стране **Дальневосточной этнографической школы**. Он привлек к этой задаче д.и.н., профессора Ю.А. Сема [1, с. 73–86]. В рамках школы сформировались два научных направления: этнография малочисленных народов Дальнего Востока и история и культура славянских переселенцев (дальневосточное славяноведение).

Работая в ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, Ю.А. Сем с увлечением занимался проблемами этногенеза и этнокультурных контактов народов Сибири и Дальнего Востока; изучал их материальную и духовную культуру; этническую историю; внес определенный вклад в изучение этнопедагогики, народной медицины, топонимики, филологии; занимался историографией и источниковедением тунгусо-маньчжурских народов Нижнего Амура, Приморья и Сахалина. В последние годы жизни исследовал проблемы этнокультурной специфики религиозной лексики, верований и разные жанры фольклора тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока (нанайцы, ульчи, ороки, удэгейцы, негидальцы) (ТА ИИАЭ. Личное дело Ю.А. Сема).

Ю.А. Сем сформировал коллектив исследователей-этнографов – основу Дальневосточной этнографической школы (к.и.н. Е.А. Гаер, к.и.н. Н.К. Старкова, д.и.н. Н.В. Кочешков, д.и.н. П.Я. Гонтмахер, к.и.н. В.А. Тураев, д.и.н. А.Ф. Старцев, д.и.н. В.В. Подмаскин, д.и.н. С.В. Березницкий и др.).

Под руководством Ю.А. Сема 15 аспирантов и соискателей защитили кандидатские диссертации. Особенно большое внимание Ю.А. Сем уделял подготовке специалистов из числа малочисленных народов Дальнего Востока. Нанайка Е.А. Гаер, ительменка Н.К. Старкова, нивхинка Г.А. Отаина, эвенка И.А. Захарова благодаря вниманию и заботе Ю.А. Сема быстро выросли в известных специалистов (ТА ИИАЭ. Личное дело Е.А. Гаер; Личное дело Н.К. Старковой; Личное дело Г.А. Отаиной; Личное дело И.А. Захаровой).

Сотрудниками этнографической школы был собран огромный полевой материал, который нашел отражение в многотомной серии книг об истории и культуре коренных малочисленных народов Дальнего Востока.

Ю.А. Сем автор более 350 научных публикаций, в том числе монографий по нанайцам, тазам, орокам. К сожалению, не все они увидели свет при жизни автора.

Славяноведческое направление Дальневосточной этнографической школы начало формироваться еще во времена ДВНЦ. Руководителем данного направления является д.и.н. Ю.В. Аргудяева.

Сфера её научных интересов: история и этнография славянских народов; история и этнография русского народа; история и этнография народов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока; этническая и этнокультурная история; семья и семейный быт; семейная и календарная обрядность; демография; социология религии русских, украинцев, белорусов Дальнего Вос-

тока России; взаимодействие культур восточных славян с аборигенными и пришлыми восточно-азиатскими народами; русские эмигранты в Северо-Восточном Китае и реэмигранты. Она автор более 300 научных работ, в том числе 12 индивидуальных и 4 коллективных монографий. Под ее руководством защищено 7 кандидатских и 2 докторские диссертации [24, с. 88–94].

Наиболее яркими представителями славяноведческого направления являются к.фил.н., специалист по дальневосточному фольклору славянских переселенцев *Л.Е. Фетисова*, д.фил.н. *Т.В. Краюшкина*, к.и.н. *Г.Г. Ермак*, к.и.н. *Г.С. Поповкина* и др.

Дальневосточная археологическая школа

Известная в России и в странах АТР **Дальневосточная археологическая школа** была создана учеником академика АН СССР А.П. Окладникова д.и.н., профессором *Э.В. Шавкуновым*, возглавившим в дальневосточной археологической школе направление *дальневосточной медиевистики* [2, с. 162–167], и ученицей д.и.н., члена-корреспондента АН СССР С.В. Киселева д.и.н. *Ж.В. Андреевой*, руководителя направления *первобытной археологии*.

Э.В. Шавкунов стоял у истоков археологической науки на Дальнем Востоке, занимаясь средневековой археологией более 50 лет (**ТА ИИАЭ. Личное дело Э.В. Шавкунова**). Сфера его научных интересов: история государства Бохай; история Золотой империи Цзинь; средневековая археология Приморья; искусство и религия средневековых народов Дальнего Востока; бронзовые зеркала и наэке.

Э.В. Шавкунов – автор блестящих открытий, интересных находок, неординарных гипотез. В его послужном списке десятки археологических памятников от эпохи палеолита до средневековья. В 1962 г. он нашел уникальное, теперь уже всемирно известное, Шайгинское городище, относящееся к чжурчжэньскому времени (1115–1234). Тридцать полевых сезонов, проведенных на этом памятнике, позволили ученому по-новому интерпретировать многие проблемы средневековой истории Дальнего Востока. В 1970–1972 гг. Э.В. Шавкунов находит ряд новых археологических памятников гуннского времени на территории Монголии. К блестящим находкам можно отнести обнаруженную вместе с президентом монгольской академии наук Х. Пэрлээ в развалинах субургана коллекцию берестяных книг конца XVI – первой трети XVII вв.

Он автор более 200 научных работ, среди которых 6 монографий и около 40 отчетов о полевых исследованиях; 40 из них опубликованы за рубежом. Под руководством Э.В. Шавкунова подготовлено и защищено более 15 кандидатских диссертаций.

Э.В. Шавкунов заложил основы изучения уникальных средневековых городских цивилизаций Дальнего Востока, которые были развиты его учениками (д.и.н. *О.В. Дьякова*, д.и.н. *И.С. Журиховская*, д.и.н. академик РАН *Н.Н. Крадин*, к.и.н. *В.И. Болдин*, к.и.н. *Н.Г. Артемьева*, к.и.н. *А.Л. Ивлиев*, к.и.н. *Г.Л. Силантьев*, к.и.н. *Е.И. Гельман*, к.и.н. *В.Д. Леньков* и др.).

О.В. Дьякова – автор многочисленных научных публикаций по средневековой археологии Дальнего Востока, в том числе 9 монографий по ранне-средневековой керамике и культуре; под ее руководством защищены 4 кандидатские диссертации.

И.С. Журиховская, д.и.н., сферой научного интереса которой является история керамического производства, также много сделала для развития дальневосточной медиевистики. Она автор более 160 научных работ, в том числе 2 индивидуальных и 8 коллективных монографий; в качестве научного руководителя подготовила 4 кандидатов наук.

Д.и.н., академиком РАН, директором ИИАЭ ДВО РАН *Н.Н. Крадиным* ареал исследования городских цивилизаций расширен на территорию Центральной Азии. Его научные интересы связаны с изучением кочевничества (номадизма). Н.Н. Крадиным была выдвинута теория самостоятельного пути эволюции обществ кочевников-скотоводов; ему удалось создать целостную теорию особого экзополитарного способа производства³, под которым подразумевалось, что наиболее крупные общества кочевников основывались

³ Позднее он стал использовать другой термин – "ксенократия".

на различных способах внешней эксплуатации земледельческих обществ (набеги, вымогание даров, завоевания и др.). С 2004 г. под руководством Н.Н. Крадина ведутся раскопки древних и средневековых городов кочевых империй (хунну, уйгуров, киданей, монголов). Он проводил исследования не только на Дальнем Востоке России, но и в Бурятии, Монголии, Туве, Китае.

Помимо изучения степных обществ Евразии Н.Н. Крадин занимается разработкой теоретических вопросов исторической науки (в частности, он известен своими публикациями в области мир-системного анализа); он внёс большой вклад в теорию происхождения государства и политическую антропологию. В этой области им впервые было предложено понятие "суперсложного вожества" как особой формы социально-политической организации кочевников, не встречающейся у оседлых земледельческих народов. Можно предположить, что работы и научные интересы Н.Н. Крадина приведут к формированию еще одного направления в дальневосточной средневековой медиэвистике.

Н.Н. Крадиным опубликовано более 500 научных работ, из них 40 коллективных книг и 14 монографий. Под его руководством защищены 1 докторская и 8 кандидатских диссертаций.

Основателем и руководителем направления первобытной археологии в Дальневосточной археологической школе является д.и.н. *Ж.В. Андреева*.

Ж.В. Андреевой за более чем 30-летний период (1958–1987) полевых исследований в Приморье было открыто более 100 археологических памятников и более 10 из них подверглись раскопкам (**ТА ИИАЭ. Личное дело Ж.В. Андреевой**). Самые известные из них – поселения Синие Скалы и Малая подушечка [17; 18]. В итоге была создана солидная источниковая база, прежде всего, по эпохе палеометалла Приморья, анализ которой нашёл отражение как в полевых отчётах, так и публикациях. Всего *Ж.В. Андреевой* было издано более 80 научных работ, в архив Института археологии представлено 25 отчётов об итогах полевых исследований. Она является автором 2 индивидуальных и 9 коллективных монографий, издала книгу воспоминаний, неоднократно участвовала в написании учебных пособий. Работы *Ж.В. Андреевой* публиковались в США, Японии и КНР.

Ж.В. Андреева, являясь представителем традиционного направления в отечественной археологии, в своих работах много внимания уделяла типологическому анализу археологического материала, изучению стратиграфических условий его залегания. "Традиционность" *Ж.В. Андреевой* не означала, однако, неприятие ею новых методов исследований. По мере возможности она их использовала сама (так, один из первых опытов применения геофизических методов исследования в археологии Приморья был осуществлён на поселении Синие Скалы) и призвала к этому своих коллег и учеников, прекрасно понимая значимость таких работ. Не случайно, что в 1980–1990-е гг. в приморской археологии отмечено появление экспериментальных исследований, использование трасологического метода при изучении орудий труда, применение различных методов естественных наук при анализе керамики. В этот же период происходит становление палеоэкологического направления в археологии региона (к.и.н. *А.Л. Ивлиев* и к.и.н. *Н.А. Клюев*).

Сфера научных интересов *Ж.В. Андреевой*: первобытная археология Приморья; эпоха палеометалла Приморья; янковская культура; вопросы генезиса и хронологии культур; определение уровня признаков при выделении археологических культур; проблемы периодизации. В своих работах она затронула широкий круг проблем: определение критериев для выделения культур, характеристика их локальных вариантов и хронологических этапов, вопросы генезиса и хронологии культур. Много места в публикациях занимал анализ материальной культуры и хозяйства населения Приморья в период железного века. Многие из этих проблем являются дискуссионными. *Ж.В. Андреева* не только никогда не уходила от решения таких проблем, но и старалась всегда аргументировано доказывать свою позицию, а в случае необходимости и признавать мнения своих оппонентов.

Ж.В. Андреева создала мощное направление в области изучения первобытной археологии, традиции которого продолжают современные исследователи: д.и.н. *А.А. Василевский*, д.и.н. *Ю.Е. Вострецов*, к.и.н. *Н.А. Клюев*, к.и.н., PhD *Н.А. Кононенко*, к.и.н. *Е.А. Сергушева* и др.

Под руководством Ж.В. Андреевой защищено несколько диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Научная школа "Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе"

Необходимость научного обеспечения тихоокеанской политики России, её отношений со странами АТР привело к формированию в ИИАЭ ДВО РАН комплексной научной школы "**Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе**", которую возглавил д.и.н., академик РАН *В.Л. Ларин*. Данную школу можно определить как формирующуюся, так как не все направления научных исследований в рамках школы окончательно сформировались. Появляются все новые и новые проблемы в международных отношениях в АТР, которые требуют своего научного анализа.

Сфера научных интересов академика В.А. Ларина: востоковедение, внешняя политика, международные отношения и проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Он автор более 260 научных работ, в том числе 8 индивидуальных и 5 коллективных монографий по проблемам истории Китая, российско-китайских отношений, внешней политики, международных отношений и безопасности в Восточной Азии и АТР. Под его руководством защищены 3 докторские и 23 кандидатские диссертации.

Развитие научных исследований коллектива школы "Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе" осуществляется в Центре глобальных и региональных исследований ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВО РАН. Центр состоит из 4 структурных подразделений: Отдел международных отношений (ОМО); Сектор международной и региональной безопасности; Отдел востоковедения и Лаборатория изучения общественного мнения.

В рамках данной научной школы внимательно анализируются современные процессы, происходящие в странах Восточной Азии и Северной Пацифики; разработаны положения об общих тенденциях и особенностях международных отношений в Северо-Восточной Азии и Северной Пацифики на рубеже XX – XXI вв.; роли и месте России в этих процессах; исследована роль внешних факторов в формировании политики России в отношении восточных районов страны в XIX – XXI вв. и пр.

Наиболее яркими представителями школы "Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе" являются: д.полит.н. *С.К. Песцов*, д.и.н. *Л.В. Забровская*, д.и.н. *А.Б. Волынчук*, к.э.н. *Б.И. Ткаченко*; из молодых исследователей необходимо отметить к.и.н. *В.Е. Болдырева*, к.и.н. *А.В. Симоненко*, к.и.н. *Н.Н. Горячева* и к.и.н. *Е.А. Горячеву*.

Заключение

В период подготовки к празднованию 300-летия Российской академии наук изучение опыта формирования и развития академических научных школ, в том числе и научных школ ИИАЭ ДВО РАН, видится нам актуальной исследовательской проблемой. Создание научных школ – это потребность науки, необходимость ученых. Научное сообщество нуждается в постоянных контактах, обмене информацией, взаимной оценке трудов, а следовательно, в формировании научных школ, направлений, временных творческих коллективов.

Основатели научных школ ИИАЭ ДВО РАН, как правило, являлись представителями ярких научных школ страны, сами имели выдающихся учителей, которые сыграли решающую роль в их научной биографии.

Становление и развитие академических научных школ в ИИАЭ ДВО РАН показало, что формирование научной школы – не одномоментный акт. Для становления и развития школы необходимо время. Любая научная школа окончательно формируется усилиями двух, а то и трех поколений ученых. Каждое поколение не только сохранило лучшие черты научной школы, заложенные учителями, но и внесло свой вклад в ее развитие, обеспечивая мобильность школы по отношению к новым открываемым научным фактам, благодаря чему в ИИАЭ ДВО РАН продолжают формироваться новые научные направления, которые, в свою очередь, могут дать толчок как к формированию новых научных школ, так и новых научных направлений.

Литература

1. Аргудяева Ю.В., Березницкий С.В., Старцев А.Ф. Дальневосточная академическая этнография: лидирующее положение в регионе // Россия и АТР. 2006. № 2. С. 73–86.
2. Артемьева Н.Г. Основатель школы дальневосточной медиевистики Эрнст Владимирович Шавкунов (1930–2001) // Вестник ДВО РАН. 2010. № 3. С. 162–167.
3. Бандурина И.А. Функции и принципы эволюции научных школ в эпоху глобализации // Труды 8-й международной научно-практической Интернет-конференции "Преподаватель высшей школы в XXI веке". Сборник 8. Часть 2. Ростов н/Д: РГУПС, 2010. С. 192–196.
4. Ведущие научные школы России: Справочник. М.: Янус-К, 1998. 624 с.
5. Галлямова Л.И. Академик А.И. Крушанов и его вклад в исследование истории российского Дальнего Востока // Дальний Восток: наука, образование. XXI век: IV Крушановские чтения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во гос. пед. ун-та, 2005. Т. 1. С. 14–22.
6. Галлямова Л.И. Андрей Иванович Крушанов. К 100-летию со дня рождения. Владивосток: Дальнаука, 2021. 78 с.
7. История Дальнего Востока России. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. / Под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с.
8. История Дальнего Востока России. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. Том 3. Книга 8 / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.
9. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года / под общ. ред. чл.-корр. РАН В.Л. Ларина; отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток: Дальнаука, 2018. 656 с.
10. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5 / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: Дальнаука, 2018. 904 с.
11. История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.3. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. чл.-корр. РАН Н.Н. Крадина, отв. ред. Г.А. Ткачева. Владивосток: Дальнаука, 2020. 944 с.
12. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 3. Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. / гл. ред. В.Л. Ларин; отв. ред. Г.П. Белоглазов. Владивосток: Дальнаука, 2004. 344 с.
13. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. / Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Кн. 4 : Северо-Восточный Китай в 1979–1999 гг. / гл. ред. В.Л. Ларин; отв. ред. Г.П. Белоглазов. Владивосток: Дальнаука, 2021. 451 с.
14. История Северо-Восточного Китая XVII – XXI вв. : в 5 кн. Кн. 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения старопромышленной базы / гл. ред. В. Л. Ларин. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 354 с.
15. История Северо-Восточного Китая. XVII – XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай. 1917–1949 гг. / гл. ред. А.И. Крушанов. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 350 с.
16. История Северо-Восточного Китая. XVII – XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII-начало XX в.) / гл. ред. А.И. Крушанов. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. 424 с.
17. Ключев Н.А. Жанна Васильевна Андреева и её роль в становлении и развитии института // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2021. Т. 30. № 1. С. 115–127.
18. Ключев Н.А. Жанна Васильевна Андреева: 60 лет в дальневосточной археологии // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 20. Археология. С.11–23.
19. Кожевников В.В., Шнырко А.А. Японоведение во Владивостоке // Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под ред. проф. Д.В. Стрельцова. Ассоциация японоведов; Ин-т востоковедения МГИМО МИД РФ. М. 2015. С. 163–170.
20. Кондратенко Г.В. Фёдор Владимирович Соловьев – хранитель китаеведческих традиций и создатель новой школы // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2021. Т. 30. № 1. С. 217.
21. Мандрик А.Т. Формирование исторической науки на Дальнем Востоке: К 80-летию академика А.И. Крушанова // Россия и АТР. 2001. № 2. С. 16–26 и др.
22. Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2018. 712 с.
23. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. 1971–1985 гг. С. 262–276.
24. Хисамутдинов А.А. Юлия Викторовна Аргудяева: к портрету ученого // Вестник ДВО РАН. 2016. № 6. С. 88–94.
25. Шапка В.В., Бобров Ф.А. Научная школа, как социальный институт в РФ // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2015. № 5. С. 1–13.

References

1. Argudyaeva Yu.V., Berezniitsky S.V., Startsev A.F. Dalnevostochnaya akademicheskaya etnografiya: leading position in the region // Russia and ATR. 2006. № 2. P. 73–86. (In Russ.).
2. Artem'eva N.G. Founder of the School of Far Eastern Medieval Studies Ernst Vladimirovich Shavkunov (1930–2001) // Vestnik FEB RAS. 2010. № 3. P. 162–167. (In Russ.).
3. Bandurina I.A. Functions and principles of evolution of scientific schools in the era of globalization // Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Internet Conference "Teacher of the Higher School in the XXI Century". Collection 8. Part 2. Rostov n/D: RSUPS, 2010. P. 192–196. (In Russ.).
4. Leading scientific schools of Russia: Handbook. M.: Yanus-K, 1998. 624 p. (In Russ.).
5. Gallyamova L.I. Academician A.I. Krushanov and his contribution to the study of the history of the Russian Far East // Far East: science, education. XXI century: IV Krushanov readings: materials III Mezhdunar. nauch.-prakt. conf. Komsomolsk-on-Amur: Izd-vo gos. ped. un-ta, 2005. T. 1. P. 14–22. (In Russ.).
6. Gallyamova L.I. Andrey Ivanovich Krushanov. To the 100th anniversary of his birth. Vladivostok: Dalnauka, 2021. 78 p. (In Russ.).
7. History of the Russian Far East. The World After the War: Far Eastern Society in the 1945–1950s/ Ed. by V.L. Larin; Holes. ed. A.S. Vashchuk. Vladivostok: Dalnauka, 2009. 696 p. (In Russ.).
8. History of the Russian Far East. Society and Power in the Russian Far East in 1960–1991 Volume 3. Book 8 /pod obshch. red. V.L. Larin; Holes. ed. A.S. Vashchuk. Vladivostok: IIAE FEB RAN, 2016. 940 p. (In Russ.).
9. History of the Russian Far East. T. 3. Kn. 2. Dalniy Vostok Rossii v epoch sovetskogo modernizatsii: 1922 – nachale 1941 goda / pod obshch. red. chl. Corr. RAS V.L. Larin; Holes. ed. L.I. Gallyamov. Vladivostok: Dalnauka, 2018. 656 p. (In Russ.).
10. History of the Russian Far East. T. 3. Kn. 5 /pod obshch. Ed. V.L. Larina; Holes. ed. A.S. Vashchuk. Vladivostok: Dalnauka, 2018. 904 p. (In Russ.).
11. History of the Russian Far East. T.3. Kn.3. Dalniy Vostok SSSR: 1941–1945 gg. / pod obshch. red. chl.- korr. RAS N.N. Kradina, otv. ed. G.A. Tkachev. Vladivostok: Dalnauka, 2020. 944 p. (In Russ.).
12. History of North-Eastern China XVII – XX centuries. 3. North-Eastern China in 1945–1978 / gl. red. V.L. Larin; Holes. ed. G.P. Beloglazov. Vladivostok: Dalnauka, 2004. 344 p. (In Russ.).
13. History of North-Eastern China XVII – XX centuries. / Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. Kn. 4 : North-Eastern China in 1979–1999 / ed. by V.L. Larin; Holes. ed. G.P. Beloglazov. Vladivostok: Dalnauka, 2021. 451 p. (In Russ.).
14. Istoriya Severo-Vostochnogo Kitay XVII – XXI vv. : v 5 kn. Kn. 5. North-Eastern China in the period of revival of the old industrial base / gl. red. V. L. Larin. Vladivostok : IIAE FEB RAN, 2018. 354 p. (In Russ.).
15. History of Northeast China. XVII – XX vv. Kn. 2. Northeast China. 1917–1949 gg. /gl. red. A.I. Krushanov. Vladivostok: Dalnevost. Kn. izd-vo, 1989. 350 p. (In Russ.).
16. History of Northeast China. XVII – XX vv. Kn. 1. Manchuria v epoch feudalizma (XVII – nachale XX v.) / gl. red. A.I. Krushanov. Vladivostok: Dalnevost. Kn. izd-vo, 1987. 424 p. (In Russ.).
17. Klyuev N.A. Zhanna Vasilyevna Andreeva i ee role v stanovlenie i razvitiya i razvitiya instituta // Trudy IIAE FEB RAS. 2021. T. 30. № 1. P. 115–127. (In Russ.).
18. Klyuev N.A. Zhanna Vasilyevna Andreeva: 60 years in the Far Eastern Archaeology // Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2018. T. 20. Archaeology. P. 11–23. (In Russ.).
19. Kozhevnikov V.V., Shnyrko A.A. Japanese Studies in Vladivostok // Modern Russian Japanese Studies: Looking Back at the Path of a Quarter of a Century / Ed. by Prof. D.V. Streltsov. Association of Japanese Studies; Institute of Oriental Studies of the Moscow State Institute of Oriental Studies of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. M. 2015. C. 163–170. (In Russ.).
20. Kondratenko G.V. Fedor Vladimirovich Solovyov – keeper of sinaevistic traditions and creator of a new school // Trudy IIAE FEB RAS. 2021. T. 30. № 1. p. 217. (In Russ.).
21. Mandrik A.T. Formation of historical science in the Far East: To the 80th anniversary of academician A.I. Krushanova // Russia and ATR. 2001. № 2. P. 16–26 et al. (In Russ.).
22. Poznyak T.Z. Everyday life of Vladivostok from the First World War to the Civil War (1914–1922): essays on history. Vladivostok: Dalnauka, 2018. 712 p. (In Russ.).
23. Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far East Of the Far Eastern Research Center of the Academy of Sciences of the USSR. 1971–1985. P. 262–276. (In Russ.).
24. Khisamutdinov A.A. Yuliya Viktorovna Argudyaeva: to the portrait of a scientist // Vestnik FEB RAN. 2016. № 6. P. 88–94. (In Russ.).
25. Shapka V.V., Bobrov F.A. Nauchnaya shkola, kak sotsial'nyi institut v RF // Nauka. Mysl': elektronnyi periodich'nogo zhurnal. 2015. № 5. P. 1–13.

Информация об авторе

Светлана Михайловна Дударёнок, д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Отдел социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия. e-mail:dudarenoksv@gmail.com

Information about the author

Svetlana M. Dudarenok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Lead Researcher of the Department of Social and Political Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Vladivostok, Russia. e-mail:dudarenoksv@gmail.com

Поступила в редакцию 14.06.2023

Received 14.06.2023

Одобрена после рецензирования 15.08.2023

Approved 15.08.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Accepted 24.08.2023

Сообщение

УДК 94

<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/167-172>

"Любовь моя – экспедиция": к юбилею академика Анатолия Пантелеевича Деревянко

Наталья Алексеевна Шабельникова
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России,
Россия, Владивосток, nhistorik@mail.ru
Алексей Вячеславович Усов
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России,
Россия, Владивосток, epronhist@ya.ru

Аннотация. В сообщении рассматривается жизненный путь и деятельность Анатолия Пантелеевича Деревянко – выдающегося отечественного ученого в области археологии и древней истории, крупного специалиста по проблемам древнекаменного века Азии и Америки, первоначального заселения человеком Евразийского субконтинента, хроностратиграфии и корреляции палеолитических культур в аридных зонах Евразии, реконструкции древней истории Приамурья и Дальнего Востока от эпохи палеолита до раннего Средневековья. Ученым открыты и исследованы сотни археологических памятников на территории Северной, Центральной и Юго-Восточной Азии, а также Юго-Западной и Восточной Европы.

Ключевые слова: академик А.П. Деревянко, археология, древняя история, Россия, Сибирь, Дальний Восток, Российское историческое общество

Для цитирования: Шабельникова Н. А., Усов А. В. ""Любовь моя – экспедиция": к юбилею академика Анатолия Пантелеевича Деревянко // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 167–172. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/167-172>

Message

<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/167-172>

"My love – expedition": to the anniversary of Academician Anatoly Panteleevich Derevyanko

Natalia A. Shabelnikova
Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Russian, Vladivostok, nhistorik@mail.ru
Aleksey V. Usov
Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Russian, Vladivostok, epronhist@ya.ru

Abstract. The article examines the life and work of Anatoly Panteleevich Derevyanko, an outstanding Russian scientist in the field of archeology and ancient history, a major specialist in the problems of the Ancient Stone Age of Asia and America, the initial human settlement of the Eurasian subcontinent, chronostratigraphy and correlation of Paleolithic cultures in arid zones of Eurasia, reconstructions of the ancient history of the Amur region and the Far East from the Paleolithic era to the Early Middle Ages. Scientists have discovered and studied hundreds of archaeological sites in Northern, Central and South-East Asia, as well as South-Western and Eastern Europe.

Key words: academician A.P. Derevyanko, archeology, ancient history, Russia, Siberia, Far East, Russian Historical Society

For citation: Shabelnikova N. A., Usov A. V. ""My love – expedition": to the anniversary of Academician Anatoly Panteleevich Derevyanko // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 167–172. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/167-172>

Выдающемуся исследователю, научному руководителю Института археологии и этнографии СО РАН, академику РАН Анатолию Пантелеевичу Деревянко 9 января 2023 г. исполнилось 80 лет. Рефреном на его юбилей с подачи академика Анатолия Пантелеевича Деревянко звучали слова Фиделя Кастро "Siesta-non, trabajo-si" (Отдыху – нет, работе – да!). Как лозунг, под которым он всю жизнь живет. Как мерило собственного отношения к работе. Как наказ – он это подчеркнул – всем молодым ученым. Эти слова академик услышал, когда работал на Кубе.

Анатолий Пантелеевич молод душой, энергичен, талантлив, беспрерывно в работе: экспедиции, новые книги, организация труда нескольких тысяч учёных – всё окрашено и согрето улыбкой, юмором, теплом, дружелюбием, а за плечами более полувека – с августа 1961 года – работы в археологии.

Анатолий Пантелеевич Деревянко – выдающийся отечественный ученый в области археологии и древней истории. В научном сообществе он из-

вестен как крупный специалист по проблемам древнекаменного века Азии и Америки, первоначального заселения человеком Евразийского субконтинента, хроностратиграфии и корреляции палеолитических культур в аридных зонах Евразии, реконструкции древней истории Приамурья и Дальнего Востока от эпохи палеолита до раннего Средневековья. Ученым открыты и исследованы сотни археологических памятников на территории Северной, Центральной и Юго-Восточной Азии, а также Юго-Западной и Восточной Европы.

А.П. Деревянко – крупный организатор гуманитарной науки в России и Сибири. Длительное время он был академиком-секретарем Отделения историко-филологических наук РАН, членом Президиума Российской академии наук, в настоящее время возглавляет Объединенный ученый совет по гуманитарным наукам Сибирского отделения РАН, является научным руководителем Института археологии и этнографии СО РАН, членом бюро Президиума Сибирского отделения РАН и членом Научно-координационного Совета при Федеральном агентстве научных организаций России.

А.П. Деревянко родился 9 января 1943 г. в Амурской области в семье рабочего. Родители – отец Пантелей Алексеевич и мать Евдокия Семеновна – привили Анатолию и его двум братьям Борису и Алексею трудолюбие, целеустремленность, доброту и человеколюбие – качества, которые они сохранили на протяжении всей жизни.

Определяющим в жизни А.П. Деревянко стал 1961 г., когда он познакомился с Алексеем Павловичем Окладниковым – выдающимся ученым, впоследствии академиком, прекрасным педагогом, воспитавшим десятки специалистов в области археологии, этнографии и истории, создавшим сибирскую археологическую школу. По существу, участие в экспедиции А.П. Окладникова стало переломным этапом в жизни молодого человека и определило его дальнейшую судьбу.

Первое мое знакомство с А. П. Окладниковым состоялось в 1961 году. Многие поколения студентов Благовещенского пединститута мечтали поехать в экспедиции к известному ученому, но его маршруты проходили в основном по территории Хабаровского края и Приморья. Хорошо помню тот день, когда нас – троих студентов – пригласили в комитет комсомола и спросили, хотим ли мы работать в археологической экспедиции. Борис Сапунов, Лева Гудков и я сразу же дали свое согласие, а затем с нетерпением стали ждать приезда А. П. Окладникова в Благовещенск. И вот 2 сентября нас пригласили в кабинет директора краеведческого музея. Сумрачная небольшая комната, выходящая окнами в сквер, заросший кленами и тополями. За столом сидят двое: приветливая женщина – спутник Алексея Павловича по многим экспедициям – Нина Николаевна Забелина и тогда еще совсем молодой ученый – Виталий Елифанович Ларичев, уже хорошо знакомый нам по своим работам. Сам же Окладников отдыхал здесь же, на диване, укрывшись спальным мешком. Когда мы вошли, он быстро встал, тепло поздоровался с каждым, и началась беседа.

Все последующие студенческие годы Анатолий участвовал в археологических экспедициях А.П. Окладникова, которые были для него прекрасной школой полевой археологии. В 1962 г. Анатолий Деревянко выступает с докладом на Всесоюзной студенческой археологической конференции в Ленинграде. На таких конференциях, ежегодно проходивших в Москве и Ленинграде, молодые люди получали бесценный опыт творческого общения. Годом позже Анатолий Пантелеевич заканчивает экстерном Благовещенский педагогический институт (с отличием) и в 1963 г. поступает в аспирантуру Отдела гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, где его научным руководителем становится А.П. Окладников.

В 1963 г. он проводит свои первые самостоятельные раскопки на неолитическом поселении Новопетровка. На основании изучения материалов этого памятника А.П. Деревянко выделил ранее неизвестную на среднем Амуре новопетровскую культуру пластин. Следует подчеркнуть, что эпоха каменного века в истории человечества изначально привлекала Анатолия Пантелеевича. Любовь к данной проблематике пронизана вся его научная

Фото 1. А.П. Деревянко за работой в любимой экспедиции. 2004 г.

Photo 1. Anatoly Panteleevich Derevyanko at work on his favorite expedition. 2004.

Источник: из архива авторов.

Source: the personal archive.

деятельность. И сегодня главными в его научном поиске остаются проблемы палеолитоведения.

Когда-то Алексей Павлович Окладников на вопрос, что он ценит больше всего в жизни, ответил: "Радость нового открытия", – вспоминает Анатолий Пантелеевич Деревянко. Недавно мне задали аналогичный вопрос, и я понял, что археолог сформулировать суть нашей профессии иначе бы и не смог... Конечно, крупные идеи не рождаются неожиданно, вдруг – к ним ученые идут последовательно и постепенно. Любое открытие требует многих дополнительных подтверждений – это обычная схема. И бывая каждый год в экспедициях, мы не ищем чего-то абсолютно неизвестного – экспедициям предшествует очень серьезная подготовительная работа. Особенно если это новый район исследований. Обязательно изучаем геологию, геоморфологию, природные условия, которые там существовали, скажем, 20, 200 тысяч или миллион лет тому назад... Совершенно неожиданным открытием сегодня является не сам факт, но скорее качество находки, и отсюда тянется уже цепочка, комплекс открытий сопутствующих.

В 1965 г. А.П. Деревянко досрочно (весьма редкий случай в практике подготовки молодых ученых) защитил кандидатскую диссертацию на тему "Древние культуры Среднего Амура (каменный век)".

А.П. Деревянко сумел за очень короткий срок стать не только настоящим ученым – автором оригинальных научных концепций, но и крупным организатором науки и педагогом. Всего за пять (!) лет Анатолий Пантелеевич прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора по научной работе Института истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР, созданного А.П. Окладниковым в 1967 г. А.П. Деревянко стал доктор-

ом наук в 28 лет! За короткое время им была подготовлена и блестяще защищена докторская диссертация на тему "Приамурье в древности (до начала нашей эры)". Анатолий Пантелеевич стал одним из самых молодых докторов наук в СССР.

В 1974 г. произошло несколько важных событий в жизни Анатолия Пантелеевича. Он был удостоен звания профессора; вошел в состав первой совместной советско-американской археологической экспедиции на Аляске и Алеутских островах, организованной академиком А.П. Окладниковым и профессором Б. Лафлином. В этом же году А.П. Деревянко стал председателем Совета молодых ученых при ЦК ВЛКСМ, сменив на данном посту выдающегося физика академика Г.А. Месяца. Вскоре А.П. Деревянко избирают кандидатом в члены Бюро ЦК ВЛКСМ, а весной 1976 г. – секретарем ЦК ВЛКСМ; он переезжает в Москву.

В годы пребывания в Москве А.П. Деревянко написал замечательную научно-популярную книгу "В поисках Оленя Золотые рога", посвященную жизни и творчеству своего учителя – академика А.П. Окладникова. В этой работе, выдержавшей три издания, Анатолий Пантелеевич проявил себя как талантливый прозаик и популяризатор науки.

В 1979 г. (последний год работы в Москве) А.П. Деревянко избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР. Сразу после этого события он возвращается в Сибирь, где сначала работает секретарем Новосибирского обкома партии, а затем становится ректором Новосибирского государственного университета и членом Президиума Сибирского отделения АН СССР.

Особое место в жизни А.П. Деревянко занимает педагогическая деятельность. Анатолий Пантелеевич был ректором Новосибирского государственного университета, где вел основной и специальные курсы по археологии, руководил археологическим кружком. Не случайно многие выпускники университета тех лет, изучавшие основы археологии у А.П. Деревянко, стали сегодня докторами наук, специалистами, хорошо известными в научном мире. Под руководством А.П. Деревянко защищены 41 кандидатская и 14 докторских диссертаций. Многие его ученики, став докторами и кандидатами наук, успешно работают в научных центрах и университетах страны. Только в Институте археологии и этнографии СО РАН трудились и трудятся академик РАН В.И. Молодин, член-корреспонденты РАН М.В. Шуньков, Н.В. Полосмак, А.Н. Кривошапкин, доктора наук В.Е. Медведев, А.П. Соловьев, Ю.С. Худяков.

С 1983 г. руководил Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР (с 1991 г. – Институтом археологии и этнографии СО РАН), с 2015 г. является научным руководителем института.

В 1987 г. А.П. Деревянко избирается действительным членом Академии наук СССР. Этой высокой чести ученый был удостоен в 44 года! Среди ученых-гуманитариев в столь молодом возрасте академиком не становился еще никто.

Анатолий Пантелеевич – академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН в 2002–2013 гг., сопредседатель Российского исторического общества, лауреат Государственных премий РФ (2001 г., 2012 г.), Демидовской премии (2004 г.) и Большой золотой медали им. М. В. Ломоносова РАН (2015 г.).

А.П. Деревянко – личность уникальная. Он сочетает в себе качества выдающегося ученого и блестящего организатора науки. Впечатляет многочисленность его публикаций более 100 монографий (из них свыше 35 персональных) и более 1200 научных статей! Свыше 250 статей и 30 монографий изданы на 14 языках. Тремя изданиями вышла научно-популярная книга "В поисках оленя Золотые рога" (1-изд., 1978), посвященная жизни и творчеству его учителя – А.П. Окладникова.

Значимое событие в его профессиональной деятельности – открытие в Денисовой пещере на Алтае нового вида ископаемого человека, денисовца. Ученый разработал новую пространственно-временную версию путей первоначального заселения Азии, создал периодизацию, хронологию и динамику палеолита в регионе, открыл и исследовал десятки археологических объектов. Под его руководством и при его участии заложены основы мультидисципли-

нарного подхода к анализу археологических источников. Мультидисциплинарность – "изюминка" сибирских археологов.

Научные разработки А.П. Деревянко, аккумулированные им в пяти монографиях, оцениваются как открытия мирового уровня. За эти достижения в 2012 г. Анатолий Пантелеевич был удостоен Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий. А в 2022 году вышла в свет новая монография академика А.П. Деревянко в серии "Три глобальные миграции человека в Евразии" – "Денисовский человек: происхождение, материальная и духовная культура".

Проводившиеся при участии зарубежных специалистов, в т.ч. профессора С. Паабо, исследования А.П. Деревянко останков человека алтайского *Homo altaiensis*, являвшегося вместе с неандертальцем *Homo neanderthalensis* и человеком разумным *Homo sapiens* предком современного человека, вошло в десятку наиболее значимых событий мировой науки в 2011 и 2012 гг. За это открытие академик А.П. Деревянко в 2015 г. был удостоен высшей награды Российской академии наук – Большой Золотой медали им. М.В. Ломоносова. Иностранном ученым, удостоенным этой высокой награды, стал выдающийся палеогенетик профессор С. Паабо.

Сегодня А.П. Деревянко, демонстрируя неукротимую творческую активность и энергию, находится на новом жизненном витке. В мае 2015 г. академик А.П. Деревянко вступил в новую должность научного руководителя Института археологии и этнографии СО РАН и остается им поныне.

С 1990 г. по настоящее время А.П. Деревянко является руководителем ведущей отечественной научной школы в области древнейшей истории. Он профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета (с 1982 г.), в котором заведует кафедрой Всеобщей истории, почетный профессор Томского политехнического университета и Национального исследовательского Томского государственного университета, почетный профессор Казахского национального университета, профессор-исследователь Университета Аризоны, почетный исследователь Института доистории Чунбукского национального университета, почетный профессор Цзилиньского университета.

А.П. Деревянко, будучи академиком-секретарем Отделения историко-филологических наук РАН (2002–2013), осуществлял координацию научной деятельности всех институтов историко-филологического профиля России, являлся членом Президиума РАН. С 1992 по 2002 г. входил в состав Государственного экспертного совета при Президенте Российской Федерации по особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации. С 2012 г. по настоящее время является сопредседателем Российского исторического общества.

А.П. Деревянко пользуется большим авторитетом в мировой археологической науке: он член-корреспондент Германского археологического института, иностранный член Академии наук Монголии, советник по науке Исследовательского центра древних цивилизаций Китайской академии общественных наук, иностранный член Черногорской академии наук и искусств, иностранный член Национальной академии наук Республики Казахстан.

Огромный вклад А.П. Деревянко в развитие науки и подготовку специалистов достойно оценен: он дважды лауреат Государственной премии в области науки и технологий (2002, 2013), лауреат общенациональной Демидовской премии (2004), лауреат Российской национальной премии поощрения высших достижений в области науки "Триумф" (2005), лауреат премии им. М.А. Лаврентьева "За выдающийся вклад в развитие Сибири и Дальнего Востока" (2005). А.П. Деревянко – кавалер орденов Трудового Красного Знамени (1982), Почета (1998), "За заслуги перед Отечеством" IV степени (2003), Дружбы (2012), "Александра Невского" (2018), "Полярная звезда" (Монголия, 2006), награжден медалями и отмечен республиканскими, ведомственными и общественными знаками отличия.

В 2023 юбилейном году Анатолию Пантелеевичу 20 июня 2023 г. на заседании общего собрания Российского исторического общества состоялось вручение высшей награды – Большой золотой медали Российского исторического общества. В июле 2023 г. губернатор Амурской области В.А. Орлов вручил А.П. Деревянко медаль "За заслуги перед Амурской областью".

Дальневосточник по рождению, Анатолий Пантелеевич свои пионерские исследования выполнил на Дальнем Востоке и не расстается с ним до сих пор: "Новопетровская культура пластин", 1970; "Ранний железный век Приамурья", 1973; "Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии", 1975; "Приамурье (I тыс. до н.э.)", 1976; "Громатухинская культура", 1977 (в соавторстве с А.П. Окладниковым). "Палеолит Дальнего Востока и Кореи", 1983; "Палеолит Японии", 1984; "Проблемы тихоокеанской археологии", 1985 (в соавт. с В.П. Алексеевым, А.Д. Боровским, Д.Л. Бродяжским и др.); "Исследования поселения Гася", 3 вып., 1992–1995 (в соавт. с В.Е. Медведевым); "Селемджинская позднепалеолитическая культура", 1998 (в соавт. с П.В. Волковым, Ли Хонджоном); "Могильник Найфельд", 1999 (в соавт. с С.П. Нестеровым, Е.С. Богдановым); "Польцевская культура на Амуре", 2000. К этому списку можно добавить серию отчетов российско-корейской экспедиции на острове Сучу на Амуре в 2000–2002 гг. и на сопке Булочка в Приморье в 2003–2005 гг. – совместно с В.Е. Медведевым и корейскими коллегами – и несколько популярных книг. Целая библиотека, в ней исследования – от палеолита до средневековья.

К своему юбилею Анатолий Пантелеевич подошел полным творческих сил и замыслов. Впереди его ждут увлекательные экспедиции, удивительные открытия..

Информация об авторах

Наталья Алексеевна Шабельникова, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, Владивосток, Россия, e-mail: nhistorik@mail.ru

Алексей Вячеславович Усов, канд. ист. наук, доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, Владивосток, Россия, e-mail: epronhist@ya.ru

Information about the authors

Natalia A. Shabelnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanitarian Disciplines, Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok, Russia, e-mail: nhistorik@mail.ru

Aleksey V. Usov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of State Law and Civil Law Disciplines, Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok, Russia, e-mail: epronhist@ya.ru

Поступила в редакцию 13.07.2023

Received 13.07.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Accepted 24.08.2023

Сообщение
УДК [39+572](063)(47+57)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/173-176>

XV Конгресс антропологов и этнологов России в Санкт-Петербурге: заметки участников

Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova77@mail.ru
Анна Юрьевна Ардальянова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ardy2004@mail.ru
Айтал Игоревич Яковлев
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия;
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, aytalyakovlev@mail.ru

Аннотация. В сообщении представлен обзор основных мероприятий XV Конгресса антропологов и этнологов России. В работе научного форума приняли участие более 1000 российских исследователей практически из всех регионов РФ и около 100 иностранных специалистов. На полях Конгресса ведущими отечественными и зарубежными учёными обсуждались вопросы этнокультурного наследия народов России и мира, человека и общества в проекциях устойчивости и изменчивости, реальности и виртуальности, традиционных знаний и новых технологий.

Ключевые слова: антропология, этнология, кросс-культурные исследования, поле и прикладные методы в социальных и гуманитарных науках

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113/>

Для цитирования: Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю., Яковлев А. И. XV Конгресс антропологов и этнологов России в Санкт-Петербурге: заметки участников // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 173–176. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/173-176>

Message
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/173-176>

XV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia in St. Petersburg: participants' notes

Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vinokurova77@mail.ru
Anna Yu. Ardalyanova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ardy2004@mail.ru
Aytal I. Yakovlev
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia;
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, aytalyakovlev@mail.ru

Abstract. The report presents an overview of the main events of the XV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. More than 1000 Russian researchers from almost all Russian regions and about 100 foreign specialists took part in the event. On the sidelines of the Congress, leading Russian and foreign scientists discussed the issues of the ethnocultural heritage of the peoples of Russia and the world, man and society in the projections of stability and variability, reality and virtuality, traditional knowledge and new technologies.

Key words: anthropology, ethnology, cross-cultural studies, field and applied methods in the social sciences and humanities

The work was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant № 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113/>

For citation: Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu., Yakovlev A. I. XV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia in St. Petersburg: participants' notes // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 173–176. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/173-176>

26–30 июня 2023 года в Санкт-Петербурге состоялся XV – юбилейный – Конгресс антропологов и этнологов России (КАЭР). Организаторами мероприятия выступили Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Институт этнологии и антропологии РАН, Ассоциация антропологов и этнологов России, Санкт-Петербургский государственный университет. В работе Конгресса приняли участие более 1000 российских учёных практически из всех регионов РФ и около 100 зарубежных исследователей из Абхазии, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Китая, Сербии, Таджикистана, Узбекистана, Южной Осетии и других стран.

Главная тема XV КАЭР – антропология и этнология в поисках ответов на социальные вызовы. В русле главной темы на полях Конгресса обсуждались актуальные проблемы и приоритеты антропологии и этнологии, междис-

циплинарные связи этих дисциплин, в том числе и с социологической наукой; феномен идентичности; национальная и языковая политика и мониторинг межэтнических отношений; поле и прикладные методы в социальных и гуманитарных науках; широкий круг проблем, связанных с исследованием миграций, цифровой антропологии, новых трендов в антропологии туризма и музейной антропологии и ряд иных современных направлений антропологии. Значимое место было отведено анализу достижений в области кросс-культурных и междисциплинарных исследований, проблемам социального и гуманитарного образования и просвещения.

26 июня в Таврическом дворце состоялись открытие и пленарная сессия. Приветствия участникам КАЭР направили министр науки и высшего образования РФ В.Н. Фальков, президент РАН Г.Я. Красиков, губернатор Санкт-Петербурга А.Д. Беглов, зам. председателя Правительства РФ Д.Н. Чернышенко, зам. руководителя Администрации Президента РФ М.М. Магомедов. В приветственных выступлениях особо была подчеркнута значимость антропологических и этнологических знаний для нашей многонациональной страны.

На пленарном заседании свои доклады представили член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН А.В. Головнёв; академик РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН Н.Н. Крадин; член-корреспондент РАН, ректор Санкт-Петербургского государственного университета Н.М. Кропачев; доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского Т.Б. Смирнова; эксперт Центрального университета национальностей и Китайской ассоциации этнологии Дин Хун. В пленарных выступлениях основной акцент был сделан на многонародности как особенности современного российского государства и образовании как важном инструменте сохранения и развития научных традиций.

Далее работа Конгресса была продолжена в рамках 54 тематических секций, 7 круглых столов и воркшопов. Также прошла презентация новых книг, профильных научных журналов и встреча с молодыми учёными, организованная по инициативе Министерства науки и высшего образования с целью представить проекты, гранты, конкурсы, социальные возможности, которыми могут воспользоваться молодые исследователи. В заключительные дни КАЭР был организован съезд ассоциации антропологов и этнологов России и представлена культурная программа с посещением Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, Российского этнографического музея и Государственного музея истории религии.

Подробнее остановимся на работе секций № 46 "Мигранты и принимающие сообщества: стратегии и практики взаимодействия и интеграции" и № 49 "Антропология холодного мира: пространственный миф, тексты культуры и ландшафты воображения Севера (от архаики к современному ментальному проектированию)", в работе которых мы принимали непосредственное участие (см. фото 1).

Ключевой для нас в соответствии с нашей грантовой тематикой являлась секция № 46, где было представлено 22 доклада по самым разнообразным аспектам миграционной проблематики. В частности, были рассмотрены различные формы интеграции иностранных мигрантов в принимающих региональных сообществах, например, моноэтнические поселения, "институт посредников", деятельность образовательных структур, социально ориентированных НКО и т.д. Большое внимание было уделено вопросу восприятия иностранных мигрантов местным населением в различных российских регионах. Часть докладов была посвящена образовательной миграции. В рамках этого направления рассматривались практики адаптации российских и иностранных студентов.

Что касается непосредственно нашего выступления, то мы представили предварительные результаты грантового исследования по проекту "Иностранные трудовые мигранты на Дальнем Востоке России: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодежи", иллюстрирующие повседневные практики трудовых мигрантов из государств Центральной Азии в социокультурном ландшафте дальневосточных городов. Доклад был выполнен

с опорой на экспедиционные материалы, собранные нами в Якутске, Хабаровске и Владивостоке.

В секции № 49 также был представлен широкий спектр выступлений. Часть докладов носила теоретический характер, была посвящена осмыслению феномена холода, холодных ландшафтов. Отдельно хотелось бы отметить выступления, где основной акцент был сделан на адаптивные технологии, культуру жизнеобеспечения в условиях Севера и Арктики. Так, например, общие параллели были выявлены в докладах, касающихся быта полярников в Арктике и Антарктике, повседневных практик жизни зимой в сельской местности средней полосы России, стратегий и тактик адаптации к российской зиме мигрантов из Центральной Азии. Общая тема холода как ресурса и источника жизни, как "национальная идея России" была озвучена в формуле – "дожить до весны" и в вопросе: "зимовать остаётся?". Эти высказывания хорошо иллюстрируют и тему нашего соавторского доклада "Холод как первая сессия: мигранты из Центральной Азии в Якутии", который гармонично вошёл в общую канву секции, вызвав интерес в форме комментариев, вопросов и уточнений.

В целом хотелось бы отметить высокий научный и профессиональный уровень представленных и обсуждённых докладов. Выражаем свою благодарность организаторам, спонсорам, рабочей группе XV КАЭР, а также Российскому научному фонду за грантовую поддержку. Проведённое мероприятие позволило нам представить предварительные результаты гранта РФФ № 23-28-01113 "Иностранные трудовые мигранты на Дальнем Востоке России: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодёжи", укрепить имеющиеся и наладить новые научные контакты. Следующий Конгресс антропологов и этнологов России пройдёт в 2025 году в Перми.

Фото 1. Руководитель (А.В. Винокурова) и исполнители (А.Ю. Ардалянова, А.И. Яковлев) гранта РФФ № 23-28-01113 "Иностранные трудовые мигранты на Дальнем Востоке: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодёжи" – участники XV Конгресса антропологов и этнологов России

Photo 1. Head (A.V. Vinokurova) and executors (A. Yu. Ardalyanova, A.I. Yakovlev) of the RSF grant № 23-28-01113 "Foreign migrant workers in the Far East: value orientations and behavioral strategies of working youth" – participants of the XV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia

Источник: личный архив А. В. Винокуровой.

Source: the personal archive of A.V. Vinokurova.

Информация об авторах

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Анна Юрьевна Ардальянова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ardy2004@mail.ru

Айтал Игоревич Яковлев, канд. ист. наук, доцент исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия; научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Information about the authors

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Anna Yu. Ardalyanova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ardy2004@mail.ru

Aytal I. Yakovlev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of History, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia; Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Поступила в редакцию 03.07.2023

Received 03.07.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Accepted 24.08.2023

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7].
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
9. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
10. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
12. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2022)**.
13. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.).
14. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен.
15. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
16. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009>.
17. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
18. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
19. Указание источника иллюстраций – обязательно.
20. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
21. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
22. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

**Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.**

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2023 № 3 (66)

Подписано к печати 04. 09. 2023 г. Вышло в свет 21. 09. 2023 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,64. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Индекс 79089

